

2 КНИГА 1
Меню бури

Вероника Стальная
ИМПЕРИЯ
ПЕСКОВ

Что делать Сашке — неугомонной любительнице приключений по кличке "Бес", попавшей в другой мир по чистой случайности? Не унывать и не сдаваться? Вот только Империя Песков в которой она очутилась — не любит новых гостей, а дар, полученный при переходе, больше похож на проклятье. Нет ни помощников в лице добрых старушек травниц, ни новой семьи готовой принять чужака с распростёртыми объятьями. Только мальчик-воришка, принявший девушку за своего неудачливого товарища по ремеслу, не даёт угодить в лапы к местным властям. Впрочем, даже в такой ситуации сдаваться не стоит, ведь где-то остался дом в который нужно вернуться и друг, надёжнее которого не сыскать.

Однако, эта история не так уж и проста.

- [Империя песков](#)

- [ГЛАВА 1](#)
  - [ГЛАВА 2](#)
  - [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ГЛАВА 18](#)
  - [ГЛАВА 19](#)
  - [ГЛАВА 20](#)
  - [ГЛАВА 21](#)
  - [ГЛАВА 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
-
-

Империя песков

Книга 1. Ученик бури

Вероника Стальная

— Мааам, я уезжаю, Дима уже у подъезда, где моя джинсовая куртка? — чтобы не спугнуть вдохновение, негромко спросила я, заглядывая в мастерскую. Точнее в бывшую родительскую спальню, но с каких-то пор все в нашей семье звали её именно так. Я уже и не помню, с каких пор просторная комната перестала быть жилой. Книжный шкаф заняли художественные принадлежности — кисти, грунт и самые разнообразные краски, на полу расположились картины, а холсты были аккуратно свёрнуты в трубочки и задвинуты в дальний угол. Кирилл уж точно не застал время, в которое здесь всё выглядело иначе.

Мама моя — Елизавета Викторовна Бесовская являлась человеком тонкой душевной организации и увлекалась живописью. К счастью, не я одна считала родительницу очень талантливой художницей, так что картины продавались весьма неплохо. Рисовала она часто и вдохновенно, так что я не удивилась, найдя её ранним утром сидящей перед мольбертом с загадочным видом и деревянной палитрой в руках.

Пшеничные волосы её были забраны в небрежный хвост, на щеке красовалось масляное красное пятно, а пальцы крутили тонкую кисточку. Она казалось, даже не заметила моего появления, но впечатление было обманчивым.

Я проскользнула мимо полотен, чтобы заглянуть за мамино плечо. Картина пестрила красками — сияюще-золотым, бордовым и алым, оттенками аквамарина, охры, меди. Она была насквозь пропитана жизнью, и казалось, вот-вот придёт в движение. Сюжет, изображающий сказочный восточный рынок, бережно передан во всех подробностях, поражая количеством деталей. Продавцы в тюрбанах и разноцветных традиционных халатах расхваливали товар на прилавках заваленных заморскими диковинками и дивными тканями. Меж людей шустро сновали чумазые мальчишки-попрошайки, и один из них как раз был занят срезанием кошель у зазевавшегося мужчины. Маневр не остался незамеченным, и парень с минуты на минуту рисковал быть пойманным за руку.

Я нахмурилась, работа будила во мне смутное чувство тревоги, но понять, чем это вызвано было уже невозможно.

— Сашка... Ну как тебе?

Чудесно? Волшебно? Потрясающе? Это всё она уже слышала, да и сама знает, что я восхищаюсь её картинами.

— Хм... Прослеживаются мотивы Сезанна, верно? — Протянула я с видом профессионального художественного критика, на что мама лишь усмехнулась, поспешно вытирая кисточки и снимая фартук.

— Нет, не прослеживаются, ты совсем не разбираешься в живописи. А куртку твою я постирала, она у нас на балконе весит, должна уже высохнуть.

Наваждение, навеянное картиной, слетело с меня подобно сухой луковой шелухе, и я торопливо поцеловав маму в щёку, помчалась за любимой курткой, стараясь не думать о том, как катастрофически опаздываю.

В сердце давно уже поселилось шальное воодушевление, ведь Димка — друг детства ещё с начальных классов, пригласил меня съездить на две недели в Абхазию на свадьбу двоюродной сестры. Он решил сделать поездку своеобразным подарком на моё девятнадцатилетие, а если учесть то, как я люблю путешествовать, лучшего сюрприза и придумать было нельзя.

Признаться, ехать к незнакомым людям на их праздник — ситуация довольно неудобная. Меня всё ещё смущала предстоящая реакция Димкиных родственников на наш приезд. Ведь они присылали приглашения на семью друга, а в конечном итоге к ним должна была заявиться чужая я. Однако друг клятвенно уверял, что всё пройдет гладко. Родители у него людьми являлись весьма занятыми и прерывать работу, чтобы поехать в чужую страну не собирались, решив взвалить миссию по налаживанию родственных связей на сына, а он в свою очередь воспользовался положением и позвал меня. Я же, посомневавшись, всё же пришла к выводу, что дарёному коню в зубы не смотрят.

Моя мама эту поездку изначально не одобряла, опасаясь впервые отпускать своего ребёнка так далеко, но в конечном итоге поддалась на уговоры, смирившись с тем, что дочь выросла неугомонной дикаркой не способной смирно просидеть на одном месте дольше минуты. С раннего детства творческая натура Ма пробовала вырастить из своего чада маленькую леди — привить любовь к музыке, танцам и естественно, рисованию, но все попытки заканчивались провалом. До двенадцати лет меня упорно наряжали в симпатичные платья и юбки, водили в секции по вокалу и музыкальную школу, стараясь не замечать на сколько меня всё это утомляет. Разучивание нот, и скучные домашние задания в художке вгоняли в тоску, а черно-белую палитру клавиш пианино я и вовсе скоро стала люто ненавидеть. Вернее нет, инструмент конечно же, был ни в чем не виноват и музыку я любила, но лишь когда её следовало было слушать её, а не создавать.

Неусидчивая, нетерпеливая, садясь за пианино, я ощущала себя инородным предметом в отлаженном часовом механизме, замедляющем ход движения стрелок. Я не ладила с инструментом, не была его частью, понимая, что и в дальнейшем не смогу найти с ним общий язык. Как только осознание простого факта стало ясным, я настойчиво попросила маму не мучить меня понапрасну, и она нехотя отступила.

Единственное чем маленькая Саша увлекалась достаточно долго были танцы — уроки на которых я ненадолго могла пустить в ход свою необузданную энергию. Но даже они не помогли маме вылепить из меня принцессу.

Платья постепенно вытеснили удобные брюки, длинные черные кудри были беспощадно отрезаны, уступив место короткой стрижке, а туфли на каблуках, которые старались мне подсунуть, ни разу не надевались, год за годом продолжая пылиться в шкафу.

Попытка уговорить меня учиться на спокойном педагогическом тоже провалилась с треском, и я выбрала для себя профессию репортера, окончательно разрушив родительские планы на моё счастливое будущее.

Ко всему прочему, даже выходных и каникулах я никогда не сидела дома, скитаясь с друзьями по походам и квестам, прихватив с собой фотопират, который стал в последнее время моим неразлучным спутником. И уж теперь я точно не могла упустить поездку в этот солнечный край, предвкушая тысячу новых кадров.

Однако, нельзя отрицать, что и у мамы на счёт поездки были скрытые мотивы. Подозреваю, что моя хитрая родительница-сводница, так просто отпустила меня вместе с другом, лишь из-за того, что страстно желала нас женить. И как это частенько бывает у мам, тихонько вздыхала, изредка выдавая изречения в духе: «Уж когда я на вашей свадьбе-то погуляю?» или «Эх, Сашка, так вот и не дождусь я от тебя внуков...» Но я на подобные провокации вестись не собиралась, упорно отрицая то, что Савельев для меня мог быть кем-то большим, чем закадычным товарищем.

— Рота, подъем! — крикнула я, промчавшись мимо спящего брата, который являлся

счастливым обладателем комнаты с выходом на балкон. Лабрадор по имени Карлсон, которого Кирилл выпросил себе в подарок на десять лет, подорвался с постели вместе с долговязым мальчишкой. Красавец, даже лохматый и помятый, Кир всё же выглядел очень трогательно. Вот кто взял от обоих родителей самое лучшее — папины правильные черты лица и высокий рост, мамины густые волосы и пронзительно-голубые глаза. Даже бледная россыпь веснушек его не портила.

— Саш, ну зачем? — простонал он, сонно потирая глаза, пока я снимала куртку с верёвки.

— Хочу попрощаться с несносным братцем, меня же две недели не будет

Такая вот я вредная, разбудила ребёнка только для того лишь, чтобы его потискать на прощанье. Хотя, от него сильно не убудет, каникулы же, да при том воскресенье. Я стиснула Кира в тёплых объятьях, всё же он хоть и бывал порой надоедливый, я его очень любила.

— Всё, ушла, можешь дальше спать, — наконец смилостивилась я.

— Пока, — буркнул он и печально простонал, — тебя же здесь и на день рожденья не будет, а я так рассчитывал на праздничный торт...

— Что?! Ах ты прохиндей, я с тебя даже подарка не спросила.

— Какого ещё подарка? — настала чужая очередь удивляться.

— Значит так, пока меня нет, будешь сам каждое утро выгуливать своего щенка. Это станет лучшим подарком на мой день рожденья. А то завёл пса, а выгуливать его всё чаще мне и маме приходится. Честное слово, лучше бы это был настоящий Карлсон, Малыш.

— Ладно, — опустил голову братец. Видно на Малыша обиделся, но знает что виноват. А ведь совсем недавно клятвенно уверял, что уже взрослый и способен самостоятельно ухаживать за собакой.

Щёнок проникся настроением своего хозяина и теперь тоже жалобно взирал на меня тоскливыми карими глазами. Я не выдержала и потрепала его за мягкими плющевыми ушами.

— Прослежу. Если сдержишь слово, обязательно будет тебе торт, как только приеду. Вот тогда вместе и отпразднуем. Хочешь, какой-нибудь сувенир тебе на память из Абхазии привезу?

Братец заулыбался и отчаянно закивал головой.

В коридоре я подхватила приготовленную сумку, ещё раз обняла маму, сказав, что вернусь совсем скоро и хлопнула дверь. Мне бы знать тогда, что домой я не вернусь ни через неделю, ни через месяц, и уж тем более не привезу Кириллу обещанного подарка.

* * *

Два дня трястись в душном плацкартном вагоне — испытание не из лёгких, особенно для холерика. Димка первое время пытался меня как-то развлекать и, выудив из кармана рюкзака упаковку с картами, предложил сыграть в «дурака». Вскоре к нашей компании присоединилась пара разговорчивых соседок, решивших между делом построить другу глазки. Такой шанс грех было упускать, и я предложила поиграть на что-то существенное. Конкретно обирать девушек было жаль, так что мы решили не вовлекать игру деньги, сделав ставки на еду. «Дурак» должен был купить последнему выбывшему игроку мороженое или бутылку минералки. Димка как истинный джентльмен, а как по мне — то просто чудак,

попутчицам поддавался, отыгрываясь потом на мне, так что в конечном итоге все ушли в ницью.

Однако и это занятие быстро наскучило, так что второй день я провела, отлёживаясь на верхней полке за прочтением электронных книг, периодически выскакивая на остановках, чтобы хоть как-то развеяться. За окном проносились однообразные равнинные пейзажи, паутина из переплетений железных путей и каменные высоты городов, так что я оживилась только ближе к ночи, когда на горизонте всё ближе начали появляться очертания гор. Последние часы поездки я просидела рядом с Димкой как на иголках, лелея в сердце ощущение щенячьего восторга.

— Хочу туда! — Я прилипла к окну, за которым только рассветал новый день.

— Ничего, скоро дождешься. Для Милы город родной, она проведёт нам экскурсию.

Можно организовать конную прогулку.

Димка следил за моей реакцией с привычной улыбкой, пока наши соседки моё желание прыгать по горам, аки козочка, не разделяли. Сёстры — обе высокие блондинки с ногами от ушей и гладкой оливковой кожей, были похожи друг на друга как две капли воды, и уже успели выведать у друга кто мы и куда направляемся, хотя я даже имён их толком не запомнила.

Наивные, вынюхав, что для них я как девушка угрозы не представляю, они похоже вознамерились поделить моего Савельева пополам.

— А вот я хочу на пляж, — многозначительно протянула одна из них. Ага, сказала бы ещё, что хочет новый купальник опробовать — было бы совсем непрозрачно, — Дима, вы единственные знакомые у нас здесь, надеюсь, у вас надеется время как-нибудь к нам присоединиться?

Я естественно, должна была быть скромным приложением на празднике жизни, где главным блюдом подавали шикарные формы этих полуголых красоток. Воображение шустро нарисовало богато украшенный праздничный стол, на котором, приняв соблазнительные позы, возлежали сестрички в полупрозрачном соблазнительном белье. Димка стоял рядом с ними, предвкушающе облизываясь, а я в форме официанта — скромном платье при белом передничке, с бесстрастным лицом подавала ему бокал вина на вычурном серебряном подносе. От такой перспективы меня передёрнуло.

Димка вывернулся, сообщив, что вряд ли у нас найдется на это время, но номерами телефонов со стервами всё же обменялся. Тут же отругала за то, что злюсь на девушек лишь потому, что они положили глаз на моего друга, хотя сама не имею на него никаких прав. Однако, это не помешало мне вздохнуть с облегчением, когда поезд наконец прибыл, а попутчицы, тепло распрощавшись (не со мной, естественно), отчалили на такси.

Нас же с перрона вызвалась встретить сама Милена, и я зря опасалась, что девушка отнесётся ко мне неприязненно. Димкина сестра оказалась самым милым человеком, которого только можно себе представить. Такого же маленького роста так я, только слегка полноватая, с каскадом кокетливых каштановых завитушек, она распространяла вокруг себя лёгкую ауру доброжелательности и веселья, заставляя улыбаться уже с первых минут общения.

Кинувшись на шею брату, а потом, обняв и меня, она неустанно щебетала о том, как рада нас видеть. Родители её, принимавшие иногородних гостей у себя, тоже выглядели очень благодушно и выдали нам с Димкой в распоряжение одну комнату. Квартира у них была просторная, но из-за свадебного переполоха пришлось потесниться, и друг ничего не

говоря, отдал в моё распоряжение кровать, а себе разложил односпальное кресло-трансформер.

Оставшийся вечер мы отдыхали от утомительной поездки, а на следующий день решили запланировать экскурсию в горы. К сожалению, Димка зря надеялся, что его сестра сможет составить нам компанию. Перед свадьбой Мила носилась по городу, разрываемая на части организационными хлопотами и на утро у неё было назначено посещение в салон красоты, где мастера обещали за один день сделать из неё сказочную нимфу. Так что, принеся нам свои извинения, она рассказала где можно найти красивые места, в частности небольшой водопад и горную реку, где я незамедлительно загорелась побывать, и упорхнула на косметические процедуры, оставив после себя лишь шлейф из лёгкого цветочного аромата.

Впрочем, мы с другом не единожды уже бывали на подобных вылазках, так что, быстро собравшись, наметили маршрут, и уже через пару часов я с наслаждением вдыхала чистый чуть влажный воздух Абхазии в окружении природы.

Нам провезло, жара отступила, по небу стремительно пробегали белоснежные облака — воздушные как сахарная вата. На расщелье от этого то и дело падали широкие тени, полосами сменявшиеся яркими солнечными участками. Дул освежающий прозрачный ветер и я, не обращая внимания на усталость, то и дело стремилась, закружиться в безумном танце.

Каменистая дорожка под ногами сменялась сочной изумрудной травой, а я летела ввысь по склону как одержимая, мечтая оглядеть раскинувшийся пейзаж с самой вершины горы. Конечно, добраться на заснеженный горный хребет нам с Димкой пока не по силам, но мечтать не вредно. Мы успели пройти по узкому серпантину дороги, с одной стороны заканчивающейся обрывом и теперь хотели забраться ещё выше, где среди скал должен был располагаться великолепный водопад.

Димка отвлёкся, сейчас он от чего-то выглядел как нельзя серьёзно. Ему это было не свойственно, обычно на наших совместных вылазках он шутил и вел себя как отпетый хулиган. Мы с детства с ним были сообщниками, задирами и мошенниками. Не удержавшись, я щёлкнула затвором фотоаппарата, запечатлев его в профиль. Получилось неплохо. Да такому профилю как у него, могут позавидовать греческие боги.

— Ты чего застыл, мыслитель? Вперёд, мы недавно отдыхали.

Друг отмер, смерив меня задумчивым взглядом.

— А ты планируешь таким темпом до Эвереста дойти и на него взобраться?

— Неплохая идея. Вот когда-нибудь дойду и заберусь. Вместе с тобой заберёмся. Пойдем, давай, кажется, я слышу горную реку.

Друг вздохнул и подал руку, чтобы мне удобнее было перепрыгнуть через небольшой ручей.

— Послушай, Бес, мне нужно с тобой серьёзно поговорить.

Я насторожилась. По моему опыту подобные фразы не заканчивались ничем хорошим. Так, например, ещё в младшей школе, папа мягко пытался выведать, не я ли разбила окно классной комнаты, кинув в него ранцем. Саша-партизан ни в чем не призналась, будучи свято уверенной, что её вины в том нет. Пусть лучше отвечает одноклассник, который решил, что может меня задирать. А то, что я в результате запустила в него портфелем, попав при этом в окно — то не моя вина, а побочный эффект его плохого поведения.

— Саш, понимаешь, — впервые вижу, чтобы мой друг так мялся, не зная с чего начать, — я был не очень рад этой поездке, когда думал, что придется ехать с родителями, но когда они отказались, решил что это будет отличным шансом. И я пригласил тебя сюда,

сказав Миле, что ты моя невеста.

Мои брови взлетели вверх, и до меня дошло, наконец, чему виной было её приветливое поведение.

— Ага, вот почему нам выдали одну комнату! — я чуть не рассмеялась, расслабившись — Ничего, Дим, всё в порядке. Должен же ты был как-то оправдать моё появление.

По-моему моя реакция ему чем-то не понравилась. Он нахмурился и хотел сказать ещё что-то, но я перевила своим восторженным криком, увидев впереди высокий берег реки.

— Потрясающе! — Я сбросила ранец на землю и помчалась вперед.

Вот теперь можно и остановиться. Брызги холодной воды попадали прямо на лицо, заставляя блаженно жмуриться. Неудержимый поток мчался вниз по склону, омывая скользкие камни. Стоит лишь оступиться — утонишь в пучине водного перламутра. Но сейчас, стоя на краю, зная, что позади надёжный друг, я чувствовала себя в центре вселенной. И это чувство опьяняло не хуже алкоголя, и я неслась за подобным, кажется, всю свою жизнь.

— Это ты потрясающая... — вдруг прошептал Дима за моей спиной.

Я обернулась. На его лице сияла улыбка. Солнце, вновь выглянувшее из-за облаков, делало глаза друга ещё более насыщенно-синими, а тени от черных ресниц ложились на щёки. И он сам, казалось, светился как полупрозрачный солнечный зайчик.

— Спасибо за это, — на одном дыхании выдохнула я, всё ещё находилось под воздействием адреналина, — я тебя обожаю.

Димка шагнул ближе, зрачки его расширились, и я осознала это совсем четко, потому что его лицо вдруг оказалось совсем близко от моего.

— А вот я тебя, кажется, люблю, Бесёнок... Вот что хотел сказать.

Я, наверное совсем простой человек — как валенок, можно сказать. Ведь будь во мне больше чуткости или хотя бы умишка, я смогла бы заподозрить о Димкиных чувствах раньше, перед тем как признание бросили мне в лицо. Или хотя бы, догадалась выслушать его полностью, не став перебивать в самом начале. Не будь я такой бестолковой в плане человеческих отношений, смогла бы ответить что-то стоящее в данной ситуации. Но я стояла, молча, как фарфоровая кукла — не более, только и способная, что закрыть глаза, когда её потрясут. Ведь ответить другу, который только что признался тебе в любви, это не то же самое, что спросить дорогу у незнакомого человека, или осадить зарвавшегося обидчика. Передо мной в одно мгновение открылось несколько перспектив, и я не знала, которую из них боюсь больше.

Димка не стал щадить мои чувства, притянув к себе куклу, что стояла сейчас на моем месте.

Я и поцелуй его почувствовала как-то отстраненно, будто прикосновение к губам произошло через ткань. Только запах его ощущался от чего-то до крайности остро — словно смесь перца и мятной жвачки. Чувствуя, что я не отвечаю, Димка просто отстранился от моих губ, и прижался ко мне щекой к щеке. Для этого ему всё ещё приходилось стоять, согнувшись, дожидаясь пока я смогу что-то вымолвить. А я в это время подметила, что подбородок у него чуть колкий, хоть и был утром гладко выбрит, и что волосы ещё больше выгорели на солнце, приобретя медово-медный оттенок, и что шрам, полученный им прошлый летом на соревнованиях, так и остался белым росчерком, переходящим через ключицу. И ещё сотню таких мелких деталей, которые я раньше не замечала или не задумывалась над ними.

Руки мои вмиг оказались на его плечах. Я была слишком ошарашена, и мне срочно требовался поток свежего воздуха. Голова кружилась. Я мягко оттолкнула Диму от себя и сама отшатнулась назад.

— Подожди, мне нужно... — На самом деле я и представить не могла, что мне на самом деле было нужно, но договорить не успела. Просто забыла, что сзади находится пропасть и холодные объятия горной реки.

Твердь под ногами пошатнулась, вниз посыпался песок и камни, увлекая меня за собой. Как сквозь слой войлока послышалось паническое: «Сашка, хватайся!». Друг успел перехватить моё запястье, но наткнулся на кожаный браслет, который расстегнулся, оставшись в его руках.

Меня же потащило вниз со страшной силой, как героев классических ужасов затаскивает под землю стая изголодавшихся мертвецов. Или мне просто казалось, ибо падать в пропасть всегда до поседения страшно. Пальцы уцепились за камни, но они были до того острыми, что я не смогла за них долго держаться, только кожу с ладоней содрала.

В глазах зарябило небо, край обрыва и такой невероятно далёкий Димка, а я падала спиной прямо в пасть жестокой водной стихии.

Что произошло дальше, пожалуй, полностью сказать не ручаюсь. Должно быть, я зажмурила глаза в самый последний момент, обречённо ожидая удара о воду, и перед ними в течении пары секунд пронеслась чья-то жизнь. Собственная или чужая — разобрать было невозможно. Калейдоскоп из картинок складывался в сознании, тут же распадаясь на части, чтобы показать новый образ, а я не могла сосредоточиться ни на одном из них. Мой мозг не выдерживал. Казалось, в голове одновременно роился целый улей из мыслей и фраз, ничего не значащих, но упорно жужжащих, как затёртая виниловая пластинка, и от этого становилось почти физически больно.

Но потом всё прекратилось. Угасли мысли и чувства — будто в центре черепной коробки кто-то выключил старый советский телевизор, только что работавший на полную мощность. Знаете, как бывает? Картинка меркнет, сворачиваясь в тонкую белую полосу в центре экрана, а от внезапно возникшей тишины начинает звенеть в ушах.

Было ли это игрой воспалённого разума, последствия стресса или шутки судьбы? На задворках сознания маячили дурные догадки, сейчас казавшиеся незначительными, но за одну я всё-таки сумела зацепиться. Я умираю, кажется? «Не хочу умирать» — эта мысль поразила как разряд молнии и она же заставила меня очнуться.

Какофония из звуков ворвалась в сознание, и среди неё небело шума воды — только треск рвущейся ткани и сухого ломающегося дерева. Вместо обжигающего холода реки, тело окатил жар. Даже воздух переменился, оказавшись горячим как у раскаленной докрасна печки. Но за открытием того, что я нахожусь не в воде, всё-таки последовал болезненный удар.

Падение пришлось на спину и, хотя оказалось чем-то смягчено, выбило весь воздух из лёгких. Я попыталась перевернуться и вздохнуть, но от боли этого сделать не получалось. Кажется, вновь упала, только уже на колени. Зрение всё ещё оставалось нечетким, перед глазами плясали размытые пятна. Всё что мне оставалось — стоять на четвереньках, и изучать окружающий мир практически на ощупь. Под пальцами оказался песок и камень — тёплый, слегка шершавый, а по спине стекало что-то липкое. Кровь? Не будь я атеистом, точно бы решила, что попала прямоком в ад. Но, даже если и так, что я ужасного успела сделать в жизни чтобы подобное заслужить?! Да, бывало, хулиганила по мелкому, но за такое же не бросают прямоком на адские сковороды, правда?

— Вставай немедленно, шпана! — кто-то отдал приказ, выплюнув злобное оскорбление, и я поняла, что обращаются ко мне, только когда чужой ботинок прошелся по рёбрам.

От подобного я не смогла не то, что встать — упала навзничь, уткнувшись лицом в дорожную грязь. Щёку будто огнем опалило, а в рот забился песок, но то были мелочи по сравнению с болью которую принес пинок. Человек видно не пожалел силы, вложив в удар всю свою ярость, но за что?! Хотелось взвыть от боли, но из открытого рта не вылетало ни звука. На инстинктах у меня получилось только скрючиться в позе эмбриона и прикрыть голову руками от предстоящих ударов, но их, как ни странно, не последовало. Только презрительное фырканье откуда-то сверху и ругань — странная, едва понятная. Мне казалось, что разговаривают на чужом языке, с одной стороны — ясном, а с другой — совершенно новом. Значения одних слов я могла понять, а другие были абсолютно незнакомы, и это пугало. Но более пугало, то что даже находясь не совсем в ясном сознании,

тему разговора я смогла уловить и она напрямую меня касалась.

— Вы посмотрите, что это делается?! — шипел мужчина, — Спрыгнул прямо с крыши, а теперь развалился! О Рахшер — покровитель, говорил караванщик, что Дарнас полон мерзких Шиа, но никто не сказал мне город кишит ещё и оборванцами! Не для того я прошёл Кровавую пустыню, доставив наи из садов солнечного Аллиона, чтобы какой-то паршивец испортил мне весь товар!

Меня опять пнули для порядка, заставив перекатиться на спину. Раскалённое бардовое солнце ослепило глаза, и я прищурилась, различив лишь высокую тень мучителя, возвышавшуюся над головой и мельтешащие силуэты людей, спешащих по своим делам. Наблюдателей моего избиения было много, но никто не спешил вмешиваться. Толпа кипела, перетекала, таяла, кто-то из зрителей задерживался, заинтересованный бесплатным представлением, но ни один не попробовал мне помочь — заступиться за жалкую девчонку, корчующуюся на дороге. Разве так и должно быть? А мужчина всё не прекращал разоряться, сетуя на несправедливость жизни.

— Из Аллиона! — в ответ ему кто-то басовито расхохотался, — Может заткнёшься уже, крикливый ишак? Твои гнилые наи выросли не дальше Безлунной пустоши! За них ты не выручил бы и сотни Эсо. Если решил навариться, выбив на шкуре этого вшивого пацана рабское клеймо, хватит вопить подобно плешивой кляче и портить другим торговлю!

— Стражу! — разбавляя крик ещё одним потоком непонятных мне слов, направленных в сторону другого торговца, выкрикнул человек, которому я, кажется, серьёзно перешла дорогу.

Тело резко подкинуло вверх, горловина свободной рубашки тут же впилося в шею, ещё больше перекрывая доступ к кислороду. Перед глазами, наконец, показалось красное лицо мужчины с арабской внешностью. Черная неухоженная борода торчала во все стороны на смуглом, сморщенном от загара лице, а сальные волосы выбивались из-под странного головного убора по типу классического тюрбана.

Мозг ещё отказывался осознавать ситуацию, в которую я попала.

— Отпустите, — прохрипела, пытаюсь пальцами оттянуть удавку из ткани, собравшейся на горле, и «араб» наконец ослабил хватку, видимо сообразив, что от мертвой меня ему уж точно пользы никакой не будет.

— Стой, паршивец, сейчас прибудет стража, ты у меня шкурой своей заплатишь.

Меня принимали за парня, что в принципе, было не удивительно. Короткая стрижка с челкой, то и дело падающей на глаза, широкие брови, и угловатые черты лица с высокими острыми скулами — и раньше многих вводили в заблуждение. А худощавое телосложение и манера одеваться в удобные мешковатые вещи — частенько заставляло подслеповатых бабулек обращаться ко мне не иначе как «милок». И теперь, представляя то, как выгляжу со стороны — растрёпанная, грязная и поцарапанная, можно предположить, что сейчас во мне и человека сложно признать, не то, что девушку.

Однако разубеждать бородача можно не торопиться. По телу прошелся мерзкий холодок, потому что я, наконец, полноценно смогла осмотреть место, в котором очутилась. Обшарпанная торговая лавка под разорванным тентом из грязной мешковины ютилась у стены, посреди огромного рынка. Наперебой расхваливали торговцы экзотические фрукты, чудесные заморские ткани, диковинных зверей, птиц и разнообразную домашнюю утварь, а покупатели, не уступая им, ожесточенно спорили, пытались сбить цену. В глазах рябило от яркости цветов, от движения, от деталей, но всё это было не важно. Я будто провалилась в

последнюю мамину картину — как Алиса прошла через зеркальную гладь, очутившись в сказочном королевстве. Вот только данная ситуация на сказку и с натяжкой не походила, и на видения рождённые пережившим стресс мозгом — тоже. И быть мне полнейшей дурой, если вариант: «Зажмуриться и потрясти головой, авось жизнь вернётся на круги своя» — окажется верным.

Будь я в любой другой ситуации, обязательно обдумала бы вариант с сумасшествием. Возможно, даже восхитилась новому месту, и не упустила случая всё как следует рассмотреть. Но сейчас меня держали за шкурку, рядом с разгромленным лотком на котором, раньше, должно быть, находилось что-то напоминающее наши персики, только насыщенного фиолетового оттенка, а теперь лежало месиво из плодов, половина которых осталась на моей спине! Факты на лицо — это всё натворила я. Устроила погром, свалившись несчастному человеку как снег на голову, и уничтожила товар, который он рассчитывал успешно продать. А это значит, что я увязла в неприятностях по самую макушку. Денег при мне было не много, оплатить долг я сейчас не в состоянии, да и здравый смысл вопил, что рубли здесь не принимают.

— Вот он, — снова заорал пострадавший торговец, — Сюда!

А между тем на сцене театра абсурдов появились новые действующие лица. Сурового вида мужчины направлялись в нашу сторону и выглядели очень устрашающе. Высокие как на подбор, мускулистые, они носили свободные бардовые штаны на манер шаровар и жилетки, плотно сидящие на плечах. Грудь их пересекали замысловатые кожаные ремни и такие же были на руках. Не удивлюсь, что за ними они тоже держат оружие, ведь помимо того у каждого за поясом висела пара огромных изогнутых клинков. Без сомнения, если я попаду в лапы к такой страже, простым испугом точно не отделаюсь.

Более того, местный антураж подсказывал, что с нарушителями здесь не привыкли церемониться, и отрубленная рука, да что уж там — голова, перспектива, по сравнению с которой наша родная кутузка покажется курортом. Нужно бежать — единственное, что казалось разумным. В голове созрел план — глупый, достойный лишь самонадеянного безумца, но на обдумывание другого времени небыло. Счёт шел на секунды, и я решила действовать.

Актриса из меня была не ахти, но достоверно сыграть обморок требовалось позарез. Не долго думая, и мысленно помолившись Станиславскому, я обмякла в руках торговца и повалилась на землю, придушенно хрипя, в надежде, что он от неожиданности догадается меня отпустить. Получилось, не иначе как госпожа удача соизволила показать свой лик. Чертыхнувшись по своему, мужчина выпустил из пальцев ворот моей рубашки и брезгливо отряхнул руки.

— Не вздумай здесь подохнуть, щенок! — зашипел он, но я уже не слышала.

Подскочив с места, рванула в противоположном от стражи направлении, лавируя среди толпы и распахивая нерасторопных граждан локтями.

Вот если и были во мне какие-то положительные стороны — это скорость и выносливость, выработанные благодаря активному образу жизни и пробежкам. И сегодня, кажется я била все свои прежние рекорды. Никогда бы не подумала, что человек, только что свалившийся с высоты и чуть не отбивший себе лёгкие, может так мчаться, но опыт показал — когда на кону стоит твоя голова, можно бежать и на сломанной ноге.

Сломав голову, не разбирая дороги, я брала препятствия из ступеней и балок, попадавшихся на пути, стараясь максимально сосредоточиться на своей цели — убраться

подальше от этого рынка, от этого торговца, а в идеале — от этой страны. Где бы я не очутилась — это точно была не Россия и не близлежащие страны. Да это, судя по всему, даже не Земля!

В боку колело, в глазах плясали черные точки, а я всё неслась вперёд, не оглядываясь за спину. Я не чувствовала погони, не слышала криков, но болезненное воображение подбрасывало картинки — яркие как кадры из голливудских кинолент, в которых меня непременно хватили за руки, и тащили на местную городскую площадь, чтобы свершить казнь на потеху многотысячной кровожадной толпе.

Сомневаюсь, конечно, что в реальности служители правопорядка предпочтут пышное линчевание скромным разборкам, но от этого легче не становилось.

Но погоня не должна продолжаться вечно, и лучшим решением было бы где-нибудь спрятаться, иначе везение в конце-концов может изменить. Удивительно, что забег не прервали ещё в начале — когда вокруг лавки ещё толпился народ, видевший моё грандиозное падение. Чего им стоило быстро среагировать и сцапать хулигана?

Декорации вокруг были не радостные. Однообразные домики из желтого камня, липли друг к другу совсем близко, а улочки становились все уже, напоминая хитросплетение лабиринта. Похоже, я забрела в какой-то бедняцкий район, и местные жители здесь были соответствующие. Их совершенно не волновало, куда я несусь, будто подобная картина стала у них весьма обыденной, хотя, не исключено, что так и было. Прямо на земле, привалившись к стенам в переулке, сидели нищие, и мою голову посетила мысль, что стоит присоединиться к их рядам, мимикрировав под окружающую среду. Вряд ли я сейчас многим от них отличалась. Нет, идея была скверной, не в моём положении — так рисковать.

Пот застилал глаза, и я всё чаще начала спотыкаться.

— Смотри куда прёшь! — Кто-то ткнул меня между лопаток, и я поняла, что не удержусь, заваливаясь вперёд. Здравствуй, ещё одно падение в грязь лицом.

Взмахнув руками, я уцепилась за что-то мягкое, запоздало сообразив, что схватила за одежду прохожего, повалив его вслед за собой. Ну что ж, сейчас он встанет и добавит мне синяков. Человек пискляво вскрикнул, придавленный моим телом, и я увидела под собой совсем ещё мелкого мальчишку лет тринадцати, чуть старше Киррила... Всплывшее в памяти лицо брата заставило замереть, и уставиться на другое — совсем незнакомое. Чумазое, пыльное, с одними огромными карими выразительными глазами — вылитое огородное пугало.

— Чего уставился, слезь с меня! — воскликнул мальчишка, вынуждая меня опомниться и послушно откатиться в сторону.

Он выглядел совсем жалко в мешковатых серых штанах и такой же безликой тунике. На ногах у него были худые истоптанные тапки. Неприкаянная душа.

Задавила в себе проснувшееся сочувствие. Нечего разлёживаться, меня, возможно, всё ещё преследуют. Буркнув под нос извинение, затравленно огляделась по сторонам, не замечая того, что паренек, на котором я только что повалялась, всё ещё здесь и глазеет на меня.

— Куда бежишь, вор? — хитро прищурился он.

— Да не вор я! — огрызнулась, понимая, насколько в данной ситуации это выглядит комично. За кого ещё можно принять оборванца, убегающего от погони?

— Ага, — хохотнул мальчишка, — Не пойман — не вор. Я вот тоже невор...

Утерев лоб рукавом рубахи, решила дать себе передышку. Ватные ноги дрожали, и

приходилось приложить немалые усилия, чтобы не рухнуть от усталости прямо на месте. Организм молил о пощаде, да я и сама понимала, что не дело это — петлять из стороны в сторону как загнанный заяц. Но на противоположном конце улицы, откуда я появилась, намечалось оживление, а я всё ещё не видела места, в котором можно было бы затаиться.

— Пока, — бросила пареньку, собираясь снова пуститься в пляс.

— Ты совсем, дикий? — со смесью восхищенья и жалости, спросил вдруг новый знакомый, — Это городская стена, дальше некуда бежать, тупик.

Я застыла соляным столбом. Нет, нет, нет-нет-нет. Добегалась, черт!

— Именем императора, прошу расступиться! — фраза прозвучала подобно раскату грома в моей голове.

— Это конец... — застонала, наблюдая, как послушно расступается толпа, а за ней показываются знакомые силуэты в форме.

— За мной! — и видимо в моем голосе проступило столько отчаяния, что тот самый воришка, на которого я только что повалила, решил взять дело в свои руки, и потащил за собой, крепко вцепившись в мой рукав. А я, как утопающий хватается за соломинку, позволила ему эту вольность.

Однако, расслабилась я рано. Глаза расширились, как только я сообразила куда меня увлекают.

— Но ты сказал, что там тупик! — возмущённо воскликнула, глядя на то, как подворотня и впрямь заканчивается городской стеной, залезть на которую не представлялось ни единой возможности. Без выступов, будто вырубленная из цельного скалистого массива, она к тому же была в три раза выше человеческого роста.

Неужели паренёк завёл меня в ловушку? Но стоило тогда издеваться, давая надежду на мнимое спасение?

— Лезь! — воскликнул провожатый, и я вытаращилась на него как баран на новые ворота. Он точно издевается.

— Куда?!

Больше не спрашивая, меня толкнули вперёд, и я почувствовала, что проваливаюсь под землю, а точнее в открытый люк, который я даже не заметила. Всплеск воды и я больно ударилась пятками, чудом удержавшись на ногах.

Паршивец скинул меня в канализацию!

Уже не пересчитать сколько раз за этот злосчастный день я сваливалась в какую-то гадость, но данный инцидент нельзя сравнить ни с чем. Я по колени оказалась в жуткой зловонной жиже, а когда свет вдруг погас, поняла, что мой «спаситель» прикрыл чем-то люк.

Нецензурно выругалась. Маленький гадёныш же не может просто так меня тут бросить!

«А почему бы и нет? Он тебе ничего не должен. Спас от стражи, а дальше выбирайся как знаешь» — тут же возразила самой себе. Да и что такое грязь по сравнению с отрубленными конечностями? Небольшие неудобства — и только. Стоило радоваться полученной передышке, а не жаловаться на способ, которым она получена. Наконец, глаза привыкли к полумраку, и я различила, что и правда нахожусь в месте похожем на канализацию. Округлой формы лаз был похож на змеиную нору, и от этого сравнения на душе становилось не легче. Не то, чтобы у меня была клаустрофобия или иной подобный недуг, но сейчас низкий потолок давил, а направления для движения было всего два. Один — ведущий в центр города, а второй — за стену, о чем говорил едва брезжащий в той

стороне свет.

Стараясь не думать где нахожусь, и что может плавать рядом со мной, побрела в сторону света. Бесплезное занятие, но стоит попробовать, спешить мне было уже некуда.

Ведь что мы имеем? Я явно не на земле, и хотя мне некогда было подробно изучать обстановку, факт того на лицо. Здесь небело ни единого намёка на современность, и человеку, который живёт в веке мобильных технологий и крутых гаджетов, сразу бросается в глаза, что ни у одного местного жителя нет в руках телефона, а на улицах не висит ни одного вычурного плаката с рекламой. Это даже не прошлое! Постаралась прогнать в памяти все подробности своего здесь появления, чтобы заново их переосмыслить. Хотя, с первого взгляда было похоже... Одежда местных жителей и их поведение навевали мысли о древнем востоке. Да я не видела ни одной свободно прогуливающейся по улицам женщины! Несколько, пожалуй, шли в сопровождении мужчин и были закутаны в аналог паранджи. Признак махрового патриархата!

Однако, язык — знание которого чудесным образом передалось и мне, отличался шипящими, и был незнаком, если не брать в расчёт звучание парселтанга.*

В подробностях вспомнила перебрёхивание торговцев на рынке, и поняла, что слова «Дарнас» и «Аллион», были скорее всего названием городов, а «Рахшер» — какое-то божественное обращение. Слова, которые совершенно ни о чем не говорили.

В теорию которая включала в себя травму головы, кому и глюки, честно говоря, верить не хотелось. Да и не могло. За сегодня я получила по шее так, как не получала за все девятнадцать лет своей жизни. Ведь если человек обязан проснуться от одного щипка, я должна давно оказаться дома в своей постельке, или на больничной койке, под капельницами и с многочисленными переломами после судьбоносного полёта со скалы — это уже как повезёт.

Пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться. Следуя советом психологов, начала повторять про себя как мантру: «Всё хорошо, я в порядке, практически не пострадала. Всё хорошо. Мои близкие живы. Всё хорошо. Я просто нахожусь в незнакомой стране. Одна. Без денег, без жилья... Всё хорошо!» Да кого я пытаюсь обмануть?! Эти шарлатаны — мозгоправы ничего не смыслят в успокоении. И даже если не брать в расчёт своё благополучие, я представления не имею, что сейчас должно твориться с моими близкими!

Димка... Мой бедный, Димка... Он же подумает, что я умерла или пропала без вести. А судя по тому, что тело моё при мне — его не найдут. И как он это будет объяснять полиции? Ох, лишь бы это ему не навредило.

Потом я представила, что случится с мамой, когда ей сообщат, что дочь не вернётся из поездки. Она же всякую мелочь воспринимает близко к сердцу, что уж говорить про известие о пропаже ребёнка!

Оставалось надеяться, что сейчас присутствие Кира поможет ей оправиться от горя. На глаза начали наворачиваться слёзы, и я просто зажмурилась, не решившись стереть их грязными руками. Не время реветь. Как говорила Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра». Банально, а что поделать? Не дело наматывать сопли на кулак, если над головой вот-вот гроза начнется. Вспомню о печалях когда выберусь отсюда, а лучше — когда найду способ попасть обратно, или научиться жить заново. Последний вариант оставался на худой конец.

Идти было тяжело. Любимые кеды намокли и гадко хлюпали, а шею что-то натирало. Я

только сейчас запоздало вспомнила, что на плече всё ещё висит сумка с камерой! Подозреваю, что дорогостоящая аппаратура пала смертью храбрых.

Городская стена оказалась, как и ожидалось, довольно близко. Узкий туннель заканчивался массивной кованой решёткой, что меня совсем не удивило, но вот за ней... Судя по всему город находился на возвышенности, а точнее — на самом обрыве громадной каменной скалы. Под ногами разверзлась пропасть, а дальше, насколько хватало зрения — бескрайним ковром простиралась пустыня. Раскалённые песчаные барханы бугрились огромными волнами, а закатное солнце окрашивало их в багряные и медные оттенки. И ни одного несчастного деревца не было видно на горизонте, только мыльное туманное марево, расползающееся на востоке. В него вот-вот должно было окунуться солнце.

От завораживающего пейзажа, насколько великолепного, настолько и зловещего, защемило сердце.

«Вот, мамочка, я вживуюзираю на твои любимые картины из стока древней канализации. И откуда ты только брала эти мотивы, когда ни разу не была не то что в каком-нибудь Египте, а даже из России не выезжала?»

Однако, мозг мой слишком устал от размышлений, и я поковыляла обратно, ещё не зная как планирую выбираться. Покинутый люк нашла быстро. Попытаться вылезти тут или пройти дальше и разведать обстановку? Мальчишка никаких указаний на этот счёт не давал, так что я решила освоить для начала старую территорию. Может здесь должна быть какая-то лестница, ведь если есть вход, где-то по любому должен быть и выход?

Обваривая стену изодранными в кровь пальцами, я тут же пожалела о своём решении. Кладка была скользкой и холодной, как подтаявшее желе, и я серьёзно начинала опасаться подхватить тут какую-нибудь заразу, и погибнуть в самом расцвете лет, даже не попробовав выбраться из этой заварухи. Лестницы не нашлось, только пара камней едва выступающих из стены. Если попробовать зацепиться за них, попытаться оттолкнуть крышку люка, повиснуть на нем, подтянуться и вылезти. С виду просто. Черт, но я же не Арнольд Шварценеггер и даже не человек паук! Маневр слишком сложен для моего тщедушного тельца!

Ноги начали мёрзнуть.

Ещё варианты? Пойти в противоположном направлении и проверить, что это даст. Только что я знаю о строении канализации? Плюнув на всё, привалилась к склизкой стене. Усталость брала свое и я опасалась, что если сделаю ещё шаг, обморок будет уже реальным. Стоит подождать своего провожатого, даже если вера в людей давно пошатнулась.

Доверять незнакомцам опасно и глупо, но без этого мне сейчас просто не выжить. Ведь даже если я выберусь в одиночку, гарантированно влипну в неприятности уже в течении получаса.

Без еды, без одежды, слишком необычная для этого мира, в окружении бескрайних песков. Будь тут хотя бы привычный мне климат, можно было бы попробовать на первых парах справиться в одиночку, но сейчас судьба насмехалась надо мной, не оставив ни единой возможности к отступлению, для девочки знакомой с походной жизнью.

Время тянулось, а я всё глубже погружалась в унынье, которое было куда хуже и этой канализации и самых страшных зыбучих песков.

Одно оставалось ясным — мне нужны деньги. Не существовало ещё ситуации, из которой нельзя выбраться с помощью «звонкой монеты». Но где её взять? Провела мысленную ревизию своего имущества. Камера — бесполезно, если только на запчасти разобрать, и то пользы в данной ситуации не принесёт. Только привлечёт лишнее внимание.

Сумку с едой и полезными мелочами я, как на зло, забыла. Помнится, небрежно бросила её на землю когда подходили к реке, чтобы не мешала. А вот некоторые украшения, пожалуй, могут сослужить полезную службу. Впервые пожалела, что не ношу на себе связку из драгоценных побрякушек. В такой ситуации не помешал бы целый комплект из серёг, браслета, по золотому кольцу на каждый палец и массивной цепочки на шею — как у нового русского. Увы, я не была любителем аксессуаров, так что при мне их нашлось не много.

Быстро вынула из ушей пару золотых колечек и два неприметных гвоздика с рубинами. Вот называется, когда не пожалела сделав сразу несколько проколов в ухе. Задумчиво повертела на пальце мамино обручальное кольцо, которое она с некоторых пор носить не желала и отдала мне. Красивое, немного вычурное, но от этого не менее очаровательное.

Широкое, с причудливым изображением из переплетающихся лоз и россыпью небольших черных камушков по периметру. Вот его, возможно, можно было бы продать подороже. Но даже сейчас, находясь в безвыходной ситуации, я поняла, что его не отдам.

Лучше спрятать, повесив на верёвочку на шее. Ведь даже если я его продам, денег в любом случае хватит не на долго и дальше придётся научиться выкручиваться собственным трудом. А несколько дней, за которые мне удастся прожить на вырученные деньги, не стоят того чтобы отдать за них последнее воспоминание оставшееся о родных.

Засунув на время своё добро в передний кармашек джинс, прилипших сейчас к телу как вторая кожа, я поняла, что сделала это очень своевременно. Не дело это — дворовому бродяге носить на себе женские украшения, а эту роль, судя по всему мне придётся отыгрывать до конца. Ведь по тому что я видела, равноправием полов тут даже не пахнет.

В тишине послышался скрип, заслон наверху отъехал в сторону впуская в полумрак луч света. Я шарахнулась в сторону чтобы не оказываться прямо на виду у незваных гостей.

В проём просунулась знакомая чернявая голова мальчишки-пугола.

— Эй, неудачник, ты здесь? Не утонул ещё?

«Почти. Ещё немного и захлебнулась бы в отчаянии!» — отстранённо подумала я, но вслух, естественно, не сказала.

— Да! — воскликнула, и он должно быть заметил, сколько в моём голосе было в тот момент облегчения. Не хотелось выставлять слабости напоказ, но сейчас я была так счастлива, тому что за мной вернулись, что готова была немедленно прыгнуть пацану на шею и расцеловать. А ведь я недавно кляла его, на чем свет стоит. Тут же прокашлялась, стараясь сделать голос грубее, и хотя он без того был довольно глубоким и девичьей звонкостью не отличался, на мужской походил с трудом. — Вытаскивай меня отсюда.

В проём опустилась скрипучая доска с парой косых перекладин, и я вскарабкалась по ней наверх, задвинув на задний план боль в натруженных мышцах.

На улице уже начинало темнеть и теперь, когда основная опасность прошла стороной, окружающий мир будто повернулся под другим углом, и я нашла неуловимое очарование в пламенеющем вечернем небе и длинных тенях лежащих под ноги от лабиринта стен.

— Я — Мика, — без лишних слов представился мой спаситель.

Пришлось задуматься над тем, как бы назвать себя в ответ. Вряд ли моё настоящее имя пользуется здесь особой популярностью, а придумывать что-то заковыристое вдвойне не имело смысла. Во-первых: и здесь можно было с лёгкостью прогадать, сморозив глупость. Во-вторых: даже если не промахнусь, то отзывать на это потом самой будет сложно.

— Бес, — буркнула я, отряхивая с одежды налипшую грязь. Решила назваться дружеским прозвищем. Сомневаюсь, что в сочетании из трёх букв можно заметить что-то

криминальное, а я к нему уже привыкла, так что оно стало для меня практически вторым именем.

Мика всё ещё сверлил меня задумчивым лисьим взглядом, и я внутренне напряглась, приготовившись к накопившимся у него вопросам, но мальчишка меня удивил.

— Ты мой должник, Бес. Этот канализационный сток давно засорился, и тебе повезло, что я о нем знал, — сообщил он, переминаясь с ноги на ногу, будто хотел сказать что-то ещё, но так и не решился. В конце-концов мальчишка досадливо махнул рукой, и направился от меня прочь, удаляясь от городской окраины.

В прошлый раз, пробегая здесь, я не заметила, что улочка ближе к окраине неукоснительно спускается вниз, а весь город со стороны напоминает большой муравейник. Если поднять голову, отсюда можно увидеть, как постепенно возвышаются здания ближе к центру, а вдалеке — на самой вершине, сияют в последних отблесках солнца золотые купола. Неужели дворец? Вот бы не раззявить рот от удивления.

— Постой, — я бросилась за мальчишкой, поняв, что на этом наши отношения могут и закончиться, — Мика, подожди, мне необходима твоя помощь!

Парнишка повёл плечами, но шаг слегка замедлил, позволив поравняться с собой. Может с моей стороны, одолжение, которое я хотела у него попросить покажется наглостью, но многие утверждают, что она в жизни — второе счастье.

— Ну что ещё? Слушай, я тебя от стражи укрыл? Укрыл. Из солидарности, знаешь ли, и не рассчитывал, что ты прицепишься ко мне как дикий Иш'цы, так что давай по существу

«Как кто?» — напрашивался вопрос. Встроенный переводчик в моей голове передавал лишь значения слов имевших аналоги в русском языке, и мне не терпелось узнать кем это меня обозвали, но если спрошу — определённо выставлю себя глупцом. Так что сделала себе мысленную заметку на будущее — выведать, что это за зверь такой.

— Я не местный, — решила не ходить вокруг да около. Либо повезёт и Мика поможет, либо пойдёт к местным чертям — третьего не дано, — мне негде ночевать, и нужна новая одежда,

и...

— Эй, стой, — Мика вскинул руку вверх, обрывая меня на полуслове, — нет, вот именно о том я и говорил! Мне не нужны проблемы, или думаешь я тупой? Уже жалею, что решил тебе помочь. Сначала конечно, подумал что ты из «наших», но потом сообразил. Нет, одежда на тебе странная, да и вообще ты весь из себя... — мальчишка фыркнул совсем как кот. — Признайся, ты сбежал от хозяев и теперь тебя ищут

— Я... Нет... — опешила. Хозяева. Точно, в памяти всплыл разговор двух торговцев разругавшихся при моём появлении. Напугавшая ещё тогда меня фраза была про рабское клеймо. Видимо пострадавший торгаш решил, что если мне нечем уплатить, можно продать бродягу в рабство.

— Показывай запястья, — жестко приказал мальчишка, — И не делай вид, будто не понимаешь. Ты слишком миленький для обычного проходимца. На лице меток нет, но это ещё ничего не значит. Некоторые хозяева не желают портить мордашки своих евнухов, их женщины подобного не любят, так что метки переносят на руки. Показывай.

Я содрогнулась. А перспективы всё краше и краше. Похоже, меня приняли за кастрата.

Закатала рукава рубашки по локоть. Хорошо всё-таки что утром я надела именно её. Черная разлетайка сидела свободно, не выделялась сложным покроем и главное — скрывала небольшую, но совсем не мальчишескую грудь. С меня бы сталось выбрать облегающую

футболку с вырезом. На излишне худую фигуру и отсутствие форм я особо никогда не жаловалась, но сейчас была этому крайне рада. Уж лучше пусть принимают за евнуха, чем за бабу. Да что уж там, я сейчас бы и лешим не отказалась побыть — уж перспектива куда приятнее, чем попасть в местный гарем или невольничий рынок.

Хотя, гарем — это я себе польстила. Туда, наверное, строгий отбор из красавиц всех мастей, а меня к ним отнести можно лишь с натяжкой. Но это не помешало воображению нарисовать красочные картины того, что здесь могут сделать с потерянной беззащитной девушкой.

Повертела руки со всех сторон, так и сяк показывая чистые запястья.

— Доволен?

Мика был удивлён, но эмоции на лице скрыл быстро.

— А ручки то всё равно холёные, — протянул он, не признавая своей ошибки.

Быстро спрятала ладони за спину, чтобы не разглядывал больше. Изысканного маникюра там, конечно не наблюдалось уже давно, да и исцарапанные они были сейчас, будто весь день шиповник собирала, но всё равно пальцы подозрительно тонкие, не узловатые как у парней — чисто девичьи, с аккуратно обрезанными продолговатыми ногтями.

— Так сможешь? — не пожелала продолжать тему я, — могу заплатить.

— Чем? Натурой что ли? Так ты не по тому адресу. Или там у тебя что-то интересное в сумке, может всё-таки что-то важное украл? Занятная вещь.

— Хватит этих намёков! — Мика снова продолжил путь, и я засемила следом. Было бы странно, если бы он не обратил на сумку внимания. Бережно погладила камеру, всё ещё сомневаясь в её целостности. Такая вещь была... — Нет, это моё. Никто искать не будет.

Покопалась в кармане и вынула золотую серёжку с камушком.

— Вот, — народ с улицы почти разбрёлся, а тот, что был, не обращал на нас особого внимания, но я всё равно опасливо протянула парню украшение.

Мика ловким движением забрал серёжку из пальцев, едва ли задев мою ладонь, но я всё равно вздрогнула. Он будто током бьётся...

Мальчишка задумчиво покрутил «гвоздик» перед своим носом, видно определяя ценность на глаз.

— Не густо, — безразлично изрёк он, с сомнением покосившись на меня.

— Это золото, — сочла нужным пояснить. Хотя, мало ли, вдруг оно здесь ценности не имеет никакой?

— Вижу, да только ты и впрямь не местный, если не знаешь, что у нас такие безделушки не в почёте. Знать размах любит, а за такую мелочь никто и пары солей не даст. Какой мужчина смог бы преподнести это в подарок своей жене? Она ж обидится и подумает что муж совсем её разлюбил.

Я повесила нос. А на что собственно рассчитывала? Что, продав свои серьги, стану богатым и состоятельным человеком? Три ха-ха. И всё же надо разузнать у Мики о местных денежных единицах и что на них можно купить. Вот только как это сделать помягче, чтобы не выставить себя недоумком?

Мальчишка между тем засунул свою добычу в карман, заставив меня возмущённо засопеть. Вот нахал!

— Слушай, не желаешь помогать — так обратно отдавай, а я сам как-нибудь справлюсь. — Начала хорохориться я.

Мика поцокал языком, видно прикидывая, полезу ли я к нему драться. Признаться, не постеснялась бы дать волю кулакам в любой другой ситуации, за своё добро я бороться готова. Вот только он и так помог мне — это тоже чего-то стоит.

— Ладно, пойдем, — с ноткой превосходства в голосе сообщил новый знакомый, — поживёшь пока у меня, иначе вижу, пропадёшь, наивный. И какой бурей тебя к нам занесло? Но с одним условием — расскажешь, кто за тобой гнался и почему. Мне проблемы не нужны.

Я воодушевлённо закивала, на ходу придумывая сказку о том, как повалила на рынке прилавки с фруктами и за это на меня натравили отряд охраны. Ситуация была не далека от истины, так что мне удалось в красках расписать масштабы погрома, реакцию торговца и собственных испуг. Умолчала только о том, как очутилась на месте преступления, и как оказалось не зря.

Историю себе нужно продумать тщательнее, но пока я плохо представляла где нахожусь, чтобы болтать. Да и не любила я врать, так что подумала было, что возможно стоит рискнуть и сказать таки правду о том, что я из другого мира. Вдруг это и не редкое явление здесь вовсе, и мне нужные люди помощь окажут, пока мальчишка не сболтнул:

— А я думал, ты впрямь что-то серьёзное натворил. Поверь, они за тобой даже не гнались. Императору сейчас не до мелких хулиганов. Зря только бежал сломя голову...

— Что? — всё-таки переспросила я, — а как же... Ты помог мне в переулке. А там стража была...

— Ну, так я ж тогда не знал в чем ты накосячил, но пока ты в этой выгребной яме сидел, я сбегал в центр и кое-что выяснил. Сегодня днем в черте города была открыта запретная грань. Стража отправлена патрулировать город в поисках Шиа.

— Кого? — всё-таки решила переспросить, чтобы разъяснить ситуацию.

— Пришельцы из закрытых миров, — пояснил мальчишка, закатывая глаза, — Столица уже более пятнадцати лет закрыта от вторжений, но в последнее время даже это не помогает. Шиа — разрушители, большинство из них бесчувственны и питаются человеческими жизнями.

Меня бросило в дрожь, но не от описания бесчувственных иномирян, а от того, что из портала сегодня вывалилась именно я. Скрыть панику на лице получилось, видимо, с трудом.

— Как они выглядят, — охрипшим голосом спросила, надеясь, что Мика спишет моё поведение на излишнюю впечатлительность.

— А кто их знает? Я никогда не видел, но люди рассказывают, что по-разному. Одни описывают жутких черных чудовищ напоминающих песчаных котов, только с голодными красными глазами. Другие — размытые тени, почти бесплотные, но высасывающие из людей всю энергию. Говорят что после встречи с такими от человека остаётся лишь высушенный скелет, обтянутый кожей.

Мика явно нагонял на меня страху. Но я всё думала о другом. Стража действительно искала меня, но не по тому поводу. Если они ловят иномирян, дела обстоят куда серьёзнее.

И то, что я с виду не похожа на жуткого монстра, не даёт никакой гарантии безопасности. Оставалось задать Мике лишь один животрепещущий вопрос.

— А что власти делают с Шиа?

— Уничтожают естественно. Говорят, некоторые интересные экземпляры идут на опыты к придворному магу.

Вопрос закрыт Мне ни за что нельзя говорить, что я из другого мира.

Жара спала, сменившись зябкой прохладой, как только последний луч солнца погас за горизонтом. Ночь здесь наступала невероятно быстро, окутывая небосвод чернильным полотном с россыпью крупных звёзд. Такое в моём шумном мегаполисе увидеть невозможно. В последний раз я видела столь невероятно яркий млечный путь, когда гостила в деревне у Димкиной бабушки. Помнится, мы забрались с другом на крышу сарая с камерой, штативом, запасом различных вкусовностей, и проболтали ночь напролёт снимая небо.

И опять от воспоминаний в горле встал болезненный ком. А ведь раньше я считала, что у меня нет зоны комфорта. Что она — это некое пространство, типа уютного дома в который ты возвращаешься после работы, что это привычка покупать кофе по утрам в старбаксе, пользоваться благами цивилизации, или сидеть в драгоценном смартфоне. А сейчас вдруг с невероятной ясностью, стало понятно, что моя зона комфорта — это люди, всё время находящиеся рядом. А я по наивности своей и предположить не могла, что когда-то может стать иначе.

Хватит смотреть на небо, здесь я не могла найти ни одного знакомого созвездия, да и в том, что это моя галактика сомневаюсь.

Мика был уверенным штурманом и вёл меня по узким улочкам Дарнаса. Что город называется именно так, я уловила из слов провожатого, который на деле оказался тем ещё любителем поболтать. После того как меня выбели из колеи известием о том, что иномирян вылавливают, я плелась за ним как пришибленная и слушала, слушала, слушала.

Естественно, не обошлось и без вопроса, откуда я. К счастью Мика не стал спрашивать в подробностях мою биографию и место рождения, так что удалось отделаться общей фразой «я с севера». И после подобного размытого ответа, меня, как ни странно, оставили в покое. Это играло на руку, но не факт, что так будет продолжаться и в дальнейшем. Я сделала себе мысленную заметку подробнее изучить географию мира, чтобы как следует подготовиться к непредвиденным ситуациям. Пока же, лишний раз открывать рот было попросту опасно, и всё же я постаралась ненавязчиво выведать информацию о местном порядке, то есть за какие грехи можно угодить в рабство, что было для меня самой актуальной проблемой на данный момент

Ответ — да практически за всё. Преступники здесь не сидела в тюрьмах на содержании, а живо отправлялась на невольничий рынок, где с них быстро сбивали спесь, и продавали на различные работы в зависимости от тяжести преступления. Заёмщики, не сумевшие в срок выплатить долги, могли расплатиться либо собственной жизнью, либо жизнью своих детей.

И я с ужасом слушала, что здесь в порядке вещей продать собственного несовершеннолетнего сына или дочь, взамен уплаты долгов. Чаще всего продавали девочек, конечно, считавшихся здесь существами на порядок чуть выше домашнего скота. Мол, доля женщин состоит лишь в том, чтобы следить за порядком в доме, стоять за плитой и всячески ублажать мужа. Их содержали, любили, по моему мнению, какой-то извращённой любовью, баловали, но если вставал вопрос — в расход пускали в первую очередь.

У аристократов, дела обстояли немного лучше. Жены переходили в разряд игрушек дорогостоящих, живущих в роскоши и имевших право на личных рабов, взамен от которых требовалось лишь одно — развлекать мужа и рожать. А дочерей, ясное дело, если и «продавали», то сбыв на руки другому мужику то есть — под венец. Многоженство,

собственно, тут тоже было не редкостью. Один Император имел уже четыре три официальных жены и гарем из неисчислимого множества наложниц.

Впрочем, напуганная ужасами перспектив, если окружающие узнают о моем поле, я немного отвлеклась от темы. Мой спаситель миновал бедняцкие районы и теперь уверенно приближался к зданию, которое меньше всего походило на «дом» в моем понимании. Как только Мика сказал, что можно переночевать у него, я представила себе не больше, не меньше караван-сарай два на два метра со спартанской обстановкой и ковриком на котором придётся спать, однако реальность оказалась куда интереснее.

Улицы стали просторнее, а дома уже не напоминали безликие коробки с окнами-бойницами. Ошарашенная, я наблюдала перед собой огромные коттеджи в османском стиле, с белокаменной арками, ведущими во внутренний двор, и не испытывая лишней скромности Мика вел меня прямо в один из них. Я же остановилась как вкопанная.

Не то, чтобы я не спешила побыстрее разобраться со своим шатким положением и как следует отдохнуть, но здание, в котором сейчас гостеприимно горел мягкий свет, а внутри играла чарующая музыка наполненная звучанием струнных и барабанов, вызывала опасение. Более того, над входом висела вычурная вывеска с непонятной мне письменностью, и сейчас именно туда стекался народ. В основном богато одетые мужчины, среди которых мы — два оборванца, смотрелись как воробьи среди стаи напыщенных павлинов. Не знаю, конечно, собираются ли павлины в стаи, но суть дела от этого не меняется. Я была точно уверена, что во-первых — это какое-то заведение, а во-вторых — попрошайек в приличные места не пускают. А то, что Мика, на котором одежда весела как на швабре, и я, распространяющая вокруг себя аромат далеко не французской парфюмерии, на благородных господ не похожи это факт.

— Куда мы идём?! — спросила, хотя в тот момент на языке вертелось «в какой притон». Потому что на ум вдруг пришло, что это далеко не «чайная» с круглосуточным режимом работы.

— В Оазис Иршада, не беспокойся, мы проберёмся через чёрный ход.

Мика ответил так, будто это что-то объясняло.

— Ты же сказал, что мы к тебе домой!

— Я так сказал? — лицо пацана вытянулось и он поспешил прикинуться дураком, замаяв тему, — Пойдем уже, я есть хочу.

Выбор оставался небольшой, а точнее — никакого выбора не оставалось вовсе, так что я полезла вслед за провожатым, когда он внезапно свернул с дороги, обогнув дом, и нырнул в неприметные деревянные ворота с другой стороны здания. Странно, что они оказались открытыми, я до последнего не верила, что меня не водят занос, однако, возможно, я попросту не заметила как Мика отпер железный замок устрашающего вида.

Музыка стала громче, а в воздухе будто разлился запах пряностей и цветов. Я осмотрелась. Задний дворик в свете зажженных ламп выглядел достаточно скромно, но ухоженно. К дому вела вымощенная дорожка, уставленная по периметру кадками с растениями. Кусты роз с пышными насыщенно-красными бутонами и тонкими шпастыми стеблями, практически лишенными листьев, смотрелись непривычно, и источали невероятно сладкий аромат.

С замиранием сердца я слышала так же журчание воды, доносившееся из двух маленьких декоративных фонтанчиков, и вспомнила, наконец, насколько пересохло в горле, а кожа уже начала чесаться от грязи. Вот же ещё проблема! Как вымыться и переодеться, не

привлекая к себе внимания. Если как место омовения здесь принят какой-нибудь хамам* (общественная баня в Турции), данное обстоятельство станет не просто неприятностью, катастрофой! На людях мне раздеваться нельзя.

В доме тем временем царило оживление, из двери, отделявшей меня от временного пристанища, вынырнул высокий подросток, мазнувший по нам с Микой безразличным взглядом, и унёсся на улицу, так шустро, будто за ним черти гнались. А внутри кто-то ругался, гомонил и припоминал имена различных богов, ранее мне не знакомых.

— Постой, вторая серёжка есть? — остановился провожатый.

Я изогнула бровь, всем видом выражая свое сомнение, на что Мика только покривился.

— Да не кину я тебя, давай сюда.

Поразмыслив, что деваться всё равно уже некуда, выложила на ладонь мальчишке второй гвоздик. А затем мы шагнули в новую для меня жизнь.

* * *

Пленник закашлялся; разбитые губы щипало, а кровь с рассечённой брови застилала глаза. Хотя, тут и смотреть-то не на что. Всё что можно, он уже успел отметить, когда его только сюда притащили. Четыре стены — черные от грязи и копоти, ни единого оконца в который мог бы проникать свет — вот и вся обстановка. Пусто, и это не удивительно. Никто обычно не заморачивается с оформлением интерьеров в тюремных камерах-одиночках. Это место не походило даже на пыточную. По крайней мере в том виде, который пленник обычно представлял под этим словом. Никакого устрашающего помещения с заржавевшими старыми пилами и щипцами для выворачивания суставов, никакой дыбы и специального стола оборудованного кровостоками.

Возможно, пленник просто не был так важен, чтобы ему оказали честь испытать какой-нибудь испанский сапожек. Возможно, «палачи» просто знали, что изощренность мучений обычно не сильно влияет на результат. Всё что требовалось этим людям для причинения боли, они приносили с собой, и данный факт никак не влиял на качество проделанной работы — Димка проверил на собственной шкуре. Савельеву даже казалось, что искромсав его тело, они ненароком повредили ещё и мозг. Иначе, почему ему так хочется смеяться, кривить опухшие губы в безумном оскале и кричать «Браво!», восхищаясь их жестоким талантом. Верно, он просто свихнулся, сошел с ума!

Он желал плюнуть своим палачам в рожу и прошипеть: «Повторите!». В особенности тому, что и пальцем к нему не притронулся. Да, за спинами исполнителей стоял надзиратель, не желавший пачкать о пленника свои холёные ручки. Его Дмитрий ненавидел больше всех! Высокий и худощавый, он носил маску и обожал задавать вопросы.

— Как тебе удалось пройти защитный барьер дворца? — спрашивает главный, пока пленник, скуля от боли, обвисает безвольной тряпкой, подвешенной на цепях. Ему, наверное, сотню раз уже задали этот вопрос.

— Я не знаю! — он в сотый раз ответил одним и тем же. И это правда, черт побери, это проклятая истина.

— Как ты проник в восточную башню?

— Не знаю!

— Кто ещё был с тобой?

— Никого, никого, никого со мной небыло!

— Тогда кого же ты так настойчиво искал, что посмел задать вопрос любимой наложнице Императора?!

Что на это можно ответить? Как оправдаться? Он просто прыгнул за Сашкой в воду, как есть, только сумку сбросить успел. И очутился здесь. Не сразу в тюремной камере, конечно, а в той самой восточной башне; свалился на пол посреди широкого коридора. Парень был растерян, дезориентирован, не замечал ничего вокруг себя и искал её. Спросил первой попавшейся женщины, что происходит и не видела ли она тут девушку. Та удивлённо вскинула брови, не испугалась, он только сейчас понял, насколько это было странно. «Тут много девушек» — протянула она, наматывая на палец кучерявый упругий локон, — «На любой вкус». Но не успел Димка сообразить, к чему это было сказано, как в башню ворвалась охрана, связав его по рукам и ногам, а женщина испарилась, как призрачное видение.

— Да гори ты в аду, скотина! Я был один! — Тут узник не врал, но немножко лукавил. Он бы выболтал в тот момент, что угодно, приди им в голову спросить какой-нибудь бред. Димка готов был пересказать в подробностях всю свою жизнь, начиная с детского сада и заканчивая четвертым курсом института. Но, о своем предположении, что Сашка — его Сашка, может быть где-то здесь, он не имел права рассказывать даже под пытками.

Парень знал, что сам себе не простит, если её поймают, посадят в соседнюю камеру и будут измываться так же, как и над ним. Хватит тех глупостей, которые он уже успел натворить, став причиной их плачевного положения. Если он выживет, оставалась хоть мизерная, но надежда найти её самому. Если умрет здесь... Что ж. По крайней мере, хуже ей уже точно не сделает.

— Ещё. Добавьте ему ещё... — сквозь зубы процедил «главный». Он в ярости провернул золотую печатку с рубином на указательном пальце, пока его подчиненные спокойно выполняли рутинную для них процедуру.

Пленник не выдержал, провалившись в беспамятство.

Когда Дмитрий вновь пришел в себя, обнаружил, что остался один. Странно, избитый, он всё же счастлив, что не выдал им своего секрета. И эта мысль позволяла ему чувствовать себя лучше, и заставила смеяться, давясь своей собственной кровью. Потом эта же мысль заставила его материться — сначала громко, потом всё глуше, пока он не успокоился и не замер в неподвижности, привалившись спиной к стене.

Мысли текли в голове вяло, и частью сознания он понимал, что такое поведение, скорее всего, обычное следствие истерики. Подумать только, он — истеричка. Парень, с детства приученный родителями быть сильным, закалённый как в уличных драках, так и на соревнованиях по борьбе — сломался. Так просто. И он знал, что это не из-за физической боли...

Раздался лязг засова, впуская в камеру свет от чадящего факела и запах жженого масла. Послышались шаги, но Димка даже не шелохнулся когда, они приблизились. Он так устал, так чертовски устал. Пусть делают с ним что хотят, на этот раз он не ответит ни на один вопрос. Однако, на этот раз пытать его не собирались, но он об этом не узнал, потому что снова отключился.

Посетителя было всего два — «главный» и незнакомец — смуглый и черноволосый парень, уступавший первому как в росте, так и в комплекции, но на лице которого была написана такая самоуверенность, что эта разница незаметно уходила на второй план.

Незнакомец фыркнул, прищёлкнул пальцами, и весело сообщил:

— Славно ты развлёкся, я посмотрю, а меня не позвал. Сколько раз тебе говорил, что с ближними нужно делиться!

— Если бы ты дни напролёт не проводил в борделях, и имел бы представление, что творится во дворце, я с удовольствием уступил бы тебе место в подземельях! — «Главный» не был настроен на шутки, так что на издевку спутника только огрызнулся.

На того угрожающий тон «главного» вовсе не подействовал, и это наводило на мысли о том, что положение они занимают равное.

— Увы, здесь обычно слишком скучно. Ты же знаешь, даже эта случайность не сможет надолго меня здесь увлечь.

— Хватит зубоскалить, Лис! Посмотри лучше, не подход ли он там.

— Посмотрю, — хохотнул в ответ весельчак, — я не брезгливый. Куда ж ты без меня!

Незнакомец оттянул голову пленника за волосы, помотал из стороны в сторону и отпустил, поиграв с телом как с деревянной марионеткой.

— Мертв, — констатировал главному парень с чудным прозвищем Лис. — Ты спрашивал у меня совета по этому вопросу? Предлагаю скормить труп тварям, они вечно голодны.

— Да ты издеваешься что ли?! Как я должен отчитываться, ты хоть слушал о том, что я тебе сегодня утром рассказывал?! Это был мой единственный шанс, пока отец отправил Карающего за очередной шлюхой, я был назначен главным!

Внезапно голос Лиса преобразился из насмешливого в серьёзный.

— Иногда я отказываюсь верить, что в нас течет одна и та же кровь, брат. Ладно, так и быть, помогу из родственных чувств. Не волнуйся, иди, я приберусь здесь. Всё будет в порядке, а ты как всегда окажешься в выйгрыше.

Главный бы поспорил ещё, но иногда перед лисом стоило помолчать, так что он развернулся на каблуках и вышел. Они обсудят это позже.

Лис же уходить из камеры не спешил, а прибраться, действительно стояло.

Он вновь подобрался к пленнику и приподнял его голову уже осторожнее — за подбородок. У Лиса не было магии как у многочисленных братьев, но ему достался один талант, который порой был куда полезнее магического. Лис умел решать вопросы и находить таланты в друхиг.

Сейчас он следил за тем, как на лице парня медленно затягиваются шрамы. Нужно быть совершенно слепым глупцом как его братец, чтобы этого не заметить. В пленнике начала просыпаться магия.

— А ты мне ещё пригодишься, «мертвый» друг, но никому пока не следует об этом знать...

* * *

Я едва удержала восхищённый вздох. А жизнь не так плоха! Моё временное пристанище дышало уютом, не обычным, но тем самым, которым славятся восточные страны. Дом внутри был великолепным — просторным, наполненным красками. Обилие цветов, тканей, каменной мозаики, и вся эта роскошь в приглушенном мерцании зажженных к вечеру свечей смотрелась по-особенному загадочно.

Однако, полностью почувствовать себя Шахеризадой мне не дали. Засмотревшись по сторонам, я чуть столкнулась с обворожительной черноволосой красавицей, бросившей на меня осуждающий взгляд из-под опущенных ресниц и молча уплывшей грациозной кошачьей походкой. Нет, Шахеризада должна быть вот такой, я подобной барышне и в подмётки не годилась. Глядя на удаляющуюся спину девушки, невольно залюбовалась. Ладная фигурка с тонкой осиной талией не двигалась — танцевала, её лоскутная юбка из легкого изумрудного шелка, разлеталась от быстрой ходьбы, а золотые браслеты на щиколотках, переливались еле слышным мелодичным звоном.

Кто она? Я задалась этим вопросом, вспомнив, в обществе с какими порядками нахожусь, и даже не заметила, что высказала его вслух.

— Эй, Бес, даже не думай, нам сюда, — одернул меня Мика и свернул совсем в другом направлении, — Этих красавиц готовят для высших господ, никто другой не имеет права к ним прикасаться. Я тебя понимаю Алишан — настоящий бриллиант в сокровищнице хозяина, но если посмеешь косо на неё посмотреть — готовься к порке.

Мимо нас проходили ещё девушки и юноши, занятые различными делами. Но все они не выглядели столь экзотично и ярко как прошлая красавица. Форма одежды — однообразная и скромная, хотя и опрятная, выдавала в них слуг. С серьёзными сосредоточенными лицами, они кивали моему провожатому, и устремлялись дальше, пока до меня доходил смысл сказанного.

За очередным поворотом особняка грузная дама, упакованная с ног до головы в платье из расшитой узорами парчи, и с забранными под платок волосами, отчитывала за какую-то провинность девчужку вдвое младше меня по возрасту. Опустив глаза в пол, та разглядывала носочки своих атласных туфель и не могла выдать из себя ни слова.

— Как тебя учили?! — шипела на неё женщина, — Делать поклон нужно с изяществом, а ты сгорбилась подобно древней старухе! Ни один мужчина не посмотрит на такую бестолочь!

Ты даже шербет красиво подать не можешь. О, Всемогущий, за что мне такое наказание! Сегодня останешься без ужина. Что застыла? Иди делом займись, прочь с глаз моих!

Получив разрешение бежать, девочка припустила с места так, что чуть пятки не засверкали, но завидев нас с Микой, запоздало затормозила, изобразив на лице бесстрастное выражение, хотя из глаз вот-вот должны были брызнуть слёзы.

— Лиина, — Мика улыбнулся, и на лице у него расцвела дружелюбная улыбка, — за что опять на тебя ополчилась эта гадюка?

— Машхур-эдэ, отчитывала меня за дело, Микаэш джан. Я испортила платье нашему гостю, слава Рахшару, он не попросил для меня более сурового наказания.

Мика недовольно фыркнул, а я с удивлением наблюдала за его изменчивым поведением. С такой нежностью смотрел парень на эту малявку, что дух перехватывало. Где тот хулиган, спасший меня от погони? Мальчишка не так прост как кажется, и это подтверждало и то, с каким уважением обращалась к нему девочка. Микаэш, значит...

— Я бы не позволил им тебя биты — вскинул голову защитник сирых и убогих: а Лиина попыталась сдержать радостный блеск: промелькнувший в глазах. Она покосилась на меня и многозначительно промолчала. Мика за её реакцией проследил, и тоже вспомнил, что находится здесь не один. — Это Бес, будет у нас работать. Бес, это Ли, она здесь... временно.

Работать? Если он не врёт, это неплохой вариант. На последнем слове в голосе

мальчишки проскользнуло какое-то пренебрежение, а затем он посмотрел на меня так, что стало ясно — если я попытаюсь как-то обидеть девчонку, Мика свернет мне шею уже самолично. Подобного у меня и в мыслях небыло, так что я просто попыталась быть дружелюбной. Очень зря.

— Привет, — улыбнулась, — Ты тоже здесь работаешь? А кем?

Лиина причудливо изогнула тонкие черные брови, и сказала так, будто это было самой очевидной вещью на свете:

— Я учусь у лучших искусству любви, Господин.

Наверное, у меня глаза на лоб полезли, ибо в голове что-то щёлкнуло, и я наконец поняла, где нахожусь. Язык прилип к небу, ладони вспотели, в ответ на сказанное я смогла издать лишь нечленораздельное мычание.

— Хватит, — Мика скривился, и вновь подобрел, глянув на очаровательное наивное существо перед нами, — у меня для тебя подарок, Ли.

Мальчишка выудил из своих мешковатых штанов мои серёжки и протянул ей. Тут то и удалось заметить замысловатую вязь узорчатой татуировки браслетом обхватывающей тонкие запястья маленькой рабыни. Я всё поняла.

Лиина просияла и отвесила провожатому глубокий поклон, и с разрешения убежала.

— Ты привел меня в бордель, — констатировала я, после непродолжительной паузы, многотонной плитой, повисшей над моей головой.

Голос осип, первой мыслью было одно единственное слово: «Бежать!». В голову закрались неприятные догадки о том, какая может быть здесь для меня работа. Уж не раскусил ли Мика мою гениальную актёрскую игру и не привёл в соответствующее место? Предатель! Усилием воли заставила себя не паниковать. Он бы так со мной не разговаривал, реши, что я девушка. Не ревновал бы к Лиине, уж это я понять в состоянии.

Но кто их знает, может тут и на смазливых мальчиков спрос особый имеется?! «Оазис Иршада» — черт бы его побрал. Ноги сами следовали за провожатым, а в мыслях я уже искала пути для отступления.

— Пффф, не смей больше никому здесь такое сказать! У нас приличное заведение! — рыкнул на меня Мика, хотя по его отношению к малявке было ясно, какого он сам мнения об этом райском уголке — Сюда не так-то просто попасть на работу, тебе повезло. Слушай, какая разница? Я хотел пустить тебя переночевать, но потом подумал — тебе всё равно податься некуда, а нам рук не хватает. Поработаешь какое-то время, если не понравится — уйдешь.

Да, так и увлекают в сексуальное рабство неопытных и наивных девочек. Ещё и деньги с меня за это содрал!

— Какую работу!?! — прошипела я, находясь уже на грани паники.

— Сейчас узнаешь, не шуми.

Мы спустились по лестнице, ведущей в подвалы, оптимизма это не придавало. Я только удивилась строению дома. Оказывается, помимо двух верхних, здесь был ещё и подземный этаж. Хотя, вскоре и опасения мои приглушил запах еды, от которого в желудок предательски заурчал. Судя по всему, поблизости находилась кухня, и к моей радости мы туда и направлялись.

Я и правда предпочла помолчать, увидев просторное помещение с суетящимися людьми. Оставалось только сглатывать слюну, глядя на широкие деревянные столы, устланные всевозможными яствами. На полках вдоль стен стояли продукты — крупы,

специи и овощи. В углу расположилась огромная плита, подобие которых ещё можно было увидеть в захудалых российских деревнях. Она растапливалась на углях, подбрасываемых в печь вручную, от чего духовка и верхняя железная пластина раскалялись, позволяя готовить еду.

Колорита развернувшемуся представлению добавляла ещё и дородная баба, за этой плитой стоящая. О таких говорят — кровь с молоком. Раскрасневшаяся, с круглыми щеками и полными покатыми бедрами, она приглядывала за мясом, аппетитно шкварчащим на приплюснутой сковородке и непрестанно отдавала приказы слугам поспороистее. Хм, а я точно в обществе с патриархатом? При виде Мики женщина отвлеклась, помрачнела, и приказала подменить её забитой девушке в сером, мышинного цвета платье. Та с почтением поклонилась и приняла пост у плиты.

— Микаэш! — воскликнула повариха, устремившись к нам, — Сколько раз я тебе говорила, не заявляться сюда в таком виде! Сейчас тряпкой отхлестаю и не посмотрю на твоего отца! Грязный весь, только гляньте! А это кого притащил? Дружка своего опять!? Нечего им здесь делать!

Мика только руками развёл на её гнев.

— Нариян-эде, обижаешь! Никакого не дружка, а нового помощника тебе привёл. Ты не смотри на его вид, хороший парень! Вот отмоем, и птичкой здесь порхать будет!

— Птичкой? — прищурилась женщина, — пока только на червя и похож. Я просила хозяина нормального парня подобрать, а не проходимца. Иршад джан одобрил уже?

— Одобрил, — не моргнув глазом соврал провожатый, — ты только покорми его сначала, иначе сейчас на земь от голода рухнет. Я ему пока одежду подыщу, а потом заберу устраиваться. Завтра на работу выйдет — ты его и не узнаешь.

Я молчала, пока Нариян-эде придирчиво меня осматривала. Женщина обошла меня по кругу, попросила показать руки, и я подчинилась, прикинув, что работа на кухне — это не так уж и плохо. Даже отлично в данной ситуации. Выслушала непонятный бубнеж из уст женщины и постаралась улыбнуться. Будущему начальству нужно нравиться.

— Хилый какой, — в слух размышляла она, — но на бродягу не похож. Не взяла бы, но времени нет никого лучше выискивать. Ладно, как звать то тебя? Что умеешь?

Мика тоже выжидающе посмотрел на меня, вопросительно изогнув бровь, всем своим видом подсказывая: «Ну, чего молчишь? Не ударь в грязь лицом!»

— Бес я. Всё умею! Готовить, посуду мыть, подносы таскать! Всё что скажите — всё умею!

— отрапортовала, вытянувшись по струнке, на что повариха только расхохоталась.

— Да кто же тебя до готовки допустит, дружок?! Ты выше готовы своей не прыгай пока, но настрой мне нравится, люблю бойких.

Жнщина показала мне одной из той породы людей, которые только с виду кажутся строгими, но стоит копнуть поглубже, и перед тобой оказывается добрейший души человек. Такие не редко требовательные, как к себе, так и к окружению, но справедливые и никогда не судят о книге по её обложке.

Странно в этом мире увидеть столь яркую и натуру, особенно среди женщин, которые если и попадались мне здесь, то не смели смотреть прямо, говорить то что думают и вообще говорить... Но Нариян вела себя свободно и раскованно, по крайней мере в том пространстве, которое было полностью ей подвластно — на кухне, а это значит, что если ей дозволяется такое, здесь она была работником незаменимым, любимым, тем которым не

грех спустить с рук некоторые вольности в общении. Я приняла решение держаться к ней поближе. Если буду стараться ей угодить и хорошо работать, могу обзавестись неплохим союзником.

— Так я его здесь пока оставлю? — оживился Мика, осознав, что повариха не собирается пока меня гнать.

— Оставляй, — великодушно разрешила она, — Только ненадолго, некогда мне. А ты пойдем, накормлю. Только осторожно, не прикасайся ни к чему.

Желудок предательски заурчал, в предвкушении обещанной пищи, и я засемила за Нариян, которая по стеночке отвела меня в темную кладовую. Женщина ко всему прочему ещё и педантична на столько, насколько это могло быть принято в обществе далёком от современных стандартов. Кухня сияла, посуда была начищена до металлического блеска, а на полу не было видно ни одного пятна.

— Садись, ешь и слушай. — Указала мне на деревянную винную бочку, новая начальница, и сунула в руки чашку с ароматной кашей. Из чего она была — сказать не ручаюсь. Крупа напоминала гречку, заправленную мясом и овощами. Впрочем, решила не выпендриваться и не рассматривать, я была так голодна, что перспектива отравиться иномирной пищей уже не смущала. Поспешно сунула ложку в рот — блаженство... — Оазис открывается с закатом, но вставать ты будешь к обеду. В полдень, и чтобы не опаздывал, должен быть на кухне. Проспишь — останешься драить сковороды до рассвета, в наказание. Работу будешь выполнять разную: воду носить, на рынок бегать, девочкам помогать, если понадобится. Говорю всегда прямо, так что не удивляйся. Чтобы в таком виде, — Нариян многозначительно хмыкнула, — видела тебя последний раз, грязи не терплю. Получать будешь по две медяшки в день, это я тебе потом сама выдам. От работы не уваливать. Ну как, что глаза лупишь?

Всё ясно?

Яснее некуда. Чтобы не мычать с набитым ртом, просто энергично закивала.

— Молодец. Не переживай, освоишься! — Похвалила женщина и испарилась, посчитав, что и так уделила мне слишком много времени.

Миска с выданным пайком опустела на удивление быстро, и я с трудом удержалась от того, чтобы не вылизать её языком, как проделывала это в детстве с тарелками обожаемой манной каши. Вместо этого поудобнее устроилась на своем импровизированном стуле, прислонившись спиной к стене и бестолково уставилась взглядом в потолок.

Нет, что вы, все вываленные на мою голову требования к службе, ничуть не напугали. Подрабатывая официанткой прошлым летом, я имела представления о том — как это — быть на побегушках. Вот только одно дело — заниматься этим добровольно в собственном мире, другое — пахать за копейки в чужом, в то время как где-то там твои близкие, возможно, сходят с ума. На первое время работа поможет освоиться, но простите, Нариян-эде, я не хочу оставаться здесь надолго.

Кайрин вырвался вперёд, отделяясь от каравана, клином протянувшегося среди ржавых песчаных барханов. Ветру — чистокровному дарнасскому жеребцу тоже не нравилось размеренно плестись рядом с вяло трясущимися повозками уже третью неделю. Угольночерный красавец с тонкими ногами и лоснящийся шкурой был привычен к климату, вынослив и своенравен; он мог дать огромную фору любой из заморских лошадей, на которых гордо восседала свита принцессы, только в этот раз хозяину пришлось его осадить. Кайрин не мог позволить каравану исчезнуть из зоны видимости, хотя и сам уже всей душой желал, чтобы тот поскорее сгинул! Терпение Карающего подходило к концу, впрочем, как и их путешествие, что не могло не радовать.

Как он не старался приложить все усилия, чтобы миссия прошла спокойно, без инцидентов всё же не обошлось. Кайрин вообще считал, что ему не стоит руководить операцией, главной задачей которой было угождать коронованной особе и оберегать её от всяческих потрясений, на которые была богата пустыня, но когда сам Его Величество Император говорит в приватной беседе: «Этот союз важен для нас, Кайрин, а в сложившейся ситуации полностью я могу доверять лишь тебе. Если с Эллиаль в пути что-то случится, и мы упустим договор с Окрином — неприятности обернутся катастрофой», отказаться невозможно.

Окрин — небольшое обособленное королевство, расположенное на острове Ин, близ материка, в прошлом славилось своими кораблями, торговлей рыбой и морскими дарами, пока не обнищало под властью бывшего короля. В нем нечего было делить, его даже великая война обошла стороной, но сейчас именно там находилось то, что необходимо было императору — магия воды. Заключить союз было легко. Старый король Окрина, не особо интересовавшийся делами королевства, но для его сына, принявшего правление после смерти отца, брак сестры с императором песков стал отличным способом вновь наладить экономику.

Так что вскоре, юная морская принцесса Эллиаль, в сопровождении толпы народа, переплыла пролив, готовилась к отправке в самое сердце смертельно опасного края, и Карающий должен был обеспечить её безопасность.

Кайрин вместе со своим отрядом из пяти ребят, встретил процессию у берега моря, где пустыня ещё не чувствовалась и даже не посмотрев, что представляет из себя принцесса, поспешил двинуться в обратный путь.

Солнце палило, а небо оставалось кристально чистым. Утомлённые люди, привыкшие к влажному морскому воздуху, изнывали от зноя и жажды. Воины, прибывшие с Эллиаль — сурового вида мужчины каждый из которых мог похвастаться горой мускул, долго не могли расстаться с легкими железными латами, из-за чего грозили в скором будущем поджариться в них как сочные отбивные.

Кайрин молчал, решив не лезть к спутникам с советами, а его люди откровенно посмеивались, глядя как стражи Её Высочества, пытаются не свариться в своих доспехах.

С их капитаном — самым мощным и устрашающим из отряда, Карающий не поладил с первых минут знакомства. Здоровенный мужик с щетинистым подбородком и покрытыми шрамами руками по кличке — Арман Акула, посмотрев на Кайрина и его людей, верно решил, что над ним издеваются.

Карающий был молод, не имел горы мышц, хотя сложен был отлично, на чистом безбородом лице не нашлось ни одного шрама, укрощающего любого мужчину, так что у Акулы — матёрого вояки, уважения никакого не вызвал.

Собственно, Карающему было плевать что о нем думает навязанный на его шею балласт, который отправится на родину как только принцесса перейдет под покровительство мужа, но надеялся, что у того хватит ума не выпячивать наружу своё мнимое превосходство. Не хватило.

Караван тащился медленно, и Кайрин всеми способами пытался сократить маршрут. Он надеялся перегнать процессию через мертвые скалы до наступления вечера, однако, планам не суждено было сбыться. Повозка в которой ехала принцесса остановилась, а вместе с ней затормозила и вся процессия. Карающий зашипел от досады. Только не сейчас! В путешествии их случались моменты, когда кто-то из свиты объявлял, что Её Высочеству дурно, нужно воды, еды или звезду с неба. Все тормозили и поданные носились вокруг чужестранки, чтобы всячески её ублажить. Сама она не показывалась из повозки, однако отряду карающего начинало казаться, что именно там сосредоточен центр мироздания.

— Что в этот раз, Джеран?! — процедил карающий сквозь зубы, увидев своего воина, который приближался к начальнику, чтобы сообщить дурные вести.

Парень знал, чем грозила им остановка вблизи мертвых скал, однако это его ничуть не волновало. Напротив, молодой гвардеец надеялся, что вот-вот развернется интересное представление.

— Её Высочество захотело-с прогуляться — размять ноги, Карающий... — Протянул он. — И их капитан объявил, что мы здесь заночуем.

Кайрин хрустнул костяшками пальцев и направился к повозке принцессы, где сейчас разворачивался громадный шатёр.

Джеран поспешил следом, где присоединился к отряду Карающего. Ещё пятеро имперских воинов уже спешили с лошадёй и ждали развлечения, потирая в нетерпении ладони.

— Сообщил? — коротко бросил Сид.

Джеран многозначительно улыбнулся и демонстративно втянул воздух носом.

— Пахнет бурей, брат!

— Во всех смыслах! — хохотнул сослуживец, — Я же говорил, что этот чужак нарвется!

— Акулы, они на сушедохнут, Сид.

— Заткнитесь уже! — рыкнул на друзей Кооран, скрестив на груди загорелые руки — Дайте насладиться моментом, я с парнями поспорил, что наш капитан в конце-концов их Акуле навалает. Пятьдесят золотых на кон положил. Вот вы просто ржете, а я ещё и богатею! Учитесь пока живой.

Парни опять заржали, и в этот момент они меньше всего походили на профессиональный отряд зачистки, выученный убивать не только людей, но и опасных обитателей этих страшных земель. Уж они как никто другой были осведомлены, что в мертвых скалах не остановится на ночевку ни один нормальный смертный, потому что именно в них обитает прайд диких кошек, у которых ночью начинается время охоты.

Арман, решивший, что лучше будет остановиться на ночь в скалах, чем на открытой местности, стоял к Карающему спиной и раздавал указания своим людям. Принцесса устала, она впервые за путешествие решила прогуляться, чтобы осмотреть пустыню — свой будущий дом, и вояка позволил ей эту слабость. У Акулы была дочь — чуть младше

принцессы по возрасту, и он невольно сравнивал девочек. Наверное, потому и старался делать всё для комфорта Эллиаль, пока Карающий гнал их по пустыне как одержимый, огибая крупные поселения и города. Зачем? Блажь зазнавшегося мальчишки — не иначе, и Акула не собирался ей потакать.

Кайрин скривился; сумерки сгущались, а значит они не успеют убраться отсюда вовремя. Не смертельно для принцессы, но этой ночью она рискует получить истерику. Впрочем, пока Эллиаль не появлялась — верно, приводила себя в порядок, и Карающий решил, что это к лучшему. Он облокотился на повозку, наблюдая за беготней. Видно, стоило объяснить всё дословно, разжевать, расшевелить этих недоумков, приказать им поднять свои задницы и убираться с места, но он не будет этого делать. Учиться нужно на собственных ошибках. Кайрин предупредил Акулу раньше, как только они ступили на красный песок пустыни — маршрут не обсуждается.

Его отряд смеялся над чем-то неподалёку, привлекая внимание. Армана этот факт стороной не обошел.

— Эй, стая шакалов! Отставить смех! — Рывкнул он, на что получил взрыв очередного хохота.

— Отставят когда я скажу, вам бы тоже не мешало меня послушать. — Подал, наконец, голос Карающий, — Почему мы остановились?

Акула посмотрел на него из-под опущенных бровей.

— Мы подчиняемся Её Высочеству, и её благо для нас превыше всего. Принцесса — не воин, ей нужен отдых и остановки. А Вы, господин Карающий, верно не привыкли о ком-то заботиться.

Слово «господин» неприятно резануло слух. Кайрин ненавидел его, а из уст Акулы оно звучало по-особенному издевательски. Как просто воин выделил факт того, что призирает империю с её жестокими порядками. Подчеркнул, что Карающий ему не хозяин. Вот только тот уже привык к выпадам, он знал, что так будет с самого детства. Отец объяснил нелепому мальчишке главное правило жизни, когда тот только начинал ссориться с братьями. «Ты везде будешь чужим, сын, и не выживешь здесь, если не станешь сильным». Однако, последняя фраза разозлила Кайрина достаточно, чтобы потоки воздуха сами начали стекаться к нему, скручиваясь вокруг ног в тугую спираль.

— Почему эти скалы называют мертвыми, Капитан? — голос Карающего был холоден, не смотря на то, что вокруг его фигуры уже разрасталась воронка из поднятого ветром песка.

Он сделал вид, что не слышал ответа на первый вопрос. Молодая девушка из свиты принцессы, охнула, испугавшись проявления магии, и юркнула в шатёр. — Должно быть, вы думаете, что у нас все названия выдуманы лишь для запугивания редких путников?

— Я думаю, что в вашей проклятой пустыне нормальные люди уже выродились. — Выплюнул Акула, источая полную уверенность в собственных силах — А мои ребята смогут справиться с любыми неприятностями.

Горизонт стремительно темнел, а на землю от скал начали ложиться глубокие тени. Кайрин уже слышал скрежет когтей по камням и утробное рычание. Местные песчаные коты — те ещё твари. Невероятно быстрые, огромные черные звери с горящими глазами и двумя рядами отточенных клыков, они, как и вся живность пустыни, активизировались ночью. Таких зверушек обожал заводить один из принцев, в надежде приручить и вырастить из особи идеальный экземпляр для защиты человека. Но пока все его опыты были обречены на провал. Одна зверушка оказывалась слишком тупа, другая — слишком уязвима. Кошки были

неплохи, но имели свои недостатки — привязанность к одному месту и непереносимость солнечного света. Их оставляли для охраны подземелий дворца, но на этом всё и заканчивалось. На свободе они не доставляли больших неприятностей для всех, кто ориентировался в местности.

— Хорошо, — пожал плечами Карающий, — значит прямо сейчас и посмотрим на то, как они будут справляться.

— Ты мне угрожаешь, щенок? — кинул Арман. Спокойствие Кайрина вывело его из себя, — Думаешь, наличие дара делает тебя непобедимым?

— Я уверен, что с тобой я разделаюсь и без магии. — Прошипел Карающий, и этого хватило для того, чтобы Акула кинулся на него с мечом.

Сталь мелькнула в свете разожженного костра, рассекая воздух рядом с Кайрином. Воин запугивал его, но лицо Карающего оставалось бесстрастным. Он не обнажил своего клинка, только отклонился — мимолётно, будто танцуя. Его преимущество состояло в скорости, и, используя дар управления воздухом, он мог бы двигаться в разы быстрее, но уговор был иной — никакой магии. Кайрин прекрасно справлялся и без неё.

Народ отпрянул от дерущихся, расчищая свободное пространство у костра. И хотя на бой это походило мало — один напал, другой отклонялся, два враждующих отряда воинов гудели, обсуждая тот или иной выпад. Слуги принцессы высыпали из шатров. Женщины испуганно охали, прикрывая рот руками, но не переставая заморожено наблюдать за разыгравшимся представлением.

— Сражайся, что б тебя! — бросил Арман.

Кайрин только ухмыльнулся. Он собирался проучить воина иначе. Солнце скрылось за горизонтом, и Карающий подал условный знак своим людям. Гвардейцы быстро окружили шатёр Эллиаль, готовясь к обороне. Порыв ветра задул костёр, оставляя освещать землю мертвенно-бледный диск луны. Пришлось всё же использовать дар, чтобы дать иноземцу полностью почувствовать последствия своей ошибки.

— Разве я говорил, что придется справляться со мной, Капитан?!

Кто-то из слуг закричал, и это стало тревожным сигналом для стражей принцессы. Кайрин отступил назад, с наслаждением наблюдая за тем, как Акула наконец заметил приближение песчаных тварей. Они выбирались из расщелин в скалах и только готовились к атаке. Гибкие, с жутким оскалом на узких мордах животные были чуть ниже человеческого роста, что не мешало им подкрадываться плавно, почти сливаясь с тенями.

— Никому не разбегаться, — бросил Карающий и отдал приказ своим, — Защищать Её Высочество и женщин, в остальное не вмешиваться. Посмотрим, на что способны наши новые товарищи и их бравый капитан.

Песок взметнулся ввысь и закружился, кольцом отделяя отряд из ошарашенных стражников от простых слуг и людей Кайрина. Кошки напали слаженно, давя на людей количеством, и Карающий сосредоточился, следя за тем, чтобы ни одна из тварей не пробралась за очерченный им рубеж. Воины справлялись неплохо, но недостаточно для полной победы. На острове Ин хищников, подобных имперским не водилось никогда. Можно сколько угодно быть сильным мужчиной и отличным фехтовальщиком, но чтобы победить в бою, этого порой недостаточно. Врага нужно знать вдоль и поперёк, изучив его слабости вплоть до самых незначительных. И если человеческие слабости стражи Её Величества ещё знали, то для диких зверей требовался совершенно другой подход. Кошки были невероятно живучи и с каждым нанесённым ударом порой не слабели, а только

становились свирепее.

Без крови не обошлось, не обошлось и без смерти. Кайрин с каменным лицом наблюдал, как хищник впивается в шею одному из воинов, вырывая клочок мяса. Кто-то был ранен. Капитан мог похвастаться распоротым предплечьем, но перекинув меч в левую руку, сражался весьма проворно. Тварей тоже поубавилось, и песок уже впитывал в себя их густую чернильную кровь. Несколько кошек, пытающихся пробраться через барьер, Карающий успел откинуть обратно, с несколькими расправились его ребята. Стоит ли прекратить начавшуюся бойню, или подождать немного? Кайрин решил растянуть наслаждение ещё на пару минут. Он практически не слышал криков, не обращал внимания на стоны. Ток магии, бегущий по венам, захватил его, гудение вихря, набирающего обороты, вскружило голову. Кайрин не был садистом, чужая боль не доставляла ему удовольствия, но это не значило, что он должен трястись над каждым человеком, навязанным на него работой. И уж тем более, он не должен терпеть от них оскорбления в свой адрес. Он не нянька и совершенно точно не пастух. Кайрин считал, что преподавал им урок, и этим наслаждался.

— Прекратите! Немедленно прекратите всё это!

Карающий сначала едва обратил внимание на принцессу, но затем его всё же обуздал интерес. Едва ли она раньше показывалась на люди в таком виде. Законы новой страны заставляли монаршую особу покрывать волосы и заслонять лицо. Она обычно появлялась в обществе слуг, и ходила как тень, не смея вести себя вызывающе. Кайрин никогда толком её не разглядывал, ему просто было неинтересно. Но сейчас посмотреть было на что.

Необычная, красивая и белая как полотно, как снег, которого он никогда не видел. Как его близнец. Хотя нет, она всё же оказалась другой. Кайрин и сам был мертвенно бледным, с пепельными волосами — наследство матери. Но в нем никогда не отражалось той жизни, бурлившей сейчас в принцессе. Взбешенная, она вылетела из шатра, не обратив внимания на свою внешность. Слишком простое платье, щёки покраснелись, а кудри обрамляли лицо волнами пены. И впрямь морская... Кайрин мысленно усмехнулся.

— Что прекратить, Ваше высочество?

— Безобразие! — она привыкла, что каждого её приказа слушаются беспрекословно, но сейчас, напоровшись на стену безразличного спокойствия со стороны Карающего, растерялась. Огромные синие глаза её увлажнились. — Их же растерзают! Разорвут! А вы стоите и ничего не делаете!

— Ваше высочество, здесь все без исключения заняты одним занятием — вашей защитой. И если воины Окрина решили пожертвовать для комфорта госпожи собственной жизнью — это их право.

— Но вы могли бы помочь, вы маг! — руки Эллиаль тряслись мелкой дрожью.

— Бессмысленная трата сил. — Не смотря на то, что Карающий отвлёкся, песок всё так же легко танцевал по кругу, отгоняя хищников. Безупречный контроль.

Принцесса поджала губы, она всегда знала, что в конечном итоге ей придется покинуть дом, но и представить не могла, что всё будет настолько ужасно. Люди здесь были невыносимы, их беспринципность и черствость поражала. Увидев Карающего впервые, Эллиаль посмела надеяться, что он хоть чем-то отличается от других. И вот результат — катастрофическое разочарование. Глупые мечты о том, что человек может оказаться внутри таким же светлым, как и внешне, разбились подобно хрустальной вазе — на сотни мелких осколков. Неужели и она, пожив здесь, станет такой же черствой?

Прямо сейчас, Эллиаль столкнулась с проблемой, требующей от неё этой черствости.

Она обязана спасти своих людей, и ей не пришло в голову ничего лучшего, чем вывести Карающего из равновесия. Принцесса окинула взглядом окружающую обстановку. Группку из слуг, прижавшихся друг к другу, охраняли имперские стражи. Парни вели себя спокойно, работы им практически не доставалось. Если она сможет заставить Карающего усмирить свой дар и отпустить песчаный вихрь, хищники кинутся к ним, но принцесса не сомневалась, что с ними справятся быстро. По сути кошек осталось не так много, но её командующий уже сдавал позиции. Если получится уравновесить силы, пострадавших будет меньше. Но как это проверить?

На приказы и уговоры Карающий не поддастся, значит нужно зайти с другой стороны. Ударить быстро, заставить потерять контроль. Вот только одна проблема — принцесса не сможет справиться с мужчиной, а в особенности с тем, что наверняка полжизни посвятил обучению искусству боя. Выход оставался, но лишь всевышний знал, как она его ненавидела.

Эллиаль была магом воды и обожала свой дар. Оказавшись в пустыне, где её стихия ценилась на вес золота, она страдала от невозможности пользоваться магией из-за отсутствия большого источника, но для того, что она собиралась сделать, он не понадобится. Грязный метод, жестокий, требующий больших энергетических затрат и доступный не каждому — управление чужой кровью. На её родине он был запрещён, подобному детей не обучали, однако Эллиаль была исключением. «Зачем мне это» — с брезгливостью спросила она у преподавателя, обучавшего её ужасному приёму, и получила ответ: «Вы принцесса, Ваше высочество, в этой жизни Вам может пригодиться всё». Вспомнив слова старого учителя, Эллиаль мысленно вознесла ему благодарность и потянулась к силе. Принцесса малодушно закрыла глаза, смотреть на результат этой магии ей было сложно. Но вот проходит секунда, затем другая, а гул ветра всё не прекращался.

Кайрин, конечно, заметил воздействие, он всегда замечал. Несчастливая, откуда же ей было знать, что на него подобные трюки не действуют. Однако, наблюдать за тем как на лице девушки медленно появляется мученическое выражение, оказалось забавным.

Морская дева тоже умеет скалить зубки, а по виду и не скажешь.

— Вы не перенапряглись, Ваше высочество? — заботливым голосом поддел её Кайрин. Девушка распахнула глаза и затрясла головой, от чего её волосы ещё больше растрепались.

— Почему... — запнулась она.

— Не стоит спрашивать, просто знайте, что на вашего бедующего супруга это тоже не подействует.

«Да как вы смели такое подумать?!» — хотелось выкрикнуть Эллиаль, но она вовремя прикусила язык. Там — за стеной песка, всё ещё страдали её люди. Не стоит ещё больше злить единственного человека, который может им помочь.

— Я этого не повторю больше никогда, только, пожалуйста, помогите им. — Принцесса кивнула в сторону сражающихся.

Кайрин вопросительно изогнул бровь.

— Во имя Рахшара, умоляю вас!

Принцесса выкрикнула имя чуждого ей Бога — покровителя пустыни. Но не это задело Кайрина, он не верил в богов. Она его умоляла. И он помог.

После этого инцидента, зашуганный и изрядно помятый отряд двинулся в путь, больше не предпринимая попыток к диверсии. Каждый день Карающий ловил на себе взгляды наполненные ненавистью и страхом, но пусть лучше будут они, чем волны давящего

презрения. Этого чувства он уже сполна успел наглотаться в прошлом.

И вот сейчас, когда он уже был в паре днях пути от Дарнаса, отделившись от каравана и глядя на горизонт, Кайрин заметил приближающуюся к нему черную точку, а вскоре различил в ней очертания сокола. Тяжелая птица с блестящим карим оперением, сделав круг, мягко опустилась на перчатку Карающего.

— Что ты тут делаешь, Смоуг? — буркнул Кайрин себе под нос, хотя и без того знал, что появление этого вестника предвещают неприятности.

Открепив от лапки птицы листок посланием, начальник службы безопасности императора вскрыл печать.

«Мой дорогой снежный мальчик, они все думают, что женские головы забиты лишь глупостями и тряпками, поэтому вряд ли догадываются о том, что я могу тебе написать. Не знаю, способно ли это помочь, Кайрин, но всё же хочу предупредить прежде, чем ты въедешь в город: Видящий скончался седьмого дня, а Шиа прорывают защиту дворца. Я знаю это наверняка, потому что видела собственными глазами, но Дискраль уже выискивал подходящее оправдание для отца.

Только ты в этой жизни умеешь меня слушать, Кайрин, а я всем сердцем желаю тебе помочь.

Посылаю послание со Смоугом, он весьма надёжен, однако о случившемся стоит поговорить лично. Найди способ со мной связаться, как только вернёшься»

На записке не значилось подписи отправителя, но Кайрин сразу узнал убористый острый подчёрк. Перечитав послание несколько раз, он вызубрил его наизусть, прежде чем порвать бумажку на мелкие клочки и пустить по ветру. Положение дел ухудшилось.

Всё в той же скупой освещенной кладовке, вооружившись кривым лезвием, отдалённо напоминающим нож, я сидела и чистила картошку. Впрочем, корнеплод, врученный мне одной из служанок, картошкой я обозвала сама, ибо реальное его название выветрилось из головы.

Как же я дошла до жизни такой?

Начну с того, что в прошлый раз, находясь здесь и выстраивая в мыслях планы на будущее, я сама не заметила, как уснула и появление Мики благополучно проворонила. Только когда он растолкал меня, пихнув кулаком в плечо, изволила очнуться. Именно очнуться, а не проснуться. Ощущение было такое, будто из проруби вынырнула посреди зимы, в самом разгаре тридцатиградусного мороза. Голова раскалывалась, перед глазами словно мелькали какие-то образы — мутные и безрадостные. Списав подобное самочувствие на стресс и усталость, я выгнала из мыслей навязчивое видение, и потопала за Микой, переплетая ногами не лучше жертвы некроманта.

Паренёк покосился на меня жалостливым взглядом, но вскоре нацепил на лицо привычную маску из лёгкого пренебрежения и наглости. Скромная комнатуха с тремя кроватями, которую он мне показал, была лишена всяческого комфорта, и выглядела даже более уныло, чем моё выражение лица в тот момент. Самым печальным оказалось то, что жить мне предстояло не одной, так что я вяло соображала, как избежать назойливого внимания с чужой стороны.

Мику мои проблемы ничуть не волновали, он протянул мне свёрток с форменной одеждой и извещил:

— Баня здесь недалеко, советую помыться, перед тем как ложиться спать, Бес. Несёт от тебя как от выгребной ямы.

— Заткнись, пожалуйста, — простонала я, как только услышала это жуткое слово. Не выгребная яма, а баня, естественно.

Мальчишка только пожал плечами и, рассказав о расположении комнат в доме, удалился. Злополучная купальня находилась на первом подземном этаже, как и кухня со всеми служебными помещениями, когда два верхних яруса были отведены под нужды хозяина и гостей.

Однако, сколько не ломай голову над проблемами, а искупаться было необходимо, так что сграбастав охапку обновки, я пошла на разведку местности. Здешний хамам оказался не похож ни на что, с чем мне приходилось раньше встречаться.

Каменное помещение, не очень чистое, но прогретое, не вызвало у меня совершенно никакого восторга. Негромко журчала вода, заполняя неглубокий бассейн на полу, бортики которого доходили среднему человеку чуть выше колен. По периметру сего великолепия стояли многочисленные ковшки для омовения, заставившие меня брезгливо поморщиться. Не оставалось сомнения, что помещение было предназначено исключительно для общественного пользования, и мне чертовски повезло, что попала я сюда в самый разгар рабочей смены, а не под её конец.

Деваться было некуда, с дико колотящимся сердцем я скинула грязные джинсы, и, оставшись в одной рубашке, попыталась настроить себя на купание. Успокоиться не получалось, мне всё время казалось, что стоит только полностью раздеться, как деревянная

дверь обязательно распахнется, и на пороге появится какой-нибудь грозный мужик, который тут же просечет, какой подарок ему преподнесла судьба. Не думаю, что в данном случае этот индивид, обнаружив перед собой какую-никакую, но обнаженную женщину, скромно потупится и, отвернувшись, попросит прощения за доставленное беспокойство.

Паранойя, рождённая подобными размышлениями, заставила меня повторно обшарить взглядом помещение, и, обнаружив в углу тяжеленную бочку, предназначенную, судя по всему для стирки белья, подтащить её к двери, чтобы хоть как-то замедлить приближение внезапных гостей.

Приводила себя в порядок, обтираясь пришедшей в негодность рубашкой и трясясь от страха. Ужасно не хватало собственной мочалки, зубной щётки и пасты, но ничего подобного мне не выдали, и я пришла к выводу, что придется покупать всё самой, как только отсчитают первую зарплату.

К счастью, здесь было мыло — жидкое, скверно пахнущее и почти не дававшее пены, но хоть какое-то. Ополоснувшись, я наконец-то почувствовала себя человеком, а не дряхлой развалиной, хотя, ноющие рёбра всё ещё не давали покоя. Виной тому был обширный синяк насыщенно-синего оттенка, уродливой кляксой растёкшийся под грудью.

Грудь, кстати — ещё одна проблема, которую пришлось решать. Проведя инвентаризацию вещей, пожалованных мне Микой, я обнаружила пару сменных рубах и штанов, одну жилетку и лёгкие тапочки, взамен моим потрепанным кроссовкам. Всё это добро было завернуто в серое полотно из грубого сукна, которым я и пожертвовала для скрытия женских выпуклостей. Разорвав его с помощью зубов на широкие полосы, художественно перевязалась, подвывая от боли и чувства вселенской несправедливости.

Облачившись в новую одежду, убедилась в том, что она сидит на теле не лучше холщёвого мешка. Рубашка висела на плечах как на швабре, жилет придавал фигуре прямые очертания, а штаны-шаровары не сковывали движений. Взлохматив влажные волосы, пальцами сдвинув челку на глаза, твёрдо сказала про себя: «прорвёмся», и направилась обратно, пока не застучали.

Запихивая свои скромные пожитки вечером под кровать, думала, что точно опоздаю на работу в первый же день, ибо будильник у меня отсутствовал, а встать без него в таком состоянии — подобно подвигу.

Однако, проспав мне не дали. Два парня — как добропорядочные соседи и экзекуторы, сдернули с меня одеяло, и с криком «подъем», вытащили из постели, перепугав при этом до икоты. Было ли подобное поведение следствием наставления кухарки Нариян или собственной инициативой — не знаю, но подействовало эффективно.

А потом началась работа, синонимом которой легко может послужить слово «ад».

Я гоняла по поручениям, помогала с готовкой, таскала тяжеленные котлы, мыла посуду, полы и чистила эту проклятую картошку, исполняя сразу обязанности мальчика на побегушках и уборщицы. Находясь в подобном подвешенном состоянии уже пятый день, поняла, что были в нем как плюсы, так и минусы. Что из плюсов? Меня не замечали, а если сказать точнее, уделяли внимания не больше, чем надоедливой собачонке под ногами. Все были заняты своим делом, и говорили со мной только в том случае, если хотели отдать распоряжение. «Поднос со сладостями наверх уже отнесли?», «Бес, не стой, разведи печь!», «Поддай большую сковороду, скорее!», «Вот тебе тряпка, чтобы столы к моему приходу блестели!». Никаких вам: «Эй парень, какой-то ты подозрительный!» или «Что-то голос у тебя слишком мягок для мальчишеского». Сказали «апорт» и беги за палкой, не маячь как

бельмо на глазу. И я не маячила. Опустив голову, делала, что приказали, и старалась ни с кем не сблизиться. Вот только был во всем этом и минус — мне практически не удалось ничего узнать о мире. Обитая в четырёх стенах, прячась от внимания, я уяснила разве что как с почтением обращаться к господам, которые были выше меня по положению, и в каком углу находится ложка, а в каком поварёшка. Информацию, мягко говоря, полезной не назовёшь.

Подземный этаж давил, нагоняя тоску, свечи коптели, и мне постоянно будто не доставало воздуха. Хотелось вырваться наружу, осмотреть город, пересчитать и облазать все его узкие улочки, но где взять на это время? Ближе к утру, когда смена подходила к концу, появлялось лишь единственное желание — спать, но даже его не удавалось осуществить так просто. Прежде чем упасть в кровать, мне предстояло дожидаться, когда освободится купальня, чтобы иметь возможность в одиночестве смыть с себя грязь.

Со злости кинула «картошку» в котелок не глядя. Естественно, промахнулась.

Корнеплод отскочил от её края, и попрыгал по полу в самый конец кладовой.

Чертыхнувшись, встала с бочки и пошла ловить. Чищенный белый бок картошки уже успел извальяться в пыли, когда я его нагнала. Правило пяти секунд себя уже исчерпало. Повертев её в руках, бросила к остальным. Ну а что? Потом всё равно последует термическая обработка. Варить или жарить её будут — не важно, но не сырым же жрать?

— Кхм, — кто-то скромно прокашлялся в сторонке, от чего у меня чуть сердце не прихватило.

Если это Нариян-эде решила меня проведать, как бы после такого отношения к продуктам не схватить подзатыльник. Мне их ещё не перепало, но некоторые разгильдяи, проработавшие здесь дольше, периодически ими награждались. К счастью, за спиной обнаружилась всего лишь Анрем — милая подавальщица, с которой я мельком уже успела познакомиться.

— Ты ничего не видела, — буркнула я, усевшись на место.

Девушка по моим наблюдениям была тихоней, так что не должна побежать с жалобами моему начальству из-за подобной ерунды. Я ещё в первый день начала прислушиваться здесь к чужим разговорам, чтобы понять с кем можно общаться, а кто разносит сплетни со скоростью эпидемии. Анрем стояла в моем личном списке молчунов на первых местах. Тем удивительнее для меня стало услышать от неё что-то в ответ.

— Бывает, не переживай. Мне и самой иногда хочется повалить еду по полу, прежде чем ставить на стол, а то и плюнуть в неё... — конец предложения она пробормотала почти шепотом, но я всё равно его различила.

— Я и не переживал, это шутка была. Мрачная.

Кожура из под ножа выходила толстой, выдавая во мне отвратительного кулинара, но я не старалась это исправить, мечтая поскорее разделаться с монотонным занятием. Анрем только слабо улыбнулась, глядя на мои мучения, и подошла ближе. В тусклом мерцании лампы она выглядела ещё более измождённой. Высокий лоб её еле заметно поблёскивал от пота, а пальцы мелко дрожали. Создалось впечатление, что девушка больна и сейчас еле держится на ногах.

— С тобой всё в порядке? Выглядишь неважно... — решила уточнить, хотя в любом случае, сама не знала, чем могу помочь. Добрым словом, разве что, а с него проку обычно нет.

— Да. Со мной всё хорошо, — Анрем моментально встрепенулась, и неправдоподобно солгала. Её «да» прозвучало как вопрос, — а вот ты не умеешь чистить цимим.

О, напомнила мне как здесь эта картоха зовётся.

— Ничего, переживу. А ты лучше присядь, если не по делу пришла.

Анрем с облегчением примостилась рядом, использовав в качестве стула ещё одну бочку с вином и тяжело вздохнула.

— Хочешь покажу как это делается? Давай нож.

Почему бы и нет? Я играючи подбросила нож в воздух, перехватив его за лезвие, и протянула девушке. Анрем, вскинув брови, с улыбкой наблюдала за моими выкрутасами. С её точки зрения это наверняка выглядело как попытка неумелого соблазнения от неопытного юнца, решившего показать ловкость рук, чтобы понравиться девчонке. Забавно, она была почти моей ровесницей, но сейчас воспринимала меня как ребёнка.

— Можешь их все почистить, я буду только рад.

Анрем осторожно взяла нож за рукоятку, заодно коснувшись моей ладони, и от этого жеста реальность начала таять как последняя кромка снега в тёплый весенний день.

Я стояла у приоткрытой двери из красного дерева. Руки занемели от тяжести подноса, на котором уместились несколько мисок с фруктами и бокалы. Поставить при этом его было некуда, а войти в комнату я не решалась. Требовалось немного — постучать, поддеть дверь ногой, незаметно поставить поднос перед гостями и так же тихо удалиться. Но подошвы туфель словно приросли к полу. Стоит только попробовать сделать шаг, и я упаду, мгновенно выдав свое присутствие.

— Тебе удалось достать нужную тварь? Будем действовать, пока люди в панике, и на их языках ещё перекатываются слухи о прорыве в центре столицы. — Один из мужчин разговаривал с заметной хрипотцой.

— Достал, но моя услуга обойдется тебе вдвое дороже. Эта гадина чуть не оттяпала одному из парней пол башки. Даже не знаю, как вы будете справляться с ней без меня... — Второй говорил спокойно, растягивая слова с деланной ленью.

— Справимся, — отрезал первый, сразу распознав намек на дальнейшее сотрудничество, — всего то и надо, чтобы кормить зверушку по расписанию, а жратвы у неё будет достаточно.

— Шиа — это тебе не шакал, — огрызнулся собеседник, — они хитры и опасны как слуги Кхара. Здесь не достаточно кинуть твари кусок мяса, чтобы она стала довольна. В первый раз она насытится им, а в следующий ей захочется отведать твоего сердца.

— Решил заломить цену своими байками? Можешь не стараться, они уже сидят у меня в глотке! Назови сумму и скрепим договор.

— Байки будешь собирать на базаре, а я охотник и знаю о чем говорю! — Скрипнула спинка кресла, будто человек подался вперёд, пытаясь в запале доказать свою правоту. — Хочешь разбросать ошметки тел по всему городу? Пожалуйста! Но я посмотрю, как перед этим ты будешь доставать их из клетки!

Разговор внезапно затих, и мне показалось, что в этот момент они могут услышать звук моего колотящегося сердца даже там. Захотелось попятиться назад, как можно тише, а потом развернуться и бежать! Куда угодно, на кухню, туда где шумно, много людей, никто не разговаривает о монстрах! Отступаю на шаг, затем ещё один. Бежать.

Дверь стремительно распахивается, и чья-то грубая рука вволакивает меня внутрь. Немытые ногти хмурого мужика впиваются в запястье. Поднос с жутким звоном падает на пол.

— Здравствуй, пташка! А подслушивать нехорошо!

Чувства снова пришли в норму. Кладовка, испуганное лицо Анрем, дрожь по всем телу. Что, черт побери, произошло? В одно мгновение из меня будто душу вытрясли и кинули её в чужое тело. Помутнение рассудка достойное постоянного жителя лечебницы для душевно больных! Я встряхнула головой, в попытках привести мысли в нормальное состояние. Последние слова, сказанные в видении, всё ещё эхом гуляли по черепной коробке. Здравствуй, пташка! Здравствуй пташка! Здравствуй пташка! А подслушивать нехорошо!

— С тобой всё в порядке? Мне стало так страшно, у тебя глаза только что закатились.

Анрем снова протянула ко мне руку, и я отскочила в сторону, чуть не свалившись на пол. Теперь я посмотрела на девушку иначе. Как на прокаженную, как на больную чумой! Ведь именно после её прикосновения со мной случилось ЭТО.

— Я, наверное, пойду, — смутилась она, и бросив в котелок с картошкой нож, поспешила ретироваться подальше, пока со мной не случилось ещё что-то более странное. Например, пока я окончательно не свихнулась и не начала бросаться на людей. Тут же стало стыдно за свое поведение.

— Постой! Посиди со мной пожалуйста, ты не виновата, — нельзя позволить ей уйти не разобравшись во всем. Нельзя просто так напугать девушку до полусмерти и бросить, не подобрав подходящих объяснений. Я наплела первое, что пришло в голову, — это всё из-за моей болезни. Эпилепсия, не бойся, она не заразна. В детстве я упал с лошади и повредил голову, с тех пор такое со мной иногда случается.

Анрем вскинула брови, обдумывая моё сбивчивое объяснение.

— В такие минуты меня нельзя оставлять одного, — добила я, — изо рта может пойти пена, и тогда всё обернется плохо.

Я несла бред сивой кобылы: но в глазах девушки промелькнуло беспокойство. Она молча вернулась на свое место и уставилась на меня таким пристальным взглядом, будто думала, что я с минуты на минуту могу откинуть коньки.

— Это как? Чем я могу помочь тебе?

— Ну... я могу упасть на пол и захлебнуться собственной слюной. — Язык мой — враг мой. Как только это сказала, на лице девушки появилась такая паника, что я тут же поспешила исправить ситуацию. — Сейчас подобного не произойдет, приступ уже прошел! Ты просто посиди со мной, пока не приду в себя и помоги с работой, а то руки трясутся.

Руки у меня не дрожали, я просто не удержалась от того, чтобы сбagrить чистку картошки на кого-то другого, пока подвернулась такая возможность. Я выпустила рукава рубашки, желая поглубже спрятать запястья, пока Анрем наоборот закатала их, чтобы не замочить водой. Даже в скверном освещении я заметила отпечатки чьих-то пальцев на предплечье девушки и свежие следы, оставленные ногтями.

Часто ли меня посещают озарения? Нет, не часто, но увидев синяки на руках юной подавальщицы, я четко осознала, что видение напрямую касалось её. Это не бред больного воображения, не переутомление организма, а самая настоящая реальность. Да и может ли быть иначе в этом сумасшедшем мирке? Ведь вот доказательство — сидит рядом, сгорбившись, пряча под тенью ресниц покрасневшие глаза. А я уверенно помню, что в видении меня, не владеющую в тот момент собственным телом, схватили за руку в том же самом месте!

След был свежим, а девушка — подавленной. Выходит, это случилось совсем недавно? От происходящего в дрожь бросало. Сцена у двери оборвалась очень быстро, и что случилось с Анрем дальше, я понятия не имела. Хотя, досмотреть «кино» до конца, желания не

возникало тоже. Пребывание в чужой шкуре мне не понравилось. Да оно перепугало меня до смерти!

Почему со мной? Всему виной переход через портал? Возможно. Почему сейчас? Потому что раньше до меня никто не дотрагивался. Перебрала в уме последние несколько дней. Здесь не приняты были дружеские рукопожатия и обнимашки. Если меня кто-то и задевал ненароком, то никогда не прикасался к коже. Только если Мика, мимоходом, когда забирал серёжки... Тогда я почувствовала только странное покалывание... Проклятье!

Неужели подобное станет постоянным явлением?! Я не смогу нормально прикоснуться к человеку не закатив при этом глаза и не уйдя в нирвану? Стоит ли проверить, снова дотронувшись до Анрем?

Чтобы понять как это работает, необходимо провести эксперимент. Однако, лучше поставить его на ком-нибудь другом; девушке на сегодня и так достаточно потрясений. И пусть накопившиеся вопросы не терпели отлагательств, некоторые из них лучше задать вслух.

Мужчины в той комнате говорили о Шиа, а эта тема, хоть и косвенным образом, но касается меня.

— Анрем, кто это сделал?

Девушка сразу поняла о чем речь, но не спешила говорить, раздумывая над ответом. Вжав голов в плечи, она ещё больше съёжилась, словно готовясь к неминуемому удару пощёчины. Анрем не привыкла плакаться в чью-то жилетку и делать исключение для меня не собиралась.

— Ерунда, — она отвернулась, сжав губы в тонкую линию, — скоро заживёт.

Вот и весь разговор. Глупо было надеяться, что девушка выложит всё как на духу, но отставать я тоже не рассчитывала.

— Это кто-то из ребят? — я проявила «чудеса сообразительности», решив косить под дурачка — Тебя обижают? Скажи, может я смогу помочь. Ты же мне помогаешь, и я рассказал тебе о своей болезни.

Анрем снисходительно улыбнулась и немного расслабилась.

— Нет, Бес, мальчишки не при чем, они меня просто не замечают. Я сама виновата, не следовало лезть в чужие дела.

Я удивилась тому, что она запомнила моё имя.

— Значит это гости? Так вот, они не имеют права к тебе прикасаться! Ты не рабыня! — Воскликнула я, и голос чуть не сорвался, «дав петуха».

На подобный эффект я не рассчитывала, по привычке стараясь делать голос грубее, но сейчас промах пошел на пользу, потому что Анрем изрядно позабавил. Только посмотрите на это — строю из себя боевого воробья, готового заклевать обидчиков до смерти. Сижу на своей жердочке и чирикаю, напыжившись изо всех сил. Но какая девушка откажется от простого внимания и заботы, особенно при условиях, в которых они приравниваются дефициту?

— Тише ты, — шикнула на меня Анрем, — ещё не хватало, чтобы тебя услышали!

Я провела двумя пальцами по губам, показывая пантомиму, будто закрываю рот на замок. Сомневаюсь, что девушка меня поняла, однако, понизив голос до шепота, торопливо затараторила;

— Кажется, меня убьют, Бес. Перепутала комнату, в которую приказали подать ужин. Подошла к двери, она была приоткрыта, а за ней раздавались голоса. И это были не шутки

или смех как обычно, они обсуждали, — она запнулась, — плохие вещи. А потом меня заметили, и затащили в комнату. Их было трое. Я такая дурра!

Так, это я уже и сама поняла.

— Они что-то тебе сделали?

— Нет, — Анрем всхлипнула, — только ругались, угрожали. Потом начали выяснять, кто не запер дверь, а я вырвалась и убежала.

— Так ты пришла сюда прятаться? — Удивилась я.

— Да. Мне больше некуда пойти. Что со мной будет, Бес? — Она посмотрела мне в глаза, будто в них, как в зеркале, уже отразился ответ.

— С тобой всё будет хорошо.

Ответа на последний вопрос я не знала, но жалость к девушке заставила меня выдать эту фразу, чтобы хоть как-то её утешить. Анрем хотела услышать именно её, хотела поверить в лучшее, и кто я такая, чтобы ей в том отказывать?

Девушка вытерла влажные глаза тыльной стороной ладони, показывая, что тема закрыта. А я почувствовала себя бездушной тварью, лезущей к человеку со своими дотошными расспросами, когда у него на душе кошки скребут. От её ответов всё равно не будет большого прока. Девушка всего лишь служанка — подавальщица, доставляющая подносы с едой в номера к местному бомонду. Подтверждение своей теории я же получила, а остальное можно додумать и самой. Судя по всему, в «Оазис» приходят не только гуляки, желающие развлечься. Верным ли будет предположение, что иногда здесь проворачиваются темные делишки, не имеющие никакого отношения к легальной проституции? Стоит ли мне лезть в эту грязь, шанс выбраться из которой живой, равняется примерно одному проценту из ста? Логика вопила, что из борделя самое время уносить ноги, однако, иные варианты с жильём у меня отсутствовали.

К тому же, именно отсюда тянулась ниточка касающаяся Шиа. Это ли не шанс разузнать о них подробнее? Да, Сашка, ты всегда была слегка слабоумной.

Но если с другой стороны? Невозможно всё время прятаться, выращивая на коже хитиновый панцирь из отрешенности и страха. Со временем эта броня может закаменеть настолько, что пробить её будет сложно даже изнутри.

Отметая мысль больше не прикасаться к Анрем, я решительно ухватила девушку за руку. Некогда ставить эксперименты на других. Хоть и противно, но мне необходимо досмотреть то видение до конца. Нужно узнать лица мужчин и запомнить. Они охотились за Шиа, а те как-то связаны со мной, потому что тоже приходят из другого мира. Попытаться вычислить бандитов, а я не сомневалась в том, что добропорядочными гражданами они не являются, станет глупостью, но узнать с кем определённо не стоит сталкиваться — лишним не будет.

Всё случилось опять чересчур резко, будто моргнув, я увидела перед собой совершенно другую реальность. Второй раз отличался от первого. Теперь, приблизительно зная, что должно случиться, я попыталась отделить свое сознание от чужого. Однако, заблокировать эмоции и чувства оказалось невозможно. Иррациональный страх взял голову в тески, колени саднили, а по щекам катились слёзы, солоноватый привкус которых я ощущался на губах. Две совершенно разные личности слились в одного сиамского близнеца, разделить которого не смог бы даже самый профессиональный хирург.

Контроль рушится, обрастая трещинами и вот уже не Анрем, а я, упав на колени перед отцом, умоляю не отдавать в рабство сестру.

— Папа, пожалуйста, только не Ли! Мы можем продать лавку, только не отдавай им Ли!

Его сухие руки ложатся мне на плечи, а в голосе слышится отчаяние и уверенность.

— Если мы это сделаем — останемся на улице ни с чем, Реми. Прекрати выть, мы должны чем-то пожертвовать, чтобы выжить! Ты уже большая и сможешь работать, а твоя сестра — лишний рот, который нужно кормить.

«Твоя сестра» — с этой фразой приходит осознание, что отец уже принял решение. Твоя сестра! Будто Лиина ему больше не дочь! Я хочу сказать ему всё, хочу выплюнуть прямо в лицо, что знаю причину наших долгов! Знаю, что товар не погиб во время песчаной бури! Знаю, что отец крупно проигрался, сделав провальную ставку на «диких боях». Я видела письмо с угрозами, пришедшее ему накануне утром, и он может не лгать нам о своей неудачной торговле.

— Папа? Что происходит?

— Бес! Бес! Я сейчас позову Найриян-эде, только держись! — Я моргнула и вновь увидела перед собой бледное лицо Анрем. Мне понадобилась пара секунд на осознание того, зачем звать главную кухарку. Когда у меня случился повторный «припадок», девушка наверняка решила притащить сюда первого, кто пришел на ум.

— Нет! — В панике выкрикнула я. Наша начальница женщина неплохая, но привлекать её внимание в подобной ситуации нельзя. — Всё в порядке! Я сам ей объясню.

Перед глазами всё ещё стояли чужие образы, но я порывисто поднялась, и, пошатываясь, пошла вон из кладовки. Провались оно всё пропадом! Видение нельзя выбрать, чтобы как кино прокрутить его в собственной голове. Я узнала не то, что хотела, но увиденное всё равно въелось в память намертво, как умеют въедаться только самые грязные и мерзкие вещи.

Лицо девочки, вошедшей в комнату в последний момент, оказалось мне знакомо. Лиина — та очаровательная малышка с рабской татуировкой, по которой вздыхает Мика. Она ведь тоже жила здесь — в недрах пропитанного грехами дома.

На следующий день я порадовала окружающих всклокоченной шевелюрой и ввалившимися мутными глазами, под которыми залегли темные синяки. Всю ночь меня мучили кошмары. Во сне я ворочалась и что-то бормотала, а потом резко просыпалась от тычка под рёбра или подушки, кинутой в лицо. Сафир — сосед по комнате, кровать которого находилась ближе всего к моей, не мог заснуть из-за чужой возни и периодически будил меня подручными методами.

Нариян-эде, взглянув днем на мою помятую физиономию, скривилась.

— Вот тебе и пташка, — буркнула ворчливая кухарка, — семи дней не прошло, а с неё уже пух летит! Выглядишь как ошипанный цыплёнок, Бес. Как ты собираешься работать?

На это высказывание я смогла только растерянно пожать плечами.

— Ты хоть спал этой ночью? — Продолжила допрос дотошная начальница.

Я стояла перед ней как провинившийся солдат, ожидающий законные два наряда вне очереди, пока остальные сослуживцы уже получили приказ «вольно». Мне от чего-то казалось, что весь персонал кухни: от разносчиков до посудомоек, выглядели сегодня особенно оживлённо. Лязг столовых приборов, звон посуды и вороватое перешептывание служанок шелестели в ушах, не давая сосредоточиться на заданном вопросе.

— Спал? — я постаралась, чтобы ответ звучал утвердительно, но он всё равно больше походил на вопрос.

Кто-то из девушек поблизости сдавленно захихикал, а Нариян-эде устало вздохнула. Значило ли это, что я выглядела настолько жалко, что даже суровая с виду кухарка заразилась ко мне сочувствием?

— Анрем сегодня вообще не появлялась. А я видела, как вчера она выходила из кладовой сразу после него. Как вы думаете, чем они там занимались? — шепотом известила всех чернявая девчонка, замешивающая тесто, а у меня дыхание перехватило от её наглости.

Только лишних сплетен для полного счастья мне и не хватало! Персонал на кухне всегда развлекал себя как мог, а страсть к обсуждению чужой личной жизни актуальна, судя по всему, во всех мирах, но сейчас мне меньше всего хотелось оказаться в центре внимания. К счастью, Нариян-эде не стала пропускать гадость мимо ушей.

— Взять твой болтливый язык, Олан, да отделить от головы — цены б такой девке не нашлось! Больше не смей про Анрем дурного говорить, она вчера ещё попросилась из подавальщиц в кухарки и теперь мне лично помогать будет. Да не твое это дело — думать, чем тот или иной мой работник занят. Вот как седина голову украсит, да уважения господина добьёшься — тогда и будешь вопросы задавать. Понятно тебе?

— Да, Нариян-эде.

— Так-то. — Буркнула начальница, пока я растягивала губы в улыбке.

Значит Анрем нашла способ больше не показываться на глаза клиентам! От этой новости мне стало легче. После вчерашнего я за неё неосознанно переживала. Она не была мне другом, перед ней я только и делала, что притворялась и лгала, чтобы выведать что-то полезное для себя, но какая-то щемящая жалость к девушке пробралась в сердце, стоило только побывать в её голове.

— А ты чего это на лицо напялил? — Обратилась ко мне кухарка. — Хватит скалиться, Бес, или правда наша Анрем понравилась?

— Может и понравилась, — я не стала вдаваться в подробности о причинах своей весёлости, — Нариян-эде, а вы знаете, где она сейчас?

— Знаю, — бросила женщина, — да тебе говорить не собираюсь. За мной пойдём.

Она повела своими широкими бедрами, и поплыла к выходу. Пришлось плестись следом.

Выведя меня из шумной кухни, Нариян-эде приостановилась и, спешно оглядевшись, сунула мне в руки небольшой мешочек. Я взвесила его на ладони и удивлённо посмотрела на начальницу. Деньги? С одной стороны в зарплате не было ничего удивительного, но с другой кошелек оказался тяжелее, чем я рассчитывала. Или она мне мелочью выдала?

— Там больше, — правильно поняла моё выражение лица Нариян-эде, — но ты не радуйся, Бес, вернешь половину, как только заработаешь. И лучше тебе зарабатывать в другом месте.

— Что?! — Воскликнула я, но опомнившись, понизила голос до шепота. — Вы меня выгоняете? Скажите хоть по какой причине?

— Скажу! — Нариян-эде подалась вперед и зашипела как кошка, которой наступили на хвост. — Не знаю как ты смог обвести вокруг пальца Микаэша, пташка моя, но если продолжишь здесь работать, твои секреты станут проблемой не только для тебя, но и для этого дома!

По позвоночнику побежала вереница мурашек. Я спрятала пальцы поглубже в рукава. Захотелось ошетьиниться, выпустить иглы подобно дикобразу, оскалиться в ответ, и наврать, что я в жизни ничего не скрывала. Может женщина блефует? Может есть ещё шанс пустить пыль в глаза? Но если она уже знает, что я девушка, ей достаточно будет одного касания, чтобы это проверить!

— Нариян-эде, как вы поняли? — Вместо оправданий выдавила из себя я.

Лицо женщины тут же расслабилось и она начала говорить мягко, будто втолковывая прописные истины неразумному ребёнку.

— Анрем, милый, она пришла вчера просить за себя, заодно решив рассказать и о твоей болезни. Я помогаю своим «деткам», и она подумала, что и тебе смогу помочь. Только это не болезнь, Бес, а дар которого и врагу не пожелаешь. Я всякого в этой жизни повидала и сразу догадалась, чем дело пахнет.

В горле застрял противный тяжёлый ком. Значит она говорила о моей новой способности. Не о поле... Женщина между тем продолжила:

— С этим я не смогу долго тебя прикрывать, слышишь? Ты хоть представляешь, что будет, если Иршад джан узнает о тебе? Все мы ходим под одной крышей и это рано или поздно случится, а у хозяина на одаренных есть особые планы.

— Странно, что он ещё не в курсе, ведь вы на него работаете. — Огрызнулась я.

— Я — женщина, Бес, нам свойственна жалость. Ни одна из нас не пожелает такой доли для ребёнка, а ты ещё ребёнок, дорогой.

— И что же мне теперь делать? — На глаза начали наворачиваться слёзы. Я не плакала уже сотню лет, но в этот момент поняла, что если не смогу сдержаться сейчас — наревусь на целую жизнь вперед.

— Найди тихое место, мальчик. Затаись. Здесь тебе не место. Можешь провести в своей комнате эту ночь, но потом ты должен уйти. Я скажу сегодня всем, что дала тебе выходной.

Сжав губы в тонкую полоску, я пыталась не сказать в ответ что-то резкое. Меня выбрасывали на помойку, словно сломанную и страшную куклу, убеждая в том, что это для

моего же блага. Мол, если про тебя вспомнит хозяин, одной полкомкой уже не обойдешься. К оторванной кукольной руке могут добавиться ещё и ноги, а пока ты можешь бежать — воспользуйся этим быстрее.

— Спасибо, Нариян-эде. — Я поклонилась ей как положено только перед благородными господами. — С Анрем можно на прощанье поговорить?

Кухарка отрицательно покачала головой, и я развернувшись, помчалась в направлении своей комнаты. Оставалось только забрать вещи и убраться отсюда подальше. Для полноты драматической картины не хватало только трагично брошенного в спину: «Так будет лучше для тебя», но начальница промолчала, а я успела переработать непролитые слёзы в гнев.

* * *

Мой уход, конечно, не остался незамеченным. Пара знакомых ребят бросили на меня, выскальзывающую из служебной калитки с узелком вещей за спиной, заинтересованный взгляд, но спросить ничего не осмелились.

Я как настоящий максималист не стала пользоваться разрешением на последнюю ночевку, и, забрав сменную одежду вместе с небольшим запасом еды, состоящим из сухарей и орехов, решила в бордель больше не возвращаться. Фотоаппарат, правда, как лишний балласт было решено оставить, предварительно запрятав его в нишу под скрипучими досками в полу. Воспитанная на кинематографе и шпионских фильмах, я не нашла для него хранилища получше, хотя, если признаться честно, не особо беспокоилась о сохранности своего сокровища, потому что всё больше начала сомневаться, что оно мне хоть когда-нибудь ещё пригодится. Шансы на возвращение домой таяли на глазах, и только безнадежный романтик как я — мог подумать в начале, что хоть что-нибудь получится.

Может ли надеяться на возвращение в родное гнездо испуганная птица, если знает, что на подлёте к нему давно поджидают охотники с ружьями, жаждущие подстрелить дичь?

Меня не пропустят обратно, не зажгут посадочные огни, не помашут платочком на прощанье. У окружающих здесь другая задача — выследить, нажать на курок, сожрать с потрохами или продать подороже.

Теперь, к тому, что я и так нахожусь в империи нелегально, добавилась и новая способность, которая не хуже кости — может встать поперек горла не только мне, но и людям на которых она может быть применена. Зря я только думала, что если буду пользоваться ей на слугах борделя, никто ничего не заметит. О моих странностях донесли уже на следующий день, и хорошо, что про них узнала всего лишь главная кухарка, прямо сказавшая, что не будет меня прикрывать.

Так зачем же возвращаться на одну ночь туда, где тебе уже нет места?

Послонявшись по улицам города, я припомнила дорогу к центральному рынку с одной единственной целью — куплю себе перчатки, а уж потом буду думать куда податься.

Сомневаюсь, конечно, что в такой жаре это распространенный аксессуар, но он поможет защититься от незапланированных прикосновений. Лучше уж потерпеть некоторые неудобства и выглядеть иногда немного странным, чем ловить видения, задев кого-то по неосторожности.

На рынке сегодня было ещё болеелюдно, чем в прошлый раз, и я, переходя от одной палатки к другой, лавировала в толпе с удвоенной осторожностью.

Парочка женщин укутанных в подобие чадры стояли у лавки с платками и одеждой, к которой я подошла и о чем-то оживлённо переговаривались. Я старалась не привлекать их внимания, рассматривая женские тряпки. Перчатки здесь были, и довольно приличные, но я чуть не плюнула от досады, потому что они оказались расшитыми «под хохлому» тонкими шелковыми нитками. Такие парню носить — проблем не оберёшься, но ничего лучше я пока не приглядела. Кроме соколиных, естественно, которые будут выглядеть на мне как на корове седло.

— Сколько? — Буркнула я торговцу, ткнув пальцем в это безобразие.

— Пять эсо. — Получила такой же хмурый ответ. Хозяин лавки не видел во мне достойного покупателя, так что своё обаяние распылял на двух дам, расписывая все прелести нового товара.

Медяшки у меня были, и я выбрала самый скромный вариант из существующих, но жаба душила со страшной силой, так что я стояла в раздумьях с такой миной на лице, будто только что проглотила лимон.

— А что попроще есть? — Решила вновь отвлечь мужчину.

— Слушай, парень, зачем тебе проще?! — Вскинулся торговец, подаваясь вперед так, что я невольно от него отодвинулась. — Девушка как диковинная птица — должна быть красивой, яркой! А ты что выбираешь?! Дари вот эти, — он положил передо мной сапфирового цвета перчатки, расшитые бисером, — и твоя девушка будет выглядеть как принцесса — новая жена нашего императора!

На последних словах стоящие рядом покупательницы восторженно ахнули и переглянулись. Я закатила глаза. Всё же не могла признаться, что не в подарок покупаю, а для личного пользования, а уж мне-то в последнюю очередь нужно выглядеть здесь как принцесса.

И пока я обдумывала как буду отрывать от женских перчаток ненужную мишуру, чтобы придать им божеский вид, окружающая толпа развивала тему коронованных особ, а торговец нагонял туману, пытаясь на ней нажиться.

— Я слышала, что принцесса Эллиаль прекрасна как восходящее солнце, — шептала одна покупательница второй, — что кожа у неё чиста как лепесток лилии из дворцового сада.

— А волосы как тончайшая нить серебра. — Поддакивала соседка.

— Хотите удивить своего мужа, нарядом с родины принцессы? — Заговорщицки мурлыкал торговец, — специально для вас у меня осталась пара редких экземпляров!

Не став больше слушать этот бред, я заплатила за пару самых страшных перчаток и отправилась дальше блуждать по городу. Следующим пунктом я решила поспрашивать у людей где тут расположены местные гостиницы или таверны, чтобы попробовать устроиться туда на роль слуги. Опрос не дал никаких результатов, я обошла пару шумных забегаловок, где все стояли на ушах и непременно давали мне от ворот поворот. А разговоры о заморской принцессе всё преследовали меня по пятам.

— Да что не так с этой принцессой? — решила я спросить в конце-концов у паренька ошивавшегося у дороги рядом с таверной, из которой меня только что выгнали. Он посмотрел на меня как на инопланетянина, что в общем-то было не далеко от истины и вымолвил:

— Император женится в четвертый раз, невеста сегодня приезжает. Все хотят на неё посмотреть! Ты из какого подземелья выполз?

Невнятно пожала плечами. За почти прошедший день, да и всю неделю, я так вымоталась, что практически перестала обращать внимание на то, что происходит вокруг. Зарывшись по самую макушку в своих проблемах, только сейчас осознала, что и сама скоро забуду ответ на этот вопрос. Кто я? Откуда? Всё эти мысли: «надо скрываться», «надо заработать денег», «надо притвориться» сделают из меня зашуганную мышь, не знающую ничего кроме своей норы. Мне вдруг невероятно остро захотелось расслабиться и посмотреть на эту диковинную принцессу, о которой кричали сегодня на всех углах. Всё же настоящих коронованных особ средневековья мне приходилось видеть разве что на картинах, и упускать такую шикарную возможность в жизни — настоящее кощунство. Не век же рассматривать в этом мире стоки канализаций, да хозяйские дома. Было бы здорово посмотреть ещё и на дворец, к которому до сих пор не удавалось приблизиться... Всё равно солнце уже клонилось к закату и найти за оставшееся время подходящую работу мне уже не светило. Стараясь не думать, где сегодня придётся ночевать, я вновь пристала к мальчишке:

— А где пойдет процессия?

— Что? — переспросил тот.

— Ну принцесса где проехать должна? Не одна же она будет. Со свитой.

— Точно... — Парень почесал затылок и неопределённо махнул рукой. — От главных ворот пойдут. Там!

Посмотрела в направлении этого неведомого: «там» и совершенно ничего не поняла. Город всё ещё оставался для меня лабиринтом, и где здесь находятся главные ворота, я представления не имела, ибо пройти через них так и не довелось. Все указатели, способные помочь с определением пути, если и существовали, то написаны были на чужом наречии, так что передвигаться приходилось, руководствуясь исключительно своей памятью и чужими подсказками.

— А ты что стоишь, посмотреть не хочешь? — Решила я подбить парня на то, чтобы проводил.

— Там меня как букашку раздавят, — шаркнул мальчишка ногой и вперился в меня хитрым взглядом, — и тебя раздавят, если места козырного не знаешь. Там сейчас народу...

Аргумент. Меня аж передернуло от перспектив оказаться в центре людской давки. Как только самой в голову не пришло, что никто мне там места не уступит? И ладно бы только давка, её я пережить смогу, как и любой среднестатистический житель мегаполиса, каждое утро добирающийся до учебы или работы на метро, но новые способности... Того, что кто-то ненароком дотронется до моей кожи будет достаточно, чтобы я отключилась и начала смотреть на что угодно, кроме появления принцессы.

— Значит, ты хорошее место знаешь? — Я быстро смекнула на что намекал мальчишка. — И что хочешь за это?

— Поесть найдёшь? — Оживился он.

А не велика у этого парнишки планка, только и надо, что поесть...

— А найду! Куда ведёшь, друг?

Он подпрыгнул на месте, развернулся и поманил за собой.

— Ты хоть лазать умеешь? На крышу пойдём!

Раскалённая под полуденным солнцем крыша уже начала остывать. Присев прямо на колени, и уютив руки на широкий каменный парапет, я с усердием всматривалась вдаль, чтобы как можно раньше заметить появление принцессы. Чумазый мальчишка, расположившись поблизости и хрустел моими припасами, которые волновали его куда больше чем прибытие коронованных особ. Он, к слову сказать, совсем ничего не стеснялся и, забравшись на самый край, свесил с него ноги и болтал ими в воздухе.

Я так делать слегка побаивалась. И пугала меня даже не высота, которая была весьма внушительной, а резонное предположение, что в такой позе меня могут быстро заметить и схватить как крайне подозрительную личность. Всего неделя жизни здесь, а я уже стала отъявленным параноиком. И пусть кто-то только попробует сказать, что для этого нет оснований!

Усилим воли собрала все свои нервы в кулак и постаралась сделать то, для чего сюда и пришла — расслабиться.

Вид с нашей смотровой площадки открывался удивительный, и я смогла в подробностях рассмотреть дворец. Величественный, громадный, он венчал собой сердце города и казался немыслимым сказочным миражом. Отделённый от тесных улиц ещё одной стеной, он выглядел как часть совершенно другого мира — не такого жестокого. С широкими окнами, множеством колон и арок, издавека замок был похож на нечто воздушное, кружевное. Заходящее солнце играло с золотом его куполов, окрашивало гладкий камень стен в теплые тона, и он будто сам начинал светиться, притягивая к себе взгляд. Я замерла, глядя на то, как где-то там — далеко, в его окнах начали зажигать свет.

— Не туда смотришь, — прощамкал провожатый, ожесточенно работая челюстями, и тем самым испортил всё моё романтическое настроение, — нужно в другую сторону. Уже начинается.

А вот это уже интересно. По моим ощущениям мы находились здесь уже около часа, а торжественный кортеж, так и не прошел мимо. Внизу, по периметру улицы толпились люди, и никто из них даже не собирался расходиться. Некоторые, в основном женщины и дети, высовывались из окон своих жилищ и тоже ждали появления процессии. Последовав примеру толпы, я тоже повернула голову в нужную сторону и потерпела разочарование.

Решив поучаствовать в этой аванюре, я ожидала увидеть нечто более грандиозное. Не знала точно, как торжественное появление невесты императора должно происходить в другом мире, но успела напредставлять себе более красочную картину. У меня в уме уже успел сложиться сюжет, где успели принять участие и разряженные в цветастую униформу гвардейцы, и нагруженные заморскими подношениями верблюды, и павлины, вышагивающие по бокам церемонии, распустив свои широкие хвосты. Где юная и ослепительно-прекрасная принцесса несмело выглядывала бы из своего паланкина, который несли угнетённые долгой дорогой рабы.

Как же, Сашка, ты ещё салют на заднем фоне представь! Нет уж, в реальности кортеж смотрелся совсем иначе.

Издали шествие казалось довольно мрачным. Группа конных воинов кольцом оцепила три катившиеся по дороге кареты. И я успела уже поджать губы от недовольства, как тут они начали приближаться. То нечто, что я изначально приняла за кареты, оказалось и не

каретами вовсе, и уж тем более по дороге они не катились.

Тесные кабинки громоздились на плоских спинах больших бурых животных чем-то напоминающих варанов. Неприлично раззявила рот, глядя на то, как гибкие тела ящеров плавно перетекают по каменной брусчатке и внушительная ноша на их спинах при этом не трясётся на каждом ухабе. Удивительно! Я же и не задумывалась над тем, какие средства передвижения тут используются в путешествиях на дальние расстояния. Естественно, что для повозок здесь не будут применяться колеса, которые моментально завязают в песке. Это заставило меня вспомнить и то, что лошадям тоже не свойственно переносить столь трудные путешествия, а значит они тоже не совсем обычные.

Никаких вам верблюдов, господа, никаких рабов. Вот только принцессы тоже не было видно, и я могла лишь сделать предположение, что она находится в одной из кабинок, взваленных на ящеров.

Мне ничего больше не оставалось, как устремить свой взгляд на всадников.

Охрана коронованной персоны тоже повергла меня в смятение. Разношерстная компания состоявшая как из массивных накаченных дядек со шрамами, так и из воинов не столь внушительных, но выглядевших более впечатляюще. Облаченные в черные кожаные доспехи, пятеро из отряда восседали на жеребцах с короткими гривами и блестящей шерстью угольного цвета. Эти мужчины были похожи друг на друга как близнецы — одинаково экипированные, смуглые, с забранными на затылке в хвост волосами. Их лица застыли каменными масками, не отражая ни одной эмоции. Отталкивающие, эти воины будто излучали вокруг себя темный ореол опасности. И я тут же окрестила эту пятёрку всадниками апокалипсиса, хотя на самом деле их должно быть четверо.

Ещё один страж отличался от всех вместе взятых. Он был в той же черной форме, что и «всадники», ехал на хищном с виду жеребце, но не вписывался в остальную команду по всем статьям.

Он был седовласым. К сожалению, процессия двигалась от меня слишком далеко, чтобы я могла понять, сколько ему лет. По подтянутой фигуре и выправке я не могла сказать, что он стар, но по тому, что ехал воин впереди колонны, я сделала вывод, что он командующий, а значит — не молод. Всадники апокалипсиса и их предводитель — Люцифер, собственной персоной.

Я усмехнулась, а толпа внизу начала волноваться и что-то выкрикивать. Они желали видеть принцессу! Такое желание сжигало и меня, ведь не зря же я отдала провожатому часть своего пайка? А если надежда на зрелище не оправдается, то и мои запасы, и время, которое можно было потратить на поиски укрытия для ночевки, были пушены впустую.

Минуты текли, а ничего происходило, отряд вместе с каретами приближался ко дворцу и народ был разочарован. Но вот повозки поравнялись с нашим домом и ткань на одной из них — что ехала в самом начале, пришла в движение. Тонкая девичья рука отодвинула занавеску и в окне показались женские очертания. Хрупкая фигура девушки была облачена в светлое платье, а лицо безнадежно скрывала полупрозрачная ткань.

Я подавила вздох разочарования. Почему, вот почему я такая наивная дурра?! В этом мире не бывает чудес и радужных единорогов, а принцесса самая обычная девушка, которую к тому же разглядеть-то толком не удалось! Почему же я тогда всё ещё не перестаю надеяться на какое-то проявление волшебства, кроме того, что уже приносит мне только чертовы проблемы!?

Отвернувшись от дороги, я села к ней спиной и зарылась руками в волосы. Снова

волной накатила холодная апатия, потому что я поняла, что зрелище прошло, а проблемы — нет. За апатией пришла злость и досада. Хотелось выдирать короткие пряди волос клоками и выть. У меня сдавали нервы.

Но тут случилось нечто жуткое. Где-то внизу и правда раздался вой, протяжный, страшный, не человеческий. От него кровь стыла в жилах! А следом за этим звуком последовали другие — рычание и несвязные крики.

Я вскочила на ноги и перегнулась через край крыши. Зря, зря я это сделала!

Внизу творилась паника. Я не сразу поняла, почему люди бегут с места недавнего зрелища, но когда дорога практически опустела, меня парализовало от осознания случившегося. Окна домов были тут же захлопнуты, и никто уже не желал смотреть на процессию, которую с разных сторон окружили три жутких чудовища. По размеру чуть меньше буйвола, они были похожи и на земноводное и на млекопитающее одновременно.

Их оскаленные «волчьи» морды покрывал плотный слой чешуи, а по позвоночнику и бокам тянулись ряды из мелких острых шипов. Лапы тварей со внушительными бритвами когтей скребли каменную кладку дороги, и на ней оставались глубокие борозды!

Воины обнажили оружие — изогнутые острые клинки уже не блестели. Солнце закатилось за горизонт, окрашивая улицы города в оттенки серого. Охрана принцессы готовилась защищаться, но я не могла представить исхода, в котором они победят. Твари били по земле тонкими лысыми хвостами, и совсем не обращали внимания на мечи, которые на их фоне выглядели как зубочистки. А опустившаяся на землю тьма, казалось, давала им лишь преимущество. Глазницы на черепах чудовищ с наступлением темноты зажглись фосфорическим светом, давая всем понять, что они отлично видят в темноте.

В переулке ослышалось завывание ветра, и я понятия не имела, откуда он мог взяться. Дохнуло прохладой и твари угрожающе зарычали, готовясь напасть.

Животные сходили с ума от беспокойства. Парочка лошадей встала на дыбы и, хрипя, унеслась прочь. Всадникам повезло, что они успели спешиться, иначе их гарантированно приложило бы головой о дорогу. Достаточно спокойно вели себя только лошади воинов в черном. Они теснили к стене противоположного дома повозки, запряженные ящерами, и я подумала, что животные делают это не из страха, а по приказу хозяев.

«Вараны» же, которые так удивили меня сегодня, тоже заметно нервничали, но к счастью бежать не решались. Однако, я поняла, что эти животные, только казавшиеся грозными, на самом деле являлись лишь надежным средством передвижения и в схватке ничем помочь не могли.

Я задалась вопросом, что случилось с принцессой, ибо из повозки за всё время происходящего не доносилось ни единого звука, но тут же забыла обо всём, когда одна из тварей кинулась на человека. Закрыв рот рукой, чтобы не завопить, я вдруг подумала, что принцесса наверняка уже скончалась от разрыва сердца при виде этих ужасов, или, по крайней мере, находится в глубоком обмороке.

Первые столкновения мечей со шкурой чудовищ не принесли никакого результата. Сталь скользнула по ней словно по куску гранита, и я удивилась, как этим ударом смуглый и ловкий воин ещё не выбил искры. Антрацитовая чешуя на гибких телах тварей была прочнее любой брони.

Людям приходилось только уклоняться от когтей и клыков, но один из мужчин всё-таки не успел. Когти распороли ему живот, и тело кулем повалилось на каменную дорогу. Тварь тут же впилась зубами в его внутренности и начала рвать их на куски. Этого я не выдержала

и закричала, запоздало прикусывая ребро ладони. Инстинктивно отшатнулась от края стены, чтобы не завалиться верёд и не упасть, потому что от увиденного мне внезапно стало плохо.

Зачем я на это вообще смотрю?! Нужно бежать отсюда сломя голову, но куда?! Захваченная ужасами смертельной схватки, я даже не заметила, как осталась одна. Мальчишка естественно не стал ждать развязки сражения и смотался сразу же, как только запахло жареным.

Чтобы унять панику, я зажала ладонями уши и начала дышать глубже. Однако, жуткую мелодию из звона металла, криков и нечеловеческого рычания заглушить было невозможно. С каждой минутой она только набирала обороты, становилась всё громче, и казалось, засела в самом центре черепной коробки.

Одна из тварей вдруг взвыла на высокой ноте, но уже не угрожающе, а будто в предсмертной агонии. Неужели кому-то удалось её задеть? Не выдержала и, опираясь дрожащими руками за парапет, выглянула наружу. Так и есть! Одна из них, извиваясь, корчилась на песке, пока остальные рассвирепели ещё больше. К счастью, к охране принцессы уже подросла подмога в лице стражей, которые несколько дней назад охотились за мной.

С одной стороны на меня навалилось чувство облегчения, потому что люди всё же знали как справляться с чудовищами и теперь наверняка задавят их числом. А с другой, в голову пришло осознание, что когда они это сделают, по городу вновь пройдет отряд зачистки с проверкой, и лучше мне к этому времени затаиться где-нибудь подальше, а не ошиваться рядом с местом спланированного нападения!

То, что это было спланированное нападение, я почему-то не сомневалась. Монстры вели себя не как озлобленные и голодные животные. Вернее, именно так они себя и вели, но только с одной оговоркой. Они были натасканы на определённую цель, потому что выбрали в качестве жертв не убегающих прохожих, и не взбесившихся лошадей, а кортеж принцессы чужого государства, целенаправленно стараясь до него добраться.

При таком раскладе может пострадать каждый, кто волей случая оказался рядом.

Лихорадочно стала озираться, чтобы забрать узелок с оставшимися припасами и дать дёру. Вот только поверхность крыши оказалась пуста.

— Нет, нет, нет...

Я встала на четвереньки, и начала руками обшаривать всё вокруг в надежде, что не заметила своих вещей из-за вечерних сумерек. Бесполезно! Меня обворовали! Меня обворовали, черт побери! Я весь вечер держала узелок при себе, но видимо выронила его, как только на земле началось побоище. Конечно же провожатый оказался вором и увёл все мои скромные пожитки, когда ситуация вышла из-под контроля. Сжав зубы до противного скрежета, я ударила кулаком по поверхности камня, мысленно поклявшись, что прибью мелкого уродца, если он ещё раз попадётся мне на глаза. Вот только если сама не сдохну...

Боль от разбитого в кровь кулака слегка отрезвила и я поднялась на ноги, чтобы направиться к выходу отсюда. Нет, я не сдохну! Этого вы от меня не дождетесь! Весь этот проклятый мир может катиться в бездну, но ему не утянуть меня с собой. «Все умрут, а я останусь!» — всплыла в голове фраза из одноимённого русского фильма, и я уверенно проговорила её вслух.

У меня осталось немного денег, которые я догадалась спрятать под одеждой — этого должно хватить на первое время. А пока нужно убираться отсюда куда подальше. Больше не оборачиваясь, чтобы посмотреть на развитие событий, я помчалась в противоположном

направлении.

Страх и потрясение от увиденного делали меня неуклюжей. Спускаться оказалось куда сложнее, чем подниматься, и, проворачивая это в спешке, я старалась не покалечиться. Лестниц здесь предусмотрено не было, и мне следовало преодолеть несколько уровней постройки, чтобы очутиться на земле.

К счастью, дом был не новым. В стенах иногда попадались выступы или трещины, за которые я и цеплялась. Помнится, обобравший меня мальчишка, показывал самые надёжные из них, по которым мы и карабкались. Но сейчас на хитрости и лазейки не оставалось времени. Свесившись с парапета на руках, я нащупала носочками твердую поверхность и сползла по стене вниз, потом метнулась вперед, чтобы перелезть через ещё одно препятствие — забитое изнутри окно.

Вой чудовищ, раздававшийся совсем близко, подстёгивал не хуже ударов плетей. До земли оставалось совсем немного — всего пара метров. Оставалось только пробежать через покатый козырёк, нависший над запасным входом и спуститься сбоку, где очень кстати расположилась гора из строительного мусора, приваленного к стене.

Балансируя на плоском выступе, я была практически у цели, когда раздался оглушительный крик — на этот раз человеческий. Я оступилась и сама взвыла от боли, покотившись вниз по козырьку. По бедру будто полоснули лезвием. Руки получилось разодрать даже через перчатки, которые я предусмотрительно решила надеть. Замедлить падение удалось, и хотя я приземлилась с грацией парализованного на обе ноги инвалида, обошлось без серьёзных последствий. Ушибы и ссадины не в счет — буду зализывать их потом, как изодранная в драке кошка. А пока плевать на всё! Вперед! Вперёд!

Неосознанно я всегда боялась тесных переулков, ночных безлюдных парков и подворотен. Я не возвращалась домой слишком поздно, а если приходилось где-то задержаться, то меня непременно провожал Димка. Он доводил меня до самого подъезда, а потом какое-то время дежурил у парадных дверей, ожидая того как я зайду в квартиру, включу на кухне свет и выгляну в окно, чтобы помахать ему на прощанье рукой. Друг пару минут стоял внизу на асфальте, разглядывая мой силуэт, а потом разворачивался спиной и неспешно уходил.

В такие минуты я всегда улыбалась, и мне — наивной от чего-то казалось, что он улыбался мне в ответ.

Рядом с ним я не задумывалась об опасностях и чудовищах, обитающих в темноте, но сейчас поняла, что не была сильной. Мне лишь казалось, что я способна на то, на что у других не хватило бы духу. Друг был моей силой, моим бесстрашием, и стоило ему оказаться далеко, фобии налетели на меня словно стая стервятников на умирающее животное.

Кривые улочки были похожи на звериные тропы, проходящие по темному лесу, и я петляла по ним как израненный заяц, убегаящий от стаи волков. В моем представлении, именно в таких грязных переулках обычно поджидали свою жертву маньяки. Я легко могла представить за очередным поворотом шайку бандитов, избивающих незадачливого прохожего. Могла представить, как один из них приставляет к шее бедолаги нож и требует отдать всё, что у него есть, под одобрительный гогот своих подельников. Я практически слышала их грубые голоса, подначивающие: «Прикончи его!», «Вскрой плотку!», «Он нас видел!». И плачь, надрывный плачь кого-то, чья жизнь висит на волоске.

Этот мир делает меня сумасшедшей. Потому что последнее я различила так четко, будто воображаемая сцена происходила наяву... Я остановилась, и почудившиеся голоса тут же

умолкли. Точно схожу с ума!

Стоя на перекрёстке, я боязливо огляделась. Мрак впереди, мрак сзади. Темнота окутала меня своим черным холодным коконом, сквозь которые можно было лишь частично различить очертания улицы.

Глухой удар заставил вздрогнуть. Будто на камень мостовой упало что-то тяжелое... Я не смогла определить откуда доносится звук, но опасливо двинулась вперёд, потому что стоять на месте было нельзя.

Мрак расступился и пошёл рябью. На небо сегодня всё же вышла блеклая нарождающаяся луна. Месяц-тонкий и прозрачный, вынырнул из-за угла крыши и освятил маленький пяточок улицы, неподалёку от меня. В его холодном свете я различила три сутулые фигуры, отбрасывающие на землю длинные тени. От открывшегося зрелища по спине поползли мурашки. Люди стояли ко мне боком и рассматривали что-то лежащее на земле. Они глухо переговаривались между собой, о чем-то спорили, и я затаила дыхание, пытаясь ничем не выдать себя. Мужские угловатые профили казались мне сюрреалистичными и хищными. Привлекать внимание подобных личностей было бы глупо, и я начала тихо отступать, жалея, что сразу не свернула, поддавшись интуиции. Даже самому наивному в мире ребёнку станет ясно, что они тут не любовь к литературе обсуждают Тихо, Бес... Только веди себя тихо...

Один из мужчин отошел в сторону, в руке его блеснуло что-то железное. Нож. Он наклонился, чтобы вытереть лезвие о нечто лежащее на земле и я, наконец, различила в нем очертания искаженного тела. Бледное лицо покойника смотрело прямо на меня. Я бросилась обратно.

Лишь бы они меня не заметили! Лишь бы они меня не заметили! Лишь бы...

Меня отбрасывает назад, и я врезаюсь спиной в каменную стену.

— Так-так... у нас ещё один. — Издевательская насмешка.

Я поднимаю глаза и вижу, что меня загнали в угол. Несчастный заяц, который не смог убежать от стаи волков, был съеден.

Хищники возвышались надо мной, скалясь в ожидании расправы. Это не волки, конечно, но кто сказал, что люди не могут быть страшнее? Фигуры моих убийц, которые я толком и разглядеть не успела, говорили об обратном. Хватало лишь факта того, что моя жизнь сейчас оборвется.

— Только не играй с этим, пора сваливать! — Огрызнулся один из мужчин.

Я зажмурилась и успела только почувствовать, как второй ухватил меня рукой за горло...

Жалкое зрелище. В мальчишке, который стоял передо мной на коленях и трясся, как в приступе тяжёлой лихорадки я узнала нечто отдалённо похожее на себя. Грязное, раненное, измазанное в крови и пыли существо лишь частично напоминало прежнюю Сашку.

Мне хотелось убить это ничтожество. Раскромсать на кусочки, выпотрошить и оставить подыхать, истекая кровью.

— Почему?! — Возмущаюсь я, глядя на своего спутника. В последний момент он остановил меня, запрещая свершить задуманное.

— Идиот! Ты разве не видишь, какой у него дар?! Заберем с собой.

Убивать нельзя, но покалечить можно? Черт! Чужое тело — чужие мысли. Я сама себя хочу уничтожить, и замахваюсь ногой, чтобы нанести удар по лицу.

Только другая Сашка с трудом отклоняется, а спину пронзает боль. Мир меркнет.

Меня бьёт дрожь. Почему я ещё жива? Меня вновь перекинуло в голову другого человека, стоило ему ко мне прикоснуться, но видения в этот раз я так и не поняла. Да и ситуация не располагала к трезвому мышлению. Несостоявшийся убийца разжал пальцы, и я свалилась на колени.

— Почему?! — Он ревёт прямо над ухом, и голос набатом отражается в голове. Это уже было... Это уже было? На этот раз у меня получилось зацепить кусочек не из его прошлого, а из недалёкого будущего?

На мгновение я словно очутилась в дне сурка. Я уже знала ответ на заданный вопрос. Ситуация идёт по кругу. И этот убийца сейчас врежет мне, если я не успею отклониться. Отшатываюсь с трудом и вижу, как он свирепеет, решая сделать новую попытку. Нет, во второй раз у меня не получится...

Но второго раза не последовало. Палач замирает, а потом заваливается вперёд, придавливая меня своей тушей. Его перекошенное в гримасе боли лицо утыкается мне в шею, и я чувствую, как колется его щетинистый подбородок. Видений нет... Он мёртв? Он мертв, черт возьми!

Что мертвецов не стоит пугаться, я понимала всегда. У меня не было паники даже в детстве, когда умерла бабушка, и родители заставили целовать её в лоб, отправляя в последний путь. Но сейчас, труп лежал на мне, и это обстоятельство ввергло в состояние истерики. Планета словно начала вращаться быстрее. Я закричала, пытаюсь спихнуть с себя тело, но оно было настолько тяжёлым, а я так напугана, что ничего не получалось.

Тем временем в переулке творилось что-то невообразимое. Мне опять слышалось рычание, сдавленная ругань и звук, похожий на свист плети, разрезающей воздух. Там опять началась драка? Мне было всё равно. Слезы катились по щекам, я задыхалась. Пальцы нащупали на спине мертвеца рукоятку кинжала, и я выдернула его, зажав в кулаке.

«Хватай мальчишку!» — смогла я разобрать фразу, брошенную одним из бандитов. Очевидно, что он говорил про меня, и его мотивы были довольно понятны. Дар, которому посторонний легко сможет найти полезное применение — вот главный из них. Только говорившего не послушали, меня никто не схватил, хотя, в таком состоянии я бы черту душу продала, лишь бы избавиться от этого мертвеца.

Я просто валялась на земле и редела, придавленная остывающим телом. В нем было килограммов сто — не меньше. В ходе слабых барахтаний, я всё же немного сдвинула труп, но в результате его голова оказалось на уровне с моей. Остекленевшие карие глаза смотрели в пустоту, и шедшая на убыль истерика возобновилась. Со злости я пырнула дохлого мерзавца орудием убийства, сделав в нём ещё пару дырок.

И тут стало легко. Кто-то скинул с меня тело, и я с трудом сфокусировала на спасителе взгляд. Слезы застилали глаза, и я увидела на месте его лица лишь размытое светлое пятно, обрамлённое ореолом из белоснежных волос. Во тьме они будто светились, отражая лунный свет. За мной спустился ангел, или это побочный эффект развивающегося психического расстройства?

— Поднимайся. — Приказал мужской голос, но я не двинулась с места, хотя такую возможность уже получила.

Мужчина выругался и потянулся ко мне, чтобы самолично поставить на ноги. Тут-то до меня и дошло, что подобного ужаса больше не допущу. Лишь адреналин в крови помог мне молниеносно подскочить и выставить перед собой добытый кинжал.

— Не подходи! — Прохрипела я, тыча оружием в мужчину. Или парня, потому что на

вид он оказался довольно молод. Слезы иссякли, и я смогла разглядеть, с кем имею дело.

Правильный четкий профиль, острые скулы. Такое лицо казалось мне достойным, чтобы быть запечатленным в камне. Я находила в нем схожесть с античными статуями, которые рассматривала в музеях, с ликами безымянных ангелов, что изображали церковные фрески. Лицо этого человека казалось таким же спокойным, а глаза прозрачными и рассудительными. Его светлые, в тон волосам, брови, были лишь слегка нахмурены, выражая обеспокоенность и участие. Однако я знала, что участие от него не добьёшься. Я прекрасно уловила приказной тон, в котором ко мне обращались, и теперь понимала, что последующее поведение — попытка успокоить меня. Этот человек изменчив как ветер, нельзя ему доверять.

— Опустит кинжал, — вкрадчиво проговорил незнакомец, оставаясь довольно расслабленным, — он отравлен, ты можешь покалечиться и умереть.

— Или быстрее прикончить тебя! — Парировала я. — Не подходи, я сказал!

Это ведь он убил того бандита и распугал остальных. Рядом больше никого не было, и вывод напрашивался сам собой. Он знал о свойствах кинжала, потому что тот был его собственностью. И я не посмела сомневаться в правдивости слов, потому что сама наблюдала убийство со стороны. Преступник скончался на месте, не издав ни единого звука, и использование неизвестного яда могло это объяснить.

Я начала отступать вбок, пытаясь увеличить расстояние между нами. Судя по всему, под ногами находилась лужа крови, но я постаралась туда не смотреть, вместо этого разглядывая мужчину. На нем красовалась черная форма, в которую были облачены сопровождающие принцессы, и я поняла, что он был среди них. Точно, седовласый всадник, которого я в мыслях окрестила Люцифером.

— Ты решил, что сможешь убежать от меня? — С усмешкой вымолвил он, наблюдая за моими передвижениями.

Нет, не решила. Убить его даже не рассчитывала. Вряд ли воин, разобравшийся с шайкой преступников способен умереть от рук такой безнадёжной дуры как я. Однако я посмела надеяться, что он сам позволит мне скрыться, ведь зачем ему нужен такой оборванец?

Надежды рухнули. Я даже не уловила его движений, а кинжал уже был выбит у меня из рук и отброшен вдаль, а перед глазами потемнело. Воин решил не нянчиться со мной, а просто вырубить, что было куда проще...

Очнувшись от того, что захлёбывалась водой, словно вновь очутилась в той холодной горной реке. Распахнула глаза и увидела перед собой потолок. Обычный потолок, если не считать того, насколько он был красив. Расписанный гениальным умельцем, он изображал мириады звёзд, соединенных между собой в незнакомые созвездия... Они мерцали и переливались как настоящие, будто в центре каждой горел маленький огонек.

Под рукой чувствовался гладкий каменный пол, но сдвинув её в сторону, я нащупала пальцами мягкий ворсистый ковёр. По лицу всё же от чего-то катилась вода, что привело меня в жуткое недоумение. Голова раскалывалась на части и никак не желала осмысливать происходящее.

Я хотела спросить у кого-нибудь, что происходит, но язык перекатился во рту и выдал несвязное мычание.

— Извини, я перестарался. — Задумчиво выдал мужской голос рядом со мной, и в нем не слышалось и капли сожаления.

Я застонала и с трудом повернула голову на звук. Лежала я прямо под громадной арочной дверью с выходом на балкон. Полупрозрачные занавески, потревоженные потоками воздуха, струились над ними подобно хрустальному ручью, и омывали фигуру мужчины стоявшего неподалёку. Беловолосый воин, всё ещё довольно помятый, держал в одной руке букет увядающих цветов, а во второй вазу, содержимое которой только что вылил мне на макушку.

— Ты притащил меня на свидание? — Справившись с языком, прокаркала я. — В этой жизни мне ещё никто не дарил цветов.

И только выдавив из себя эту глупую колкость, поняла, что свершила акт фантастического идиотизма. Пришлось напомнить себе: «Ты не дома дорогая, так изволь держать свой язык при зубах». Я сейчас во власти этого человека, он уже успел мне её продемонстрировать, и что мешает ему сделать это повторно? Удар по голове повлиял на мой рассудок, но сейчас нужно собраться.

— Простите.

Стоило воину шелохнуться, я сжалась, приготовившись к самому худшему, но он просто прошел мимо, установив вазу на каменную подставку. На лице его не отразилось ни одной эмоции, словно не лицо это было, а гипсовая маска, скрывающая под собой человечность.

— Остришь... — Без всякой злости проговорил он, обернувшись ко мне. — Это хорошо, значит ещё живой. К твоему счастью, у меня нет времени, чтобы упражняться с тобой в словесных баталиях, и разбудил я тебя лишь для того, чтобы проинструктировать.

Мягкой походкой мой Люцифер отдалился. Его длинные белые волосы были растрёпаны, на светлой коже виднелись капли крови.

— Слушаю, господин. — Выдавила из себя, больше не рискуя сказать ничего лишнего, но эта фраза подействовала на него больше, чем моя нелепая шутка.

— Карающий, — прошипел он сквозь зубы, — можешь называть меня так. Как только получится встать, или ползти, постарайся не измазать грязью мой ковёр, иначе сам будешь его отмывать. Мы поговорим, как только я вернусь, а ты приведёшь себя в порядок. Всё необходимое найдешь в комнате.

Я хотела сказать ему что-то вроде слов благодарности, но в противоположной стороне уже хлопнула дверь, извещая о том, что Карающий лишил меня этой чести.

Через какое-то время я и правда нашла в себе силы встать. Делать этого совершенно не хотелось, напротив, желание остаться на полу и умереть росло в уме как квадратное уравнение. Мой спаситель, или похититель — с какой стороны посмотреть, точно знал, что без труда сделать это у меня не получится. Пожалуй, его врожденная диагностика в данном случае не при чем, и угадать моё плачевное состояние можно было, бросив один единственный взгляд.

С трудом волоча ноги, осмотрела место, в которое меня занесло. «Батюшки, да это настоящий дворец!» — с отвращением подумала я, впечатлившись интерьером. Настоящая восточная сказка с обилием красок, золота и круглым потолком, изображающим небо.

Сейчас я смогла понять, что на нем были не только звёзды. От тяжелых дверей, за которыми скрылся Карающий и до противоположной стены, где я очнулась, картина брала плавный переход. От изображения пламенного заката она неспешно перетекала, меняя цвет, и уходя совсем в черный — ночной.

На полу расстелился пушистый ковёр, с витиеватыми узорами, которые мне запрещено было пачкать. Кругом располагались мягкие пуфики разных оттенков багрянца и золота, а у

дальней стены умастилась широкая кровать под балдахином. Неподалёку стоял самый обычный стол, заваленный бумагами.

Страшно сделать шаг, чтобы не нарушить этот феншуй. Плевать, чувствуя полную безнадежность, поплелась к двери и подёргала за резную ручку. Не поддалась — чего и следовало ожидать. Потом вернулась к балкону, который был открыт и обомлела. Черт побери, я и правда во дворце! На это раз будет сказано без иронии и сарказма. Очутившись на широкой площадке, окружённой резными перилами, я вблизи увидела его башни, находившиеся по соседству. Спящий город простирался вдаль, а за ним бескрайнее море песка. Я в западне. Вселяло надежду лишь то, что сижу здесь, а не внизу, где-нибудь в казематах.

Что он планирует делать со мной? Все предположения сейчас казались такими наигранными и жестокими. Одно другого страшнее.

Вернулась обратно в комнату, чувствуя, что вот-вот свалюсь замертво. Отмою я ему этот чертов ковёр, если пожелает... Не могу больше. С подобными мыслями, я сграбастала с кровати одну из подушек, решив, что от подобного самоуправства Карающий не обеднеет и устроилась вместе с ней на полу, рядом с его ложем.

Стук раздался в голове, словно набат колокола; я тут же разлепила глаза и подскочила. Сон, в котором за мной гнались чудовища, оборвался подобно шелковой нити в руках неумелой швеи и растаял в ярком утреннем свете. Солнце заливало комнату, окрашивая её в тёплые тона, и даря обманчивое ощущение, что все ужасы ночи мне привиделись. Только тело ломило от усталости, а в горле пересохло и першило, напоминая о пережитых злоключениях.

Я не сразу поняла, что послужило причиной к моему пробуждению, ведь в комнате, как и прежде, никого не было, но затем звук повторился, давая понять, что он доносится снаружи. Кто-то усердно барабанил в деревянную дверь, в попытках увидеть пред собой хозяина апартаментов. Бесполезно. Я и сама желала бы поскорее встретиться с Карающим, который мог разъяснить причины моего пребывания здесь, но ночь прошла, а он так и не явился.

Я не знала, стоит ли бить тревогу, и отвечать на стук незваного гостя с просьбой выпустить меня из заточения, но здравый смысл подсказывал, что к хорошему исходу данная идея не приведёт. Лучше немного повременить с паникой. Сомневаюсь, что воин про меня забыл, а значит стоит его подождать.

Желудок сводило от голода, но я искренне порадовалась, что накануне не успела ничего съесть или выпить, потому что голод терпеть определённо проще, чем другие естественные потребности.

Гость всё не унимался, и я тихонько сняла обувь, чтобы подобраться на цыпочках к двери и послушать, что за ней происходит.

— Откройте, прошу...

Мелодичности, с которой прозвучал женский голос, могла бы позавидовать любая начинающая певица. Я замерла, приложив ухо к деревянной поверхности, и подивилась тому, насколько робкой выглядела просьба. Настойчивость, с которой девушка барабанила в дверь, никак не сходилась с мягкой интонацией, которой она говорила. Странно, что гостя вообще посмела заявиться к мужчине так просто, ибо я уже успела привыкнуть, что подобное поведение здесь не принято. Жизнь в борделе, несомненно, отличалась от обыденной, но даже там прослеживались определённые рамки. Если мужчина хотел видеть женщину, он либо звал её, либо приходил сам. О самостоятельности со стороны слабого пола и речи быть не могло... Так что же здесь потеряла эта девушка? Не мог же Карающий её пригласить, зная, что я здесь. Или мог? Нет, мысли о служанке, которая пришла проверить меня, тут же были отменены. Иначе, она бы знала, что дверь заперта снаружи, а значит, звала именно Карающего. Что за кличка, у него, черт побери! Или звание? Мне было неудобно называть этого мужчину так про себя. Карающий — палач? Это имя вызывало сплошь зловещие и негативные ассоциации. Что может сделать со мной человек, попросивший называть его Карающим? Продать в рабство? Но зачем тогда запирают проходимца в дорогих покоях, вместо того, чтобы сразу сдать на руки кому-то другому? Подобное обращение вселяло надежду, что планы у Карающего куда менее примитивны. Другое дело, понравятся ли они мне. Некоторые догадки уже сидели в голове, приводя в ужас, но, не смотря на это, они были лучше участи оказаться заколотой в подворотне, одним из немых уродов, напавших на меня минувшей ночью.

— Кайрин...

Любовница. За дверью стояла очень наглая любовница, которой дарована честь называть моего похитителя по имени. Девушка звала его чуть не плача, зарождая во мне ноющее чувство жалости к ней. Неужели она влюблена в этот холодный каменный монумент и теперь беспокоится о том, в порядке ли он?

Захотелось успокоить обладательницу чарующего голоса, но я не знала как. Ответить, что совсем недавно её объект воздыхания был жив и здоров? Смешно, учитывая то, что скажет это девушка, запертая в его покоях. Карающий, меня за это по головке не погладит, а значит, пусть сам разбирается со своей зазнобой. Поскорее бы она ушла, дав мне разобраться в мыслях.

Я прислонилась к двери спиной и с облегчением выдохнула, когда за ней послышались мягкие шаги. Как оказалось, расслабилась я рано. Девушка не уходила, зато приблизился Карающий, который про меня не забыл.

— Что вы здесь делаете? — Его спокойный голос заставил вновь прислушаться к разговору.

— Я... — гостья растерялась, — хотела спросить, что произошло...

— И решили прийти прямо к покоям постороннего мужчины? Конечно, это ведь не нарушает ни единой нормы приличия.

Ирония в исполнении Карающего звучало едва различимо, но то, что он издевается — было очевидно.

— Позвольте заметить, я в сопровождении охраны, которую вы мне выделили и...

— Я позволил заметить и понял, что в такой случае, вы глупы вдвойне. — Вновь на полуслове оборвал её мужчина. — А теперь раз и навсегда объясню прописную истину, ваше высочество. Вам дарована некоторая свобода передвижения, пока вы на правах гостьи. Можете использовать её на посещение садов и ознакомление с дворцом, но не смейте являться ко мне без приглашения и что-то требовать. Более вы не решаете даже той малости, которую могли решать у себя дома. Я не в вашем подчинении и не буду отчитываться. Хотите знать новости? Спросите у императора, возможно, он не откажет.

— Вы обманули меня. — Севшим голосом прошептала девушка.

— Отправляйтесь к себе, принцесса, у меня была тяжелая ночь.

«Ваше высочество», «Принцесса» Не любовница, а та самая чужестранка, которую сопровождал Карающий. Беседа принимала странный оборот, и моя теория о несчастной возлюбленной начала утихать, хотя не исчезла полностью. Что должно было произойти с этой парочкой в дороге, чтобы они начали вести подобные разговоры?

— Вы знали, — прошептала она с сокрушительным разочарованием, — вы знали, что нападение произойдет, и поэтому разделили отряд на две части. Вы не хотели ничего предотвращать, иначе провели бы всех вместе со мной! Вы использовали моих людей как приманку.

В мозгу что-то щелкнуло. Пазл с разгадкой произошедшего всё ещё не складывался до конца, но уже начал превращаться в осмысленную картинку. В городе явно назревала смута, и власть о ней знала. Принцесса, кому-то мешала, и её приезд в город смотрелся для злоумышленников как красная тряпка перед носом разъярённого быка. То, что я видела на крыше — было постановкой, представлением, предназначенным для определённого круга лиц. В повозках не было принцессы, она отправилась во дворец другим путём... Тогда чей силуэт я видела мельком?

В замочной скважине провернулся ключ, но дверь открывать не спешили.

— Вот как. Значит, вы всё же знаете, что случилось, но не смотря на это решили устроить мне допрос? Прекратите делать из меня чудовище, ваше высочество, это было всего лишь предположение, а не замысел, и я надеялся, что оно не оправдается.

— Вы, врётё!

— Как вам будет угодно, принцесса.

Дверь, распахнулась, пропуская в покои мужчину, и тут же захлопнулась, не давая разглядеть коридор. Я едва успела отскочить в сторону, пристыженная собственным поведением. Любопытная Варвара за такие выходки лишилась носа, как бы и мне не удостоиться подобной участи. Карающий мазнул по моей фигуре брезгливым взглядом, но промолчал, дождавшись пока незваная посетительница уйдет. Ещё минуту мы оба простояли столбами, прислушиваясь к происходящему снаружи. Обняв себя руками, я сверлила мужчину тяжелым взглядом в ожидании предстоящей расправы. Оправдываться не собиралась. Не мог же он думать, что я закрою уши руками подобно маленькому ребёнку и буду бубнить себе под нос детские песенки, в тот момент, когда решается моя судьба?

— Я же просил привести себя в порядок... — сделал вид, что ничего связанного с важными разговорами и государственными тайнами не произошло, устало проговорил Кайрин.

Что? Я в растерянности взглянула на свои грязные ноги, и перепачканные кровью рукава. Сам Карающий выглядел совсем иначе, нежели ночью. Черную военную форму сменила свежая рубашка, светлые шаровары и лёгкие тапочки с заостренными носами. Очень сдержанно и лаконично. Мне стало неловко находиться с ним поблизости — таким светлым и сияющим. Словно кучку мусора привезли в музей и поставили рядом с безупречным экспонатом. Но я тут же опомнилась, обозлившись и на себя и на него. Привести себя в порядок? Каким образом мне следовало это проверить, находясь в полнейшей изоляции? Обтереться его накрахмаленными простынями что ли?

Мужчина тем временем прошел к противоположной стене, отодвинул занавес, который казался мне ранее лишь предметом декора и толкнул дверь находящуюся прямо за ним. Стыд вернулся, а следом за ним в моё покрасневшее лицо полетела одежда, сдёрнутая Карающим с одного из пуфиков.

— Быстро.

Одно слово и я опрометью бросилась в купальню, вход в которую ночью просто не заметила, а потом не успела провести её поиск. Идиотка! У меня было столько времени, чтобы нормально искупаться, но я бездарно его растратила, поддавшись усталости.

Восторга, который я испытала, очутившись в этой комнате, невозможно было передать словами. Ванная была почти привычной, адаптированной для одного человека, и несравнимой с тем, в чем мне приходилось мыться до этого в борделе. Тут был отдельный туалет, черт побери! Гладкая плитка под ногами казалась тёплой, на стене расположилась раковина, над которой висело настоящее зеркало, обрамлённое причудливой кованной рамкой. На небольшом каменном возвышении находился резервуар с водой, в который хотелось забраться и не вылезать оттуда целую вечность. Не знаю, как у них работает водоснабжение, но если это не магия, то дар господень! В оцепенении я сняла с крючка на стене чистое полотенце, прижала его к груди и опомнилась, обернувшись назад. Дверь за мной была закрыта, но я решительно защёлкнула её на щеколду.

На мгновение мне показалось, будто я вновь очутилась на земле, но за пределами

дворца был всё тот же мир — бедный и пугающий. Придется торопиться и выходить обратно, иначе Карающий решит, что я здесь утонула и выломает дверь.

Шустро искупалась, используя средство, напоминающее жидкое мыло, находящееся на полках в одной из керамических баночек, вытерлась насухо мягким полотенцем, перетянула заново грудь и с опаской взглянула в зеркало. Уже чистое, но лохматое и исхудавшее нечто, смотрело на меня из отражения ввалившимися черными глазами.

Скривив губы, рассмотрела свои новые приобретения — синяки и царапины. На бедре, которым я проехала по поверхности крыши, практически не осталось живого места. Ссадины, которыми гордятся непоседливые мальчишки, чьи коленки вечно вымазаны зелёной, покрывали локти и предплечья, будто я крыжовник собирала. Не глубоко. Можно сказать, что я родилась в рубашке.

Предварительно перепрятав все свои сбережения и мелочи под новую одежду, прибрала устроенный в казённых апартаментах беспорядок. Вода в ванной, которую проще было бы назвать бассейном, потемнела, и я спустила её, откупорив затычку в днище. Резервуар тут же начал наполняться чистой водой, через отверстие сверху. Теплая, такая же была когда я только пришла. Неужели сам камень сохраняет температуру или здесь предусмотрен подогрев? Присев на краешек купальни, я начала размышлять о ерунде, хотя время, которое я сама себе установила на нужные процедуры, истекло. Выходить не хотелось, но не стоило рисковать, испытывая на себе терпение хозяина. Пришлось нацепить на лицо бесстрастное выражение и выйти вон из убежища.

Карающий сидел на софе, небрежно откинувшись на спинку и листал книгу, название которой, как и содержимое, мне не суждено было прочесть. Оставив без комментариев мой гордо вздернутый подбородок, мужчина кивнул, удостоив меня одним лишь взглядом.

— Это тебе.

Рядом с ним расположился низкий деревянный столик на коротких резных ножках, уставленный едой. Должно быть его принесли, пока я отсутствовала... Несмело подошла, и устроилась на полу, подогнув под себя ноги, но приниматься за еду не спешила. В руках я всё ещё держала старую одежду, не зная где её можно оставить.

— Брось здесь, — будто угадав мои мысли, сказал Карающий. — Ты и так уже достаточно наследил. Потом уберут.

— Вчера вы сказали, что мне придется делать это самому... — мягко напомнила я его маленькую угрозу.

Стеклянные глаза мужчины прошили меня насквозь, и я порадовалась, что не начала есть, иначе бы подавилась.

— Если реально хочешь этим заняться, так и быть, но я не думаю, что ты хорошо справишься.

Это почему? Убиралась же я дома как-то, значит, руки из нужного места растут, да и не принцесса я, чтобы брезговать. Хотя, если учитывать, что дома у меня была куча моющих средств, может и не справлюсь... Чистить дорогой ковёр — это вам не миски на кухне скоблить.

— Будешь есть или нет?

Я втянула носом божественный аромат и покосилась на столик, от которого старательно отводила взгляд. Лёгкий суп, затем блюдо из дичи, поданное с овощами и зеленью, рядом чашка чая — восхитительно-горячего, и пузатый заварник, громоздящийся поблизости с ней. Всё сервировано серебряными столовыми приборами и салфеткой,

скрученной в бутон. Очаровательно выглядит, почти также очаровательно, как и сыр в центре мышеловки.

Карающий отложил книгу и акцентировал всё внимание на мене. Его спокойное и обходительное поведение наводило на мысль о подлянке. Неужели тот самый человек, который вчера бессовестно меня вырубил, притащил сюда в бессознательном состоянии и ушел, облив напоследок водой, теперь сидит напротив и любезно предлагает откусать яств? Что-то здесь не чисто. Похоже на поведении змея-искусителя, предложившего Еве съесть яблоко с древа познания.

Но не яд же там в конце концов? Не рационально убивать в первый же день того, на чье спасение потратил столько сил. Да и какое извращённое кощунство — портить отравой этот шедевр кулинарного искусства! Приди мне в голову отравить проходимца, я подсунула бы ему беляш с казанского вокзала или что-то подобное, но не сервировала бы стол.

Другого варианта, как можно использовать пищу в злом умысле, мне в голову не пришло, так что я осторожно взяла ложку и принялась за суп. Хрустящая золотистая корочка на мясе, конечно, манила больше, но я решила растянуть удовольствие и не набрасываться на всё и сразу подобно дикарю.

— Я не заметил на тебе сильных ранений, поэтому решил не вызывать лекаря, — Карающий бросил на мои изодранные руки многозначительный взгляд, — но если тебе нужно, могу сделать это сейчас.

— Не нужно, — буркнула я, с трудом сдержав возмущённый вопль, — это всего лишь царапины.

Перспектива показаться лекарю, перед которым наверняка придется раздеться, пугала до трясучки. Но завопить: «НЕТ!» на весь дворец, означало бы, что с моим состоянием определён что-то не так, а значит, придётся сделать вид, что оно ничуть меня не беспокоит. То, что Карающий, всё ещё обращался ко мне как к мальчику, означало, что сам он не успел провести детальный осмотр моего тела. Да и кто знает, как бы изменилось его отношение, узнай тот, что видит перед собой девушку? Непочтительное обращение с принцессой — доказательство того, что он один из проклятых женоненавистников, которых расплодил на своей земле этот безумный мир.

Перешел бы уже к делу, он же явился не для того, чтобы справиться о моем здоровье.

— Это к лучшему. Хороший целитель на вес золота, мне не хочется убивать его после несвоевременной встречи с тобой.

Я всё-таки подавилась и вскинула на Карающего ошарашенные глаза. Он же пошутил? По его бесстрастному лицу сложно было различать эмоции.

— Зачем? — прозвучало сдавленно и глухо.

— Ты всё ещё не умеешь контролировать свои способности. Опытный лекарь сразу бы распознал видящего, а это мне пока не выгодно.

Еда внезапно потеряла сою привлекательность; запах трав от ароматного чая больше не прельщал, а во рту словно поселился привкус тлена и горечи. Странно. Ничего поразительно сказано не было, просто догадка, которая и так плавала где-то на глубине сознания, вышла на поверхность. Карающий распознал во мне дар и желал его использовать, а я всё ещё малодушно отодвигала мысль о том, что мне придется выворачивать себя наизнанку, копаясь в чужом грязном белье. Захотелось отстраниться от мужчины, спрятаться в раковину как трусливая улитка, но я заставила себя посмотреть на него прямо. Конечно, моё спасение должно иметь свою цену.

— Как вы узнали? — сложив руки на груди, я задеревенела.

Мужчине явно не понравился мой холодный тон, но неужели он ожидал, что я как послушная машина с радостью соглашусь на эксплуатацию? Он нахмурил брови и подложил руку под подбородок, продолжая следить за моим поведением, будто находился на представлении, а не решал чью-то судьбу.

— Хватило одного взгляда, чтобы это понять. Я преследовал заговорщиков, но нашел нечто лучшее, чем обычных заложников. Ты — настоящий подарок, и мне пришлось постараться, чтобы его не повредили.

Тело начала бить дрожь, от глаз карающего разлило холодом, пробирающим до костей. Как получилось, что в этом жарком, плавящимся от зноя городе, есть такой человек — морозный как январское утро. Подарок... Вот значит как? Я до скрипа сжала челюсти и подскочила. Он так намекает на то, что я должна быть ему благодарна? Сравнивая меня с вещью — бездушной, хоть и наделённой полезными свойствами, собственностью. Рабское клеймо, которое я уже видела на несчастных пленниках борделя, обожгло память подобно раскалённому железу, и я ухватилась за запястья, будто мужчина уже стремился нанести на мою кожу знаки.

— На цепь меня хотите посадить? Ни за что.

Карающий тоже плавно со своего места, и я тут же растеряла свой пыл, держась только на упрямстве. Легкой походкой, мужчина обошел меня по кругу, заставив напрячься. Да если он пожелает, как я смогу ему помешать? Главное не взвыть от безысходности. Поступь у него звериная — мягкая, как у снежного барса, среагировать не успею — умру, если хищник того пожелает. Он за моей спиной, но я не оборачиваюсь, стараясь не показать слабость. Не упасть в грязь лицом — все, что мне осталось. Либо так, либо встать на колени и вымаливать у него милость, чего делать я совершенно не собиралась.

— Хорошо, — вдруг раздалось над ухом, — ведь мне не нужен раб. Мне нужен шпион, и пожалуй, из тебя можно вылепить что-то приличное.

Я растерялась, всё ещё сжимая вспотевшие ладони, а Карающий уже отошел и сел на своё место. Кивнув на столик, с остывающей едой.

— А теперь вернись и ешь, нам предстоит тяжелый разговор.

Пришлось подчиниться. Подавив беспокойство, я отрезала от мяса маленький кусочек, всё ещё сомневаясь, что он полезет мне в глотку. Совершенно напрасно беспокоилась, потому что голод вскоре победил душевные переживания, и я потянулась за добавкой. Мясо таяло во рту, заставив блаженно прикрыть глаза, наслаждаясь вкусом, подобного которому, казалось, не ощущала целую вечность. Карающий издал ироничный смешок, наблюдая за этим со стороны, чем мгновенно ввёл меня в состояние смущения.

— Если не рабство, то, что меня ждёт? — Выдохнула я, попытавшись выглядеть более расслабленной.

— Как много ты успел услышать из разговора с принцессой? — Карающий уклонился от ответа, задав встречный вопрос.

— Всё. — Не стала лукавить я.

— Значит, успел понять, что на неё было совершено покушение.

Я хмыкнула, не нужно быть гением, чтобы сложить два и два.

— Имел честь видеть его самолично и попал под раздачу, когда уносил оттуда ноги. Однако, это всё ещё не отвечает на вопрос: «Причем тут я?» Я не имею никакого отношения к этим людям и в стан врага проникнуть не смогу, чтобы добыть для вас нужную

информацию.

— Не сомневаюсь, но этого и не потребуется. Глупо отдавать от себя столь ценный экземпляр, когда ситуация в стране накаляется. Ты станешь моим учеником, и будешь проверять людей, на которых я тебе укажу, по крайней мере до того времени, пока заговорщики не встанут на суд перед императором.

— Проверять — значит залезть к ним в головы? — я сглотнула, прикинув открывшиеся перспективы.

— Да, и делать это незаметно, а не как ты привык...

Карающий вздохнул и потёр длинными пальцами виски: жестом выдавая собственную усталость. Несмотря на ухоженный вид: он явно не успел выспаться этой ночью, и сомневаюсь, что до этого у него было много времени на отдых. Скорее всего, оставив меня здесь, он вернулся обратно, чтобы попытаться выследить нападавших, и прибыл во дворец только под утро, судя по удрученному виду — с пустыми руками. Вот только где успел переодеться, если не у себя в покоях? Я одернула себя за неуместное любопытство и вернулась к насущному вопросу.

— Я не привыкал, это получается само собой.

— Любой дар подчиняется владельцу, а не наоборот, стоит только научиться им управлять. Судя по всему, способности видящего проснулись в тебе недавно, а значит обуздать их будет проще. Сколько тебе лет? Четырнадцать?

Я чуть не ляпнула, что девятнадцать, некстати вспомнив про день рождения, который планировала отмечать с Димкой, но потом всё так внезапно произошло, что про него я благополучно забыла.

— Пятнадцать.

— Поздно, но такое случается. Тебе повезло. Чем быстрее начнешь обучение, тем лучше для тебя.

— Почему? — я слушала внимательно, пытаюсь не упускать деталей.

Мужчина склонил голову, серьёзно всматриваясь в моё лицо. Блики солнца, струящиеся из приоткрытого балкона, перламутром отливали на снежных волосах, придавая облику их обладателя необычайную одухотворённость. Обманчивое впечатление спокойствия на его лице, могло одурачить кого угодно, если заранее не знать, каким резким, вспыльчивым и злым в иные минуты мог быть этот человек.

— Дар видящих немного отличается от прочих, — спустя некоторую паузу начал Карающий,

— без должного обучения его обладатель может сойти с ума. Видения начнут затягивать, если не научиться их контролировать. Некоторые под их гнетом скоро перестают отличать чужие воспоминания от действительности. Наш прошлый видящий тоже был слегка не в себе...

У меня отнялся язык... Значит, что предположения о грядущем сумасшествии били прямо в точку? И когда я получила этому подтверждение, от догадки стало ещё больше. Лучшего рычага давления на меня и найти было сложно, по крайней мере, сейчас. Без его помощи я свихнусь.

— Клеймо рабства, — между тем продолжал Кайрин, — может только усугубить положение. Ментальная магия плохо переносит неволю.

— А вас не беспокоит, что находясь в относительной свободе, я захочу отсюда бежать?

— А тебе есть куда? — вскинул брови Карающий, заставив меня отрицательно помотать

головой.

Пока никакой дороги домой, перед глазами видно не было. Я отвернулась от мужчины, вперив невидящий взгляд в стену... Выход намечался один: стать нужной этому человеку, а когда выполню что от меня требуется, постараться уговорить его помочь мне. Подумала и сама же поразилась тому, насколько эта мечта ванильна. Неужели он захочет отпустить видящего полезного для империи? Вряд ли.

Может, получится с помощью дара выйти на человека, который умеет строить порталы и переиграть ситуацию в свою пользу? Черт! Враги империи наверняка знали толк в порталах, потому что пользовались ими, чтобы выпускать проклятых Шиа! В какие игры я влезла?

Идея переметнуться на другую сторону, если в этом будет смысл, казалась ещё более опасной, чем первая, однако, я поняла, что пойду даже на предательство ради того, чтобы вернуться. Да и какое предательство, право слово! Какая мне разница, одна власть восседает на троне или другая?

— Всё обдумал? А теперь пойдём, пора познакомить тебя с императором и заключить договор. Остальные интересующие вопросы можешь задать по дороге.

Вздрогнула, услышав голос Карающего, будто тот мог читать мысли. В этом случае ему не понадобились бы способности видящего, но ощущение, что меня поймали на горячем, зудело под кожей, как после комариных укусов. О чем он там говорил? Не сразу смогла осознать смысл сказанного, но когда поняла, чуть не выпала из реальности.

— К императору? Сейчас?!

Чтобы успеть за Карающим, приходилось почти бежать. Шаг у моего спутника был стремительным и размашистым, да и в росте я ему значительно уступала, семена следом как маленькая болонка, всеми силами желающая догнать гончую. Дело усугубляло ещё и то, что я всё время спотыкалась, засматриваясь на внутреннюю архитектуру дворца. Всё же, видеть такую красоту мне раньше если и приходилось, то лишь на музейных экскурсиях.

Соборы, картины, исторические выставки — вся та роскошь прошлого, которую мог предоставить к обозрению мой мир, всегда казалась мне малой частью бывшего величия — его крохотным кусочком, доступным жителям современных мегаполисов.

По замкам моей родины, давно ставшими памятниками культуры, косяками ходили туристы. Щелкая вспышками фотокамер, они восхищённо открывали рты, будто подсматривая из-за кулис за представлением среди роскошных декораций, а когда оно заканчивалось, разбегались по отелям, домам, уютным бетонным коробкам своих квартир, так и не сумев полноценно прикоснуться к истории.

Сейчас мне казалось, что раньше тоже была среди этих блаженных созерцателей, но отстала от группы и заблудилась, ненароком угодив в сказку про Алладина. Все вокруг — каменное кружево изразцов, украшающих потолок, колонны и фрески, золото и медь, принимало меня не как зрителя, а как героя. Увы, уготована мне роль не принцессы, а простого мальчишки, которого судьбы решила то ли помиловать, то ли казнить.

Всё же, я надеялась, что правильным окажется первый вариант. В этом месте мне хотелось быть гостем, но никак не пленником, ибо предчувствие подсказывало, что последние отсюда живыми не выбираются.

У всех дверей, во всех коридорах, что мы проходили, стояли стражи с алебардами, жутковатого вида клинками за поясом и суровым выражением на лицах. При появлении Карающего, физиономии служителей порядка становились ещё суровее, так что я не преминула задать вопрос, который давно пришел мне в голову.

— А кем вы приходитесь, — я замялась, не зная как лучше сформулировать фразу, — во дворце?

Воин посмотрел на меня как на блаженную, но всё же ответил.

— Начальник службы безопасности, если тебе так проще.

Черт, очевидно, что «Карающий» — это не кличка, а звание, о значении которого наверняка знает вся империя. Кроме меня. Выходит, как его ученик, я буду на неплохом счету здесь, хотя радоваться этому не стоило. Статус мой по сути липовый и наверняка временный.

Пожала плечами, изображая дурачка, а спутник, судя по всему, сделал в уме какую-то зарубку.

— А почему здесь почти никого нет? — Я вставила ещё один вопрос, потому что путь, которым мы шли, показался чересчур безлюдным. Никто кроме стражи нам ещё не встретился.

— В этом крыле почти никто не живет. Повелитель любит покой.

Как и Карающий. Я заметила, что больше мы никакого крыла не пересекали, а значит он жил неподалёку от императора. Немного не соответствует его статусу, хотя логично, если учесть его служебные обязанности.

— А его дети?

— Принцы живут в соседней башне, поблизости с гаремом, которым управляют жены повелителя.

— Ясно. — Про гарем слышать мне не очень-то и хотелось. В таких условиях у меня скоро на само это слово выработается аллергия.

— Пришли. — Бросил Карающий, намекая, что на время мне стоит заткнуться.

Стражи отошли в сторону, распахнув дверь в обычное, на первый взгляд, помещение, и Карающий сухо кивнул, пропуская меня перед собой. Судя по всему, этот знак был предосторожностью на тот случай, если я решу сбежать.

Поёжившись, шагнула внутрь комнаты, чтобы удивиться царящему там полумраку.

Покои правителя на первый взгляд показались просторнее, чем у Карающего, но в отличии от тех производили угнетающее впечатление. Простор съедали и задернутые тяжелые шторы на окнах, и нагромождение книжных полок, и даже массивный письменный стол с кипами бумаг, выглядел как несуразный и громоздкий монстр. Воздух, будто в палате у больного, стоял тяжелый и пыльный, давая понять, что здесь давно не проветривали.

Меня одолело неприятное предчувствие. Как обреченный на казнь, я в панике посмотрела на Карающего, играющего роль моего судьи, чтобы наткнуться на его бесчувственный взгляд. Своей спиной он заслонял дверь, отрезая пути к отступлению.

— Что происходит?

— Склонись перед императором Амирханом ан Сайдамиром.

Хорошо, только вот где он? Не успеваю сказать и слова, как тело само прогибается в глубоком поклоне. В одно мгновение его будто подменили на пластмассовый манекен, который я не могла контролировать. Какое-то движение послышалось рядом, но повернуть голову на звук у меня не получилось. От паники перехватило дыхание. Я попыталась сделать вдох, но воздух, будто поступаая через трубку акваланга, пробирался в лёгкие с трудом.

Холодные и сухие пальцы легли на подбородок, вздёргивая его вверх, и я поняла, что вдобавок ко всему, зрение начало меня подводить. Кто-то высокий стоял прямо передо мной, но я не могла рассмотреть его лицо, будто глаза начали застилать слёзы... Или это и правда происходило? По щеке скатилась влажная капля; вкус соли проступил на губах.

Но почему я больше ничего не чувствую? Кто-то же прикасается ко мне, но видений нет, а вместо них в голову будто заполняет тишина — противная и липкая, как дурман. И вот она уже вытеснила все мысли, заменив их на одну единственную: «Чего ты хочешь?»

Чего ты хочешь... Чего ты хочешь? Чего... Этот вопрос начал прокручиваться в голове как запись с заевшей виниловой пластинки.

— Хочу домой... — Я вымолвила это помимо своей воли, но не придавала этому значения.

«Где твой дом? Расскажи». Прошлую мысль вытеснила другая — не менее настойчивая, шелестящая как листья на ветру. Захотелось подчиниться ей, открыть все тайны, и я начала говорить, лишь краем сознания понимая, что не должна этого делать.

— Хватит! — Голос Карающего нарушил состояние транса, из которого мне с трудом удалось выбраться. Кажется, он повторил это не один раз, прежде чем мне удалось прийти в себя и понять, какую глупость сотворила.

Ощущение, что ноги больше не привинчены к полу, заставило пошатнуться и отскочить назад. Бедром я налетела на что-то из мебели, и чуть не прикусила губу от неожиданности.

Перед глазами, теперь высохшими от слёз, стоял Карающий, придерживая за плечи едва

стоявшего на ногах императора. То, что это был именно император, сомнений у меня не возникло. Узловатые пальцы мужчины унизывали массивные перстни, а на седеющей голове красовался обруч с россыпью рубинов, переливавшихся алым, даже в скудном освещении. Весьма необычный для местного колорита головной убор придерживал седеющие длинные волосы, которые сейчас липли к взмокшему от пота лбу мужчины, который уже успели прорезать глубокие морщины. Его впавшие глаза были едва прикрыты, а губы искривлены в болезненной гримасе. Император, если говорить кратко, выглядел величественным и невероятно измождённым.

Сердце невольно замерло и похолодело. Лицо Карающего было перекошено то ли от злости, то ли от беспокойства, и это не предвещало ничего хорошего.

— Сильный мальчик. — Прокаркал император севшим голосом, от чего меня затрясло ещё больше.

Неужели это я довела его до такого состояния? Это ведь он прикасался ко мне, и ему я неосознанно выболтала, что родом из другого мира. Неужели дар сработал как-то иначе? Черт, да я едва имею о нем представление!

— Простите, я не должен был... — Слова извинений застряли в горле. Я не знала, за какие грехи должна просить прощения, но непременно вознамерилась это сделать, в надежде, что акт раскаяния поможет смягчить меру грядущего наказания.

Возможно, стоило упасть на пол и бить челом, но колени не гнулись, да и не приучена я была вымаливать милость у сильных мира сего. Перед глазами уже маячила виселица, гильотина... Или что они тут используют в качестве наказания за причинения вреда императору?

Но вместо того, чтобы отдать приказ «Казнить», мужчина хрипло расхохотался.

— Пожалуй, он нам подходит, Кайрин. Правда не ожидал, что придется просить помощи у Шиа.

— Повелитель, позвольте, я помогу вам присесть?

— Сам! — Огрызнулся император, и, отделавшись от рук Карающего, расправив плечи, шагнул к креслу во главе своего стола.

Я же продолжала мелко трястись, не в силах сбросить с себя оковы ужаса.

Император сразу заметил моё состояние. Он устало махнул рукой на кресло, стоявшее напротив него, но поняв, что я не двинулась с места, изволил разъяснить:

— Можешь присесть, я не кусаюсь. Как тебя зовут?

На негнущихся ногах я прошла к креслу и присела на самый краешек. Покосилась на Карающего, который остался стоять, демонстрируя свою военную выправку. Он вот даже не озаботился тем, чтобы узнать моё имя. Хотя, так ли это важно?

— Меня зовут Бес.

— И только? — император вкинул густую бровь. — А как же род? Разве ты не знаешь своих родителей?

Это он о фамилии и отчестве так завуалировано спросил? Глубоко втянув в себя воздух, приготовилась быть откровенной. Пересилить страх было непросто, но я должна сделать это перед императором, показав, что я хоть на что-то способна. Работа, на которую меня хотят подрядить, наверняка требовала немалой выдержки, и я обязана с ней справиться.

— Просто Бес. У меня на родине давно не придают большого значения происхождению. Я не думаю, что вам о чем-то скажет моё полное имя. И прежде чем начать официальное знакомство, можно объяснить, что сейчас произошло?

Император усмехнулся краешком губ и посмотрел на Карающего.

— Небольшая проверка, дабы убедиться, что ты оказался здесь совершенно случайно.

— Меня хотели прирезать в подворотне, а вы намекаете, что это могло быть подстроено?

— Предосторожность никогда не бывает лишней. В данном случае она не прошла зря.

Нам удалось узнать, что ты из другого мира. Ведь ты не собирался рассказывать добровольно, правда?

Император разговаривал со мной мягким и снисходительным тоном. Развернутого ответа на вопрос он так и не дал. То, что меня решили проверить, можно было догадаться и без лишних разъяснений, но мне хотелось знать как именно. Более логичного объяснения, чем то, что у императора тоже имеется дар, который способен блокировать мой, не находилось.

— Правда, — нехотя призналась я, — но разве у меня не было на то причин? В первый же день я узнал, что на Шиа идет охота.

Мужчина покачал головой.

— Все не настолько ужасно. Полагаю, ты уже встречался с другими Шиа?

Я кивнула, внимательно следя за жестами правителя. То, что ему трудно давался разговор, было видно невооруженным глазом. Он то и дело едва заметно морщился и растирал пальцы, которые будто начинали неметь как у древних стариков. Но император на вид никак не походил на старика, и хотя преклонный возраст уже подкрадывался сединой к его волосам, дело было совсем не в этом. Что с ним? Я уже сомневалась, что причиной его жуткой усталости послужил близкий контакт со мной, но спросить прямо было бы весьма некрасиво.

— Иномиряне не всегда были кровожадными животными, способными только на уничтожение. Раньше приходили похожие на тебя — разумные и даже более того, одарённые. Мои подданные никогда не убили бы такого...

«Не допросив перед этим как следует» — я закончила мысль, которая повисла в воздухе. А что бы случилось, не окажись у меня дара? Рабское клеймо? Не думаю, что они бы прониклись к чужаку теплыми чувствами, и уж тем более — решили помочь мне вернуться домой. Я ведь тоже подумала, что предосторожность никогда не бывает лишней.

— Мне хотелось бы узнать подробнее, что было раньше...

Информации было слишком мало. Хотелось знать больше, ведь только это может поспособствовать возвращению на родную землю.

— Можешь говорить прямо, — император умел читать между строк, — ты хочешь узнать, возвращались ли иномиряне обратно? Да, но боюсь, что пока это невозможно. Процесс довольно сложен, требуется подготовка и мастер порталов.

— Мастер порталов?

— Да, маг способный открывать проходы в другие миры. Однажды, несколько таких запечатали наш, чтобы оградить его от пришельцев.

Конечно... Я уже поняла, что здесь магия не работает как в Гарри Поттере. У мага должен быть дар к определённым вещам. Одному не дано делать то, что умеет другой...

— И у вас его нет? — правильно поняла я.

— Но ты можешь помочь его найти.

— Как? — На моем лице наверняка отразилась вся гамма недоумения.

— Мы плавно переходим к вопросу о том, зачем ты здесь. Кайрин предупредил тебя,

что в империи есть некоторые проблемы. Зреет заговор, и его организаторы используют Шию, чтобы посеять страх среди народа, а значит, у них есть мастер порталов, который способен создавать брешь в поставленной защите, чтобы перетаскивать их из других миров. Когда мы найдем заговорщиков, то сможем добраться и до него. Ты нам в этом поможешь.

Я сглотнула.

— Но как это поможет мне? Неужели тот, кто работает на ваших врагов, согласится вернуть меня обратно?

— Я умею убеждать, разве ты не успел это понять?

— Так это ваш дар? Вы заставили меня сказать правду...

Я вовремя умолкла, не став говорить, что это использованные на мне способности вряд ли можно назвать «убеждением». Скорее здесь уместно слово «подчинение» и не только умственное, но и телесное.

— У меня их несколько, — поправил правитель, — как и у моих сыновей. Это одна из особенностей императорской семьи.

Надеюсь, остальным принцам перешло по наследству что-то другое — чуть не буркнула я. Полагаю, с такой способностью, они и сами бы смогли найти заговорщиков, не прибегая к моей помощи. Однако в таком случае было бы много шумихи, а императору нужно провернуть все незаметно.

Но волновало и другое. Захочет ли правитель сам помогать мне, когда все будет кончено? И хватит ли у него на это сил, ведь я видела, что он явно болен. Ответы на эти вопросы сможет дать только время и моя внимательность.

— Как это работает? — поморщилась, вспоминая ощущения от чужого вторжения в свои мысли.

— С тобой довольно сложно, Бес. Дар которым ты обладаешь, схож с моим, потому твое сопротивление было достаточно высоким. Работать с другими магами проще, а с теми, кто вообще не обладает способностями, обычно не возникает проблем. Полагаю, что мастер порталов ещё очень неопытен, поэтому убедить его в чем-то не составит труда.

— Почему вы так думаете?

— Он допускает слишком много ошибок и ты, скорее всего, был одной из них.

— Не понимаю, — уловить ход мыслей императора мне всё ещё было достаточно сложно, — какая здесь связь?

— Под моим воздействием, ты успел сказать, что не знаешь ничего о заговорщиках. Думаю, мастер просто ошибся в построении портала и затянул в наш мир не того, кого хотел.

Черт, я совершенно этого не помню! Осознание, что в какой-то момент я полностью потеряла контроль над своими мыслями, давило на плечи как бетонная плита. Хорошо, что хоть не начала в бессознательности говорить о себе в женском роде, а значит, пока всё сказывалось не так уж и ужасно. По крайней мере, я успела заручиться у императора хлипким доверием и он теперь не видит во мне лишней угрозы для государства.

— Что я должен делать?

Император довольно кивнул, видя, что я не собираюсь идти на попятную, и открыл один из ящиков стола. Зашуршали бумаги, и я в нетерпении чуть не подалась вперед, стремясь скорее разглядеть то, что он собирается достать.

— Для начала ты заключишь договор.

Припоминаю, Карающий тоже говорил что-то подобное... Настороженность подкралась

к сердцу, запустив в него свои острые коготки.

— Но, я не знаю вашей письменности. — Мягко намекнула я. Не хотелось бы подписывать какие-то документы, предварительно не ознакомившись с их содержанием.

— Этого не понадобится, — усмехнулся император. В его руках мелькнул тонкий стилет.

Я подскочила с кресла и вытянулась как гитарная струна. Это ещё что за шутки? Карающий молниеносно оказался рядом, схватив меня за руки, и я не почувствовала ничего кроме прохладных пальцев, сомкнувшихся на запястьях, подобно железным кандалам.

— Почему...

— Потому что Карающий не восприимчив к воздействию чужой магии, а значит, единственный человек, с которым я, без лишнего риска, могу тебя связать.

— Связать? — Обратилась я к императору, и зашипела прямо в лицо Карающего, чьё бесстрастное кукольное повиновение, изрядно меня раздражало. — Да отпустите же вы меня, мне некуда бежать, просто хочу узнать подробнее все условия.

Тот не ослабил хватку и на миллиметр, показывая, что подчиняется только повелителю. Казалось, он мог подстраиваться даже под настроение императора, улавливая его мимолётные желания.

— Тебе не стоит беспокоиться. Я проведу ритуал смешения вашей крови, который послужит гарантией от некоторых недоразумений.

— Каких это?

Со слов императора звучало так, будто мне предстоит подписать договор с самим дьяволом. Сам повелитель встал, теперь уже без чужой помощи. Я вздернула подбородок и застыла. Деваться было некуда. Один мужчина не давал мне шелохнуться, а другой приближался с ножом в руке.

Свободное одеяние императора скрадывало шаги, и его фигура надвигалась на меня как дыхание самой смерти.

— Не смотря на то, что мы тебя проверили, риск предательства велик. — Правитель покачал головой. — Я не могу быть до конца уверен, что ты не захочешь повернуть обратно на середине пути, а значит, придется предупредить данную возможность. Договор крови поможет Карающему лучше контролировать тебя. Ты не сможешь солгать ему, мальчик. Не сможешь сбежать, потому что длительная разлука с Кайрином будет причинять тебе боль.

Я дернулась в чужих руках.

— Не согласен, — голос сел, став похожим на шелест листьев, — чем ваш договор отличается от рабского клейма?

— Возможно тем, — голос Карающего, прозвучавший прямо над поим ухом, заставил содрогнуться всем телом, — что дискомфорт от этого будешь испытывать не только ты.

В этой фразе прозвучало столько ядовитой желчи, что мне показалось, будто воин готов придушить меня на месте, но он не сделал даже лишнего движения, все так же невозмутимо держа меня в своей хватке.

— Объясните?

— Думаешь, мне по нраву ловить твои эмоции? Постоянно следить за неугомонным мальчишкой, который не до конца способен понять важность проблемы?

Допустим, я не мальчишка и способна сообразить, почему они решили задействовать столь кардинальные меры, но смириться с тем, что меня все же решили посадить на поводок, пусть и достаточно длинный, проще не становится. И неужели связь будет прослеживаться

даже на эмоциональном плане? Это мерзко...

— А я? Я буду тебя чувствовать? — Вопрос вырвался сам собой.

— Можешь попробовать, — бросил Карающий, закрыв глаза на неуважительное «ты».

— Хватит! — Император попытался оборвать напряжение, возникшее между нами.

Удивительно, стоило мне только узнать, что я буду зависеть от Кайрина, как я тут же прониклась к нему неприязнью.

— Бес, ты не должен воспринимать договор в штыки. После того как ты поможешь найти заговорщиков, я сниму с вас все обязательства. А сейчас, Карающий поможет тебе освоиться и будет защищать от каждого, кто захочет причинить тебе вред. Поверь, это дорогого стоит.

Какая честь! А кто сможет защитить меня от него? По поведению воина я успела понять одно — церемониться он не любит, а если делает это, то исключительно во имя своего повелителя. Когда нужда заканчивается, Карающий плавно перетекает из состояния абсолютного спокойствия в стадию холодного бешенства. Возможно, я и преувеличиваю самую малость, но готова дать руку на отсечение, что хваленая защита будет проявляться лишь в том случае, если кто-то вознамерится меня убить. А точнее, этот кто-то должен приставить нож к моему горлу и надавить на него, чтобы Карающий отреагировал.

Я задержала дыхание и постаралась успокоиться. «Прейди в норму, Сашка»

— Вам руку подставить или лучше шею? — Осведомилась я, вскинув на императора глаза.

В темных омутах его зрачков плясало напускное веселье. Мужчина относился ко мне как

к ребёнку и старался придать своему виду излишнюю мягкость, чтобы не напугать. Он даже шикнул на Карающего, стоило тому сдавить меня в своих «объятых» сильнее, указывая на неподобающий тон.

— Ладони будет достаточно, — ответил император, — твою тоже Кайрин.

Новоиспеченный надсмотрщик разжал руку и вытянул. Поразительно смотрелся контраст кожи. Его рука — белая как алебастр с тонкими пальцами, по сравнению с моей — костлявой и какой-то несуразной, темной от загара и мелких царапин, почти светилась. Будь я барышней повернутой на красоте, обязательно позавидовала изяществу, с которым был сложен этот человек.

Среди смуглых и черноволосых местных жителей, Кайрин, несомненно, играл роль белой вороны, и этот факт заставил меня задуматься о его происхождении. Легко можно было предположить, что он чужестранец, однако, на занимаемую им должность кого попало не сажают.

— Нужно дать тебе полное имя и род, Бес... — Император отвлек меня от новой загадки, заставив на время выкинуть её из головы.

— Все равно. — Буркнула я и отвернулась.

Странно будет, если во дворце внезапно появится паренёк без роду и племени, с кличкой состоящей всего из трех букв, но желания придумывать что-то новое у меня уже не возникало. Пусть называют как хотят, все равно я не смогу справиться с этим лучше.

— Тогда я нарекаю тебя именем «Бесман»... Бесман джан Эллер. — Торжественно провозгласил правитель.

Я почувствовала, как Карающий рядом вздрогнул, но едва ли смогла понять из-за чего.

Лезвие вычурного кинжала, который император нежно вертел в руке, рассекло мне

ладонь так быстро, что я практически не почувствовала боли. Сталь, наточенная до толщины человеческого волоса, прошлась по коже, оставляя за собой тончайшую алую полосу, на которую я уставилась будто замороженная.

— Согласен ли ты Бесман джан Эллер, принять человека, с которым связываешься кровью, как наставника и часть себя?

Странная формулировка, но я кивнула, наблюдая за тем, как медленно проступает на коже кровь, и шепнула: «Да, согласен»

По спине прошелся озноб, и я вскинула взгляд на Карающего, запоздало заметив недовольство, выраженное в его нахмуренных бровях и искривленной линии губ. Что я сделала не так?! Император рассек и его руку тоже, а потом произнес:

— Принимаешь ли ты Кайрин джан Эллер, человека, с которым связываешься кровью, как ученика и часть себя?

— Принимаю, — отчеканил Кайрин, а потом вцепился в мою ладонь своей.

Чужое прикосновение принесло с собой холод. Запястье тут же онемело и начало покалывать, будто его опустили в прорубь посередине января. Не ожидая подобного эффекта, я сжала челюсти, пытаясь стерпеть неприятные ощущения, но с каждой секундой игнорировать их становилось все сложнее. Захотелось вырвать запястье из чужой хватки, и прижать го к груди, начав по-детски убаюкивать. Подчинившись инстинктам, я попыталась дернуть руку на себя, но ничего не вышло.

Бесполезные старания привели лишь к тому, что рукав свободной рубашки сполз ближе к локтю, и я поражено заметила, что нити вен на внутренней стороне предплечья стали ярче, будто и не кровь по ним текла, а бледная фосфоресцирующая жидкость. Ноги начали подкашиваться, а в глазах помутнело. Расплывчатое лицо Карающего нависло надо мной, выражая исключительно сосредоточенность. Неужели он не чувствует того же самого? «Хватит! Пожалуйста, хватит!» Когда спустя пару минут мне показалось, что по венам бежит жидкий азот, молчать стало совсем невыносимо...

— Довольно. — Отозвались совсем рядом, и я с трудом сумела понять, что это голос императора. — ЗиЪга 1Ъ 5а1а, РасИзсПаг. Да будет так.

Холод отступил вместе с болью, но головокружение осталось. Меня внезапно повело, и я сжала пальцы, чтобы крепче ухватиться за руку Карающего, но нащупала лишь воздух. Воин уже отпустил меня... Непослушное тело, будто налитое свинцом, начало заваливаться назад, и я пискнула, в предчувствии того, что вот-вот упаду. К счастью, моему затылку не пришлось здороваться с полом, ведь Кайрин, будучи мерзавцем всего на половину, решил придержать меня за плечи, придиричиво при этом рассматривая.

— Почему вы не предупредили, что будет так больно? — Прохрипела я, порываясь вырваться, но добилась лишь усиления мигрени.

— Разве знание неизбежного способно облегчить страдания? — Император ответил вопросом на вопрос, я и сконфуженно помотала головой.

— Впредь постарайся не задавать глупых вопросов. Вы можете идти, Кайин, у тебя осталось не так много времени, чтобы поднять мальчика на нужный уровень.

— Да, повелитель.

Я почувствовала, как меня мягко подталкивают к выходу, и зашевелила ногами. Движение давалось с трудом, будто я пробиралась сквозь сугроб, а не шла по ровному полу. Да и в голове, словно вьюга гуляла...

— Кайрин, — внезапно окликнул правитель.

Мой спутник обернулся, пока я пыталась навести порядок в своих мыслях. Что-то в ритуале успело меня насторожить, но после «шоковой терапии», вспомнить причину беспокойства не получалось.

Мужчина спрятал клинок, и устало опустился на своё место.

— Я хотел попросить тебя присматривать за принцессой и быть с ней более вежливым... Ты же понимаешь почему?

Рука на моем плече сжалась сильнее. Карающий кивнул. Странно... Я вот ничего не понимаю. Дверь хлопнула, отрезая нас от покоев повелителя, и удушливое напряжение пошло на спад. Я повертела запястья перед глазами, чтобы проверить их на наличие новых отметин. Ничего. Даже более чем ничего! Рана от ножа исчезла так же, как и парочка свежих синяков!

— Потрясающе... — Прошептала я, а мой спутник фыркнул.

Различные проявления магии давно перестали его удивлять. Стараясь не обращать на воина внимания, я решила представить, как бы он отреагировал на машины и самолёты, к примеру, когда внезапно вспомнила одну вещь...

— «Кайрин Эллер» и «Бесман Эллер»... Карающий, почему император причислил меня к вашему роду?!

Он не ответил.

* * *

Имран Гафур — как всякий человек не лишенный большого достатка, был весьма популярен в обществе. Имя знатного купца, который хоть и не вертелся в числе тех, кто может блеснуть хорошей родословной, было на слуху практически у каждого жителя Дарнаса, и пусть звучало оно в устах людей не всегда уважительно, своего веса от этого не теряло.

Все это было издержками профессии, ведь ещё не один торговец живым товаром не сыскал себе в обществе хорошей славы, не смотря на то, что общество, особенно высшее, регулярно пользовалось их услугами.

Впрочем, Имрану Гафуру не нужен был показной почет. Он не бывал на приемах у императора, не лобызал подолаы его одеяния, в надежде заслужить милость, а напротив — старался не попадаться на глаза правящей семье. Однако правящая семья не редко попадалась на глаза ему.

В этом направлении и думал мужчина, когда одним вечером его приврали за подсчитыванием прибыли, вырученной с последнего удачного предприятия.

Расположившись в кабинете, который давно стал ему домом в куда большей степени, чем купленный особняк с фонтаном и маленьким садом во внутреннем дворе, он изредка промакивал широкий лоб платком, полностью сосредоточившись на деле, пока мальчик-слуга, выполнявший роль посыльного, подавальщика и уборщика разом, не постучал в дверь своего господина.

— Имран-джан, к вам посетитель, — прошелестел паренёк, как только ему было дозволено говорить.

— Кто? — С недовольством откликнулся хозяин кабинета, потому что не ждал посетителей в столь поздний час, и хотел уже ответить, что никого не примет, как моментально передумал, стоило услышать имя внезапного гостя.

— Ступай и скажи, что я сейчас спущусь! — Рыкнул тучный работорговец на посыльного и, подорвавшись с места, снова утер пот платком. Эффект от жары усугубило и разом вспыхнувшее в мужчине волнение, заставившее его тело сиюминутно взмокнуть.

Господин Гафур от досады сморщился. Весь его вид сейчас был не таким презентабельным, как хотелось бы показать. Жесткие черные волосы, не спрятанные под чалмой, липли ко лбу, рубашка измялась, а жилет, который мужчина отказывался менять, хотя знал, что тот давно стал ему тесен, был неприлично расстегнут на пару нижних пуговиц.

Быстро привести себя в порядок у мужчины к его величайшему сожалению, уже не получилось. Стоило слуге скрыться за дверью, как она моментально вновь распахнулась, и гость, решивший не дожидаться хозяина внизу, застал Имрана у зеркала — за подкручиванием непослушных густых усов.

— Лисаяр джан! — Радушно воскликнул застигнутый врасплох мужчина, стараясь не показывать, как стусевался под весёлым взглядом молодого человека, посетившего его место работы. — Зачем же вы поднимались? Не стоило, здесь совсем неудобно принимать гостей.

Надо сказать, что обстановка в кабинете работорговца выглядела более чем достойно. Был тут и широкий стол на резных ножках, на котором расположились, как и ценные бумаги, так и вазочка с разноцветными леденцами, и парочка низких диванов с мягкими подушками, на которых легко могли расположиться человек шесть, и потайной шкафчик с вином. Охочий до хмельных напитков хозяин всегда держал поблизости заначку из парочки бутылок красного. И все же, принц, хоть и не наследный, а именно он решил заявиться к работорговцу поздним вечером, как казалось Имрану, был достоин лучшего приема.

— Пустяки, друг мой, — принц же, мнение хозяина в этом вопросе не разделял, — у нас не так много времени, а задержись я в твоей приемной ещё хоть на десять минут, мне обязательно навязали бы чай и сладости.

Работорговец прокашлялся. Он все ещё никак не мог свыкнуться с манерой общения младшего наследника, хотя времени для этого было уже достаточно. При каждой их встрече опасения, помноженные на интерес, съедали мужчину как стая стервятников, потому что принц иногда обращался к нему с делами, которые иначе как рисковыми не назовёшь.

— Тогда внимательно слушаю вас Лисаяр джан, — приосанился господин Гафур, чем сразу вызвал у принца одобрителный кивок.

Парень хитро прищурился, зачерпнул из вазочки на столе пригоршню леденцов, и особо не задумываясь, отправил их в рот. Работорговец не моргнул и глазом, а Лис, который любил производить на людей неоднозначное впечатление, окончательно уверился, что сделал правильное решение. Было в Гафуре то, что принцу бесконечно нравилась в ему подобных — умение молчать и четко выполнять приказы.

— Мне нужно придержать «тело», друг мой. Не продать, не подарить, а именно придержать. На нем не будет моего клейма, а точнее — вообще никакого клейма не будет. Плачу хорошо, как ты уже привык. Все понятно?

Улыбка мигом слетела с губ принца, и работорговец смог только кивнуть. Что же он, не прокормит ещё одного раба? Прокормит. К тому же, Господин Гафур занимался не просто торговлей живым товаром, а ещё и его первоклассным обучением, что было явлением куда более редким. Мужчина практически пол жизни потратил на развитие своего дела, которое перешло в ему в руки от отца, будучи на тот момент не в самом лучшем состоянии. Может

ли простой человек ответить, сколько сил и денег требовалось на то, чтобы вымуштровать из бедной девчонки искусную соблазнительницу для утех, а из парня — цепного пса, который будет рвать глотки за своего хозяина? Вряд ли. Однако Имран Гафур знал.

Только уж чересчур простой оказалась на этот раз работёнка, что он с опаской, но все же сообщил принцу.

Лис только усмехнулся и махнул рукой, приказывая хозяину кабинета следовать за собой.

— Он уже здесь? — изумился работорговец, но больше эмоций принцу показывать не стал, хотя негодование, что тот за него уже все решил, неприятным осадком ложилось на язык.

— Здесь, и ты должен сделать для меня ещё кое-что, Гафур, — продолжил Лис, и, получив от старого знакомого утвердительный кивок, продолжил, — не волнуйся, все в рамках твоей деятельности. Вылепишь из него воина, друг мой. В кратчайшие сроки.

Работорговец нахмурился. Они с принцем спустились в холл, и рядом с Гафуром тут же выросла чужая охрана, на которую Лис уже давно перестал обращать внимания.

— Как скажите, Лисаяр джан. Год вас устроит?

Принц уже знавший рабочий особняк Гафура как свои пять пальцев и поэтому уверенным шагом направившийся к подземельям, остановился и хрустнул леденцом, который все ещё перекачивал на языке.

— Несколько месяцев, друг мой, все, что я могу тебе дать.

— Вы просите меня о невозможном, господин! Сколько ему лет? Некоторые мальчики попадают ко мне в пятнадцать, и только через четыре года я обычно перепродаю их. И не из-за того, что научить убивать сложно! Убивать легко. Подчиняться — сложно.

Гафур смешно всплеснул руками. Вот где, оказывается, подвох!

— Я не прошу промывать ему мозги, с этим и сам прекрасно справлюсь, — презрительно фыркнул Лис, — тебе только придется потерпеть мои визиты.

Гул шагов в подземелье отражался от стен, но принц, как и работорговец, уже привыкли к мрачной атмосфере темниц. У последнего посещение подземелий, где держали особо буйных рабов, ещё не смирившихся с лишением свободы — вообще превратилось в ежедневное паломничество. Одиночные камеры тянулись вдоль стен. Из-за дверей некоторых доносились стоны и плач, но в большинстве своем узники молчали. Гафур поджал губы, зная, что в полумраке его лица никто не различит. Принц позволял себе слишком многое и то, что он вломился к работорговцу без приглашения, воспользовавшись его подземельем — меньшее из того, что он может сделать. На то была причина. Веская причина. К тому же, платил младший наследник отлично, так что Гафуру оставалось только терпеть.

— Что вы, Лисаяр джан, всегда рад вас видеть! Так куда вы его посадили?

— В тринадцатую, друг мой. Как ты помнишь, и её ключ всегда остаётся за мной.

Принц хитро улыбнулся, повернувшись к работорговцу лицом. Кивнув одному из своих телохранителей, который тут же передал ему ключ от нужной камеры, Лис сам отворил тяжелый замок и пропустил работорговца внутрь.

Факелы осветили фигуру парня, тело которого в неестественной позе лежало на полу, и Гафур решил, что тот не приходил в сознание с тех пор как его сюда привезли. Похоже, охрана принца свалила его на отполированный камень, и он так и остался здесь, не сдвинувшись и на миллиметр.

— Он живой, просто мои люди накачали парня снотворным, — известил Лис, заметив тревожное выражение, промелькнувшее на лице работарговецца, — прекрасный экземпляр, правда?

Гафур не мог не согласиться. Парень был крепко сложен, здоров и имел все данные, чтобы в будущем стать отличным сторожевым псом. Только вот слишком взрослый — таких ломать сложно, но если принц решил взять эту проблему на себя, то и последствия от своего решения будет расхлёбывать он сам.

— Что я должен делать, когда он очнется? — по-деловому осведомился работарговец, подавив тяжкий вздох.

Он вышел из камеры вслед за принцем, который тут же запер дверь обратно.

— Когда очнется, расскажешь ему одну сказку, а потом начнешь учить как никого прежде. Можешь не щадить, на нем всё заживает как на псине. Остальные инструкции будут указаны в договоре. Ииии... Зря я отказался от чая, пойдёмте, друг мой, за ним все и обсудим.

Принц снова перешел от серьёзного тона к шутливому.

— Как его зовут-то хоть? — Работарговец устало потер виски, одним единственным жестом показывая, что от принца у него уже начала болеть голова.

— На допросе говорил что Дмитрий, — отмахнулся Лис, произнеся имя с легким акцентом. Сам он его от нового знакомого еще не слышал, только со слов брата, которому пленник был не лучше кости, застрявшей поперёк горла, — но это не важно. Дашь ему новое имя, если захочешь.

Имран Гафур прикрыл глаза, позволив себе выругаться лишь мысленно. «Тело» которое привез принц, наверняка было не простым должником или преступником, а значит с ним могут возникнуть проблемы. Придется быть крайне осторожным, скрывая его у себя. На то, что наследник выдаст ему всю информацию о своем пленнике, рассчитывать не приходилось, и единственным утешением, которое мог себе позволить работарговец, было подсчитывание прибыли в уме.

Кто я такая, чтобы он — сам начальник службы безопасности дворца, отвечал на мои вопросы?! С этого момента — всего лишь его ученик! Но кого это, в самом деле, должно волновать? Злоба и обида, подкатившая к горлу, рвались наружу, чтобы вылиться на Кайрина парой колких замечаний, но я усилием воли заставила себя сцепить зубы и продолжить передвигать ногами.

Что-то мне подсказывало — если буду докучать ему своими назойливыми вопросами, уважение к новому ученику стремительно упадет в глазах мастера. Да и существует ли оно в природе — это мифическое уважение?

И пусть интересовавшая информация напрямую касалась моего дальнейшего существования здесь, добывать её с помощью упрямства — не лучший метод в данном случае. Знала я в прошлой жизни людей подобных Карающему. Из них и клещами не вытащить того, чего они по доброй воле говорить не хотят, а если начать давить, в лучшем случае получишь вместо собеседника стену, а в худшем — стену от которой можно ещё и пару оплеух отхватить.

Возможно, он бывает в благодушном состоянии, и я, застав этот момент, смогу вывести для себя что-нибудь полезное? Подумала — и сама усмехнулась абсурдности мысли. Кайрин в хорошем настроении? Ха! Сложно представить.

— Ты можешь прекратить обиженно сопеть мне в спину, Бес? Это раздражает.

Кайрин прервал шаг по безлюдным коридорам и развернулся ко мне лицом с такой стремительностью, что я, споткнувшись на ровном месте, все-таки не выдержала.

— Одно ваше слово, учитель, и я вообще прекращу дышать!

И черт меня дернул отвесить ему шутовской поклон! В следующее мгновение я получила от новоиспеченного наставника звонкую затрещину. Не то, чтобы я в жизни не получала затрещин, но эта оказалась самой обидной и болезненной из них. И надо же было мне минуту назад предугадать подобное развитие событий! Охнув, я чуть не прикусила свой болтливый язык, и тут же поправилась:

— Простите, Карающий. Я просто хотел узнать чуть больше о... Обо всем.

— Ещё раз повторишь что-то подобное, и будет больнее. Не смей кланяться ни перед кем кроме императора. Никогда. — Глухо произнес, Карающий. Его холодные пальцы коснулись моего подбородка. Пришлось невольно оторвать глаза от пола, чтобы посмотреть прямо в бесстрастное бледное лицо, на котором отчетливо отпечаталось пренебрежение. Сглотнув, я медленно кивнула, показывая, что смысл сказанного до меня дошел, и Карающий тут же отвернулся, продолжая свой путь.

— Эллер — не совсем название рода, Бес. Уже давно оно стало чем-то вроде приставки к имени, которое носят незаконно рожденные дети императора.

Карающий сообщил факт, услышать который мне довелось только после затрещины, таким будничным тоном, словно это было чем-то незначительным. Пока у меня практически отнялся язык, от осознания нового факта. А я все додуматься не могла, откуда столько доверия к человеку, который выглядит как белая ворона в стае угольно-черных птиц.

— Получается, — хрипло сообщила догадку я, — вы бастард императора?

— Признанный, — поправил Карающий, — и ты теперь тоже, Бес. Что не делает твою жизнь лучше, но дает некоторые преимущества в работе.

— Это какие? — прокаркала я, едва поспевая за своим спутником. Дыхание действительно перехватило. — Почему император принял такое решение? Я не смогу...

— Сможешь, в этом нет ничего сложного. Главное, — Кайрин сделал многозначительную паузу, а потом произнес, мастерски вложив в голос интонацию искреннего доверия: — не кланяйся перед каждым встречным. Уяснил?

— Да.

— Что касается плюсов. Основная причина, по которой император решил признать тебя своим сыном — свобода действий и передвижения. Ты на законных основаниях сможешь присутствовать на всех приемах, которые будет устраивать знать, и это должно значительно облегчить наши поиски.

Значит, император подумал, что покровительства Карающего для меня будет не достаточно. Видимо сроки поджимают настолько, что даже такие решительные меры его не смутили. Где это видано — чтобы правитель признал сыном мальчишку, которого встретил первый раз в жизни? Только в чем причина недовольства Кайрина? Неужели боится конкуренции с моей стороны? Смешно, если вспомнить, что я полностью от него завишу.

— Где подвох?

— Подвох в том, что теперь твоя персона привлечет в два раза больше внимания, а если учесть, что ты пока ничего не умеешь, риск провала тоже увеличивается в два раза. — Огрызнулся Карающий. — Подобные случаи в империи — большая редкость, и они всегда вызывают много шума.

— Я имею право на престолонаследие? — Запоздало дошло до меня, и я озвучила свою догадку дрожащим шепотом.

Кайрин, на моё удивление, тихо усмехнулся, разом став менее напряженным. Похоже, мой глупый вопрос его изрядно позабавил.

— А ты уже видишь, как восседаешь на троне? Расслабься, мальчик, ты не сядешь на него, даже если останешься последним человеком на земле. Ни одному принцу и в голову не придет, что ты сможешь стать преградой в гонке на наследие.

Но моё появление все равно не придется им по вкусу — закончила я мысль. Никто не пощадит пешку, внезапно вмешавшуюся в отлаженную политическую игру, и не важно — сможет ли она дойти до края доски, чтобы стать ферзем или нет.

— Да я даже трона вашего не видел, чтобы о нем мечтать! — я показушно фыркнула, решив немного поломать комедию, но тут же вернулась к серьезному разговору, — А общество не удивит, что у императора внезапно появился бастард, которого до этого никто не видел?

— Удивит? Нет. Поверь, всех своих бастардов даже он сам не знает. Расстроит? Взбудоражит? Пожалуй. А теперь помолчи, мы почти пришли.

Куда? Осторожно наблюдая за мимикой Карающего, то и дело косясь на его строгое лицо, я практически не обращала внимания на сменяющуюся обстановку.

Не могу сказать, что она разительно изменилась, но в коридорах дворца явно стало болеелюдно, а это значило, что пора прекратить вести в них подобные разговоры. В основном по пути нам попадались спешащие по своим делам слуги, которых можно было узнать по скромному одеянию, и тому, как низко они склоняют голову и отводят глаза при встрече с Карающим. Были и господа, разряженные как павлины, лишь кивавшие при виде моего спутника, который вообще не обращал на них внимания, будто и не видел вовсе. Мне же доставались косые заинтересованные взгляды и брезгливо поджатые губы, которые я

тоже вскоре предпочла «не видеть». Я боялась, что иначе, после подобного внимания единственным желанием, которое останется при мне — будет возможность как следует отмыться.

— Карающий! Вы уже вернулись? Так скоро, что мы даже не успели заметить вашего отсутствия. Говорят, что принцесса красива как райская птица. Правда ли?

Поджарый мужчина с узким лицом, на котором красовалась куцая черная борода, и сухими пальцами, сплошь унизанными драгоценными перстнями, решил не проходить мимо, и засвидетельствовать своё почтение изрядной порцией желчи. И хоть в сказанной этим типом фразе на первый взгляд не было ничего оскорбительного, интонацией с которой он её произнес, можно было отравиться.

— Не нам решать, Сайдамир, красива ли принцесса. Этим займется её муж. — Ровно ответил Карающий, показывая, что не настроен на светские беседы, но мужчина не желал так просто сдаваться.

— Какая досада, что вы не большой ценитель женской красоты. Зато, я смотрю, что решили последовать моим советам и завести себе зверушку. Очень милый мальчик. Он нем? Хорошее решение, верное.

Назойливый господин повернулся в мою сторону и внимательно осмотрел, пройдясь липким взглядом от взлохмаченной макушки до носочков казенной обуви. Расстройство промелькнуло на вытянутом лице, когда он обнаружил, что мои запястья скрыты широкими рукавами, не позволяющими рассмотреть, есть ли на них татуировки, и я, желая разочаровать его ещё больше, по-деловому небрежно скрестила руки на груди, ненароком оголяя чистую кожу. Дерзить в открытую я не решилась, но нежелание показаться перед неприятелем в образе запуганной мыши, заставило выпрямить спину и ответить на откровенное пренебрежение наглым прищуром. Я припомнила, что знатоки в работоторговле могут по узору клейма моментально определить владельца и назначение «товара», и тут же поняла, что мужчина пытался сделать именно это. От подобного внимания больше всего хотелось плюнуть наглицу в его мерзкую рожу, но я молча позволила ему понять, что желаемого он не получит.

Спокойствие обрушилось на меня, стоило руке Кайрина лечь на плечо.

— Мой ученик разговаривает, Сайдамир, но вы не вызываете в нем подобного желания. И только позвольте себе отпустить в отношении Бесмана подобное оскорбление ещё раз, тогда я не поленюсь самолично лишить вас языка. Это будет верным речением, ведь для того, чтобы считать деньги не обязательно уметь говорить. Правда?

— Повелитель не одобрит! — Сайдамир, который только что сиял «дружелюбной улыбкой», тут же преобразился, став похожим на ощерившуюся крысу. Черные глаза его, маленькие, словно бусины, злобно заблестели.

— Но не осудит. За мной, Бес.

Раздуть скандал дальше мужчина не стал, и я смогла расслабиться, только когда он остался далеко позади. И Боже, как же я была рада, что Карающий за меня заступился.

— Сайдамир джан Хани — второй имперский казначей. — Опережая мой вопрос, высказался Кайрин, — не женат. Любитель вина и живого товара. Пока тебе лучше с ним не пересекаться.

Я выслушала краткую характеристику, и поморщилась, когда представила, что придется к нему прикасаться. Ведь «пока не стоит пересекаться», вполне может значить, что в дальнейшем наша встреча не исключена. Да мне придется кучу народа перелопатить!

Пожимать руку этому типу, или ещё кому-то более мерзкому. Я пока не совсем понимала, как это должно происходить, но перспектива пропускать через себя их грязные мыслишки, опротивела уже сейчас. Сказать себе в очередной раз, что я со всем справлюсь?

Я поняла, что мы пришли, когда носом уперлась в вооруженную охрану в количестве четырёх поджарых воинов, по стройке смирно стоящих у огромных резных дверей. Подчинившись приказу Карающего, один из мужчин взялся за кованую ручку в виде тонких переплетающихся гадюк, и со скрипом отворил проход. Сказать, что я была заинтригована — ничего не сказать, ибо о планах Кайрина не догадывалась даже близко, но место, в котором мы оказались, опровергло все мои предположения.

Заподозрить неладное можно было по звукам музыки и пряному запаху цветов, который мешался с чем-то дурманящим и резким, похожим на благовония или ароматические свечи. Все это напомнило мне атмосферу, которая царила по ночам в борделе, стоило только выбраться из кухни и подняться наверх, где девочки принимали клиентов. Я никогда не выходила к ним, чтобы подать угощение, или убрать со стола, и даже желания сделать это ради интереса у меня не возникало, ибо отлично знала, что от увиденного буду не в восторге.

— Карающий? — Я обернулась на учителя, желая убедиться, что все в порядке.

— Проходи, тебе понравится. — Заверил тот и усмехнулся.

После ответа мужчины я забеспокоилась ещё больше, но отнекиваться не стала. Кайрин пропустил меня вперёд, прошел сам, и следом за ним в дверь просочилась пара бесшумных охранников.

Обстановка перед глазами разительно переменилась, и я едва сдержалась, чтобы не заверещать от восторга. Коридор, в котором мы очутились, был открытым и широкие сводчатые окна во всю стену, разделялись лишь колоннами, по которым ползли растения, увитые мелкими белыми цветами. Нещадно палило солнце, но они ничуть не увядали, а наоборот — будто тянулись поближе к свету. Снаружи, судя по всему, был внутренний двор, но я посчитала ребячеством подбегать к перилам и заглядывать вниз, чтобы разглядеть его как следует, тем более Карающий наверняка бы не стал ждать, пока я утолю своё любопытство, насладившись пейзажами. Он уверенно вел нас в отдельную башню, и стоило нам в ней появиться, как я замерла, не решаясь сделать и шага вперед.

Просторный зал с верхним этажом, на который вела пара крутых лестниц с перилами из молочно-белого камня, был наполнен зеленью. Маленький круглый фонтан, вымощенный голубой плиткой, бил струями чистой искрящейся воды, в которой плавали пурпурные лепестки чайных роз, наполнявших пузатые кадки, которые я не смогла сосчитать при всем своём желании.

И тут были женщины. Много женщин и все красивые, будто собраны коллекционером — тонким ценителем девичьих прелестей. Девушки самой разной наружности от волооких смуглянок с шелковыми черными волосами, до медно-рыжих зеленоглазых красоток — плавных и гибких, как дикие кошки, восседали на мягких пуфиках расположенных вдоль стен, смеялись, заплетали друг другу замысловатые косы, перебирали струны лиры, звенели бубенцами на тонких запястьях и пели.

Несколько девушек, одетых в изумительные лёгкие платья всех мыслимых расцветок, ткань которых летела и переливалась как органза при каждом движении тела, танцевали, и так, что я застыла на месте, наблюдая за этим зрелищем. Пластичные, мягкие движения легких рук, перебирающих воздух, завораживали. Точеные изгибы бедер,двигающихся в такт глухих ударов барабана, должно быть, могли свести с ума любого мужчину.

— Ну как, впечатляет? — Тихо шепнули мне на ухо, и я словно очнулась, почувствовав на волосах дыхание Кайрина. — Гарем императора прекрасен, но только не увлекайся.

И он тут же отстранился, позволив мне следить взглядом за одной из наложниц, которая затмила своим танцем остальных девушек. Слегка раскрасневшаяся, в желтом полупрозрачном наряде, она носочками чертила на полу замысловатые фигуры и выгибалась так, будто была создана из пластилина, а не из плоти. Каштановые кудри, облепившие высокий лоб танцовщицы, ничуть не её смущали, и она продолжала двигаться, будто и не танец это был, а полёт. Будто летать она может вечно.

Музыка оборвалась где-то на середине мелодии, и я мгновенно поняла, что причиной была отнюдь не лопнувшая струна, а внезапное появление мужчин на чисто женской территории. Наш визит, наконец, заметили, и веселье прекратилось, обратившись молчаливой напряженностью.

Наложницы вскочили с мест, склонившись в поклоне, и только танцовщица, упавшая от усталости на пол, так и не поднялась, и робко улыбнувшись, осталась сидеть на мягком ковре, поджав под себя изящные щиколотки.

Карающий обвел взглядом женский цветник, и, сохраняя свое привычное выражение лица, а именно — маску абсолютного равнодушия, взял слово.

— Мне сообщили, что несколько дней назад в одном из коридоров, ведущих в гарем, был обнаружен чужак. В моё отсутствие обыск, который мог бы доказать связь между кем-то из вас и посторонним, никто не проводил. Даю виновной последний шанс на то, чтобы сознаться в причастности к этому преступлению, прежде чем я начну искать правду самостоятельно. У вас три минуты, время пошло.

У меня глаза полезли на лоб, а ошарашенные новостью девушки приобрели сходство с перепуганными птицами. Некоторые просто стояли и переглядывались, не понимая, что происходит, некоторые — находившиеся на втором этаже, вели себя смелее и тихо шептались.

Я ухватила Карающего за руку, потому что меня вдруг посетила догадка, которую мне вовсе не улыбалось воплощать в действительность. Что значит «Искать правду самостоятельно»? Не без моего ли вмешательства он собирается это проверить?

Мужчина лишь нетерпеливо стряхнул мою руку со своего предплечья, и я тут же опомнилась. Негоже хватать своего начальника как какой-то попрошайка, когда на него смотрят столько заинтересованных глаз. В первую очередь это может повредить моей репутации. Не хватало ещё, чтобы девушки в гареме сочли меня испуганной или того хуже — беспомощной.

Статная женщина — на вид чуть старше остальных, в полностью закрытом платье темносинего — почти черного цвета, спустившись по лестнице, остановилась на одной из последних ступенек. Я не замечала её до этого момента, но сейчас сразу почувствовала, что слово данной особы в гареме имеет значительный вес. В отличие от прочих женщин она не выглядела встревоженной, совсем напротив, её прямая осанка и гордо развернутые плечи говорили о том, что она готова к самым плохим новостям.

— Что здесь происходит, Кайрин? — Глубокий, но не лишенный певучести голос женщины, разрезал тишину зала, как наточенный нож.

— Ты все прекрасно слышала, Рахиль. Обыск. И если твои девушки не желают признаться самостоятельно, мои парни перевернут здесь все.

Взглянув на девушек, можно было легко понять, что брать на себя вину за

обнародованное преступление ни одна из них не желает. Более того, на лицах каждой отражалось такое смятение, будто они впервые слышат, что в чем-то виноваты. Танцовщица в желтом испуганно приложила руку к пухлым губам, не отрывая взгляда от воинов во главе с Карающим. Я же еле удержала облегченный вздох, поняв, что моё участие в планы Кайрина пока не входит. Только какой смысл в обыске, если он проходит не по свежим следам? Если какие-то улики и были, то наверняка виновные давно позаботились об их исчезновении. Логику своего учителя я была ещё не в силах понять.

— Не надо пугать девочек, Кайрин, — Рахиль сдвинула брови, и над головой её будто разверзлась темная туча. Я даже дыхание затаила в ожидании бури, которой, впрочем, не суждено было случиться. — Позволь, мои люди сами обыщут их комнаты. Твои ребята могут проследить, а мы все обсудим...

— Рахиль, Рахиль, — покачал головой Карающий, — ты же не думаешь, что тебе удастся от меня что-то скрыть?

— Не забывай, что найти шпионку в моих интересах. Лучше пройди наверх, мы давно с тобой не общались.

Рахиль хлопнула пару раз в ладоши, но никто из девушек так и не вымолвил слова. Зато в зал из соседней комнаты тут же вошли несколько женщин и мужчин, судя по всему являющихся слугами. Нет, рабами. Парень, прошедший мимо меня, был достаточно молод, но уже имел на запястьях вязь рабских татуировок. К тому же, парень, на службе в гареме? Евнух. Дикое средневековье!

Лицо моё оставалось каменным, но Карающий, склонившись на до мной, опять прошептал: «Держи себя в руках». Неужели связь уже начала действовать? Черт! От осознания этого стало ещё противнее, тем более, что эту каменную глыбу я не чувствовала от слова «вообще»

— Приступайте! — Это было объявлено уже громко, как только Рахиль дала распоряжение своим подчиненным.

Сама женщина, поманила Карающего наверх, и я отправилась следом за ними, чувствуя себя совершенно неловко.

— Принеси гостям сладостей, дорогая, мы посидим на свежем воздухе. — Бросила Рахиль одной из служанок, и повела нас с Кайрином на открытый балкон, которым заканчивался коридор с десятком неприметных дверей по сторонам.

Скорее всего, здесь находились покои любимиц императорской семьи, потому что обыск пока проходил только вниз. Краем уха я успела услышать, что в первую очередь он будет проводиться в общих апартаментах, и сделала вывод, что отдельные нужно ещё заслужить.

Стоило нам оказаться в относительном уединении, как нахмуренное лицо Рахиль тут же расслабилось, и женщина, искоса глянув на меня, прошептала:

— Ты слишком резок, Кайрин. Знаешь ведь ничего не найдешь, но твоя выходка не пойдет незамеченной.

— Не говори так, будто не сама помогла мне это организовать.

О боже, на лице Кайрина заиграла лукавая улыбка, а из голоса пропала вся напускная суровость. Мне осталось только удивляться подобной метаморфозе и тому, что Карающий, прежде чем явиться сюда, успел согласовать свои действия с этой женщиной.

— Я лишь намекнула в послании, сказав жены повелителя решили устроить принцессе прогулку по дворцу, и понятия не имела, что ты воспользуешься их отсутствием, чтобы

перевернуть вверх дном весь гарем! — Возмутилась женщина и тут же замолчала, опасаясь своей несдержанности.

Должно быть, её волновала моя персона, которая слушала разговор с вытянутым от удивления лицом. А может она просто знала, что даже у стен есть свои уши и глаза. Кайрин же, не удостоив меня лишним вниманием, видимо вспомнил, что забыл нас представить, и поспешил исправить ситуацию.

— Можешь не волноваться по поводу Беса, Рахиль. Наш новый видящий должен быть в курсе происходящего.

— Бесман Эллер. Рад знакомству, Рахиль-эдэ. — Отчеканила я, решив, что если и дальше буду затягивать молчание, меня опять могут счесть бессловесным. Тем более, Карающий, не обременяющий себя лишними формальностями, моё полное имя сказать не удосужился.

— О, Рахшар, он сошел с ума... Как это произошло, Кайрин? — Прошептала женщина.

Оказавшись на балконе, увитом снаружи уже знакомыми мне растениями, она опустила на мягкое кресло у низкого столика, и устало прикрыла глаза. Воин присел напротив и кивнул на место рядом с собой. Вскоре вернулась служанка с подносом, переполненным едой и напитками, но никто не спешил к ним притронуться, провожая девушку тяжелыми взглядами.

— Он Шиа. Нашел его вчера вечером, — не стал просвещать в подробности нашего знакомства Карающий, — его чуть не убили. Как я понял, до этого он пару дней побирался на улице.

— Я не побирался! Я работал на кухне, но потом меня уволили, потому что им не нужны были проблемы.

Меня удивило, как тепло вела себя с нами Рахиль, и возможно, поэтому начала вести себя более раскованно. Кайрин посмотрел на меня волком.

— Где ты работал? И кто ещё знает о твоей особенности? — Он подозрительно сузил глаза, голос понизился.

Я похолодела.

— В «Оазисе Иршада». Только кухарка, она не стала поднимать шум...

— Ты должен был сказать раньше! — Угрожающе прошипел Кайрин. И рука его, которая лежала на подлокотнике стула, сжалась в кулак.

— Когда? Меня никто не спрашивал!

Кайрин тяжело вздохнул, размышляя, наверное, за что ему досталось такое наказание. А мне стало страшно за добродушную кухарку, которая хоть и на время, но дала мне кров, не задавая при этом лишних вопросов. Ей было важно лишь насколько ловки мои руки, и остаются ли разводы на серебристой глади подноса, после того как я пройду по нему жесткой щеткой. По этим критериям она ровняла всех своих работников, и я отказывалась верить, что теперь по какой-то причине женщина могла кому-то обо мне проболтаться.

И хоть у Кайрина тоже была весомая причина на меня злиться, я чувствовала вину за то, что позволила своему языку впутать в это дело бывшую начальницу. Вспомнилось недавнее высказывание Карающего о убийстве лекаря, которое если и было шуткой, то только на половину.

— Я все расскажу, но пожалуйста, не трогайте Нариян-эде, она не имеет к этому никакого отношения! — Я взмолилась, хотя знала, что вряд ли это произведет на Кайрина должное впечатление, а потом вспомнила вещь, которая могла отвлечь на себя его

внимание, — Но среди посетителей «Оазиса» точно есть те, кто знают о нападениях Шиа, и я мог бы опознать их, если потребуется.

Наверное...

— Могу в это поверить, потому что в отличии от тебя знаю, что представляет из себя это заведение. И как ты получил столь важную информацию, позволь спросить?

Под ироничным взглядом Карающего я сжалась, и неопределенно качнула головой.

— Подсмотрел...

— Через кого? — Сразу понял мой прозрачный намек учитель.

— Через одну из подавальщиц. Она ничего не поняла, клянусь!

Рахиль смотрела на нашу перебранку с едва сдерживаемой улыбкой. В тонких пальцах она вертела фужер с фруктовым вином, и на его хрустальных гранях от этого играли гранатовые блики. Особенное удовольствие женщине видимо доставляло то, как Кайрин с трудом подавляет в себе желание отвесить мне очередную оплеуху.

— Я отправлю туда своего человека, — справившись с раздражением, сказал он, — а пока мы здесь для того, чтобы разобраться со вторым. Рахиль, ты единственная кто его видел, и можешь рассказать правду, а не то, что успела наплести моему непутевому родственничку.

— Вторым? — Переспросила я, не совсем понимая тему разговора.

— Шиа, — мягко ответила женщина, — вторым Шиа, дорогой. Вовсе не нарушитель побывал на территории гарема несколько назад, а такой же как ты. Но Дисмаль от чего-то решил скрыть этот факт даже от отца, выдав парня за обычного преступника.

— Один из принцев? Зачем ему это нужно? И что вы должны были сказать, чтобы он не заподозрил в вас угрозы? — Засыпала я женщину вопросами.

— Я умею лгать, маленький Бес, — Рахиль наклонила голову, ответив лишь на один из них, — только лож всегда влечет за собой неприятные последствия...

Женщина замялась, и Кайрин посмотрел на неё так, что она быстро вырвалась из своей задумчивости, снова став серьёзной и собранной. А я уже невольно была ею очарована. И дело было не во внешности, которую с легкой руки можно назвать строгой совершенностью, причина крылась в её поведении. Она вела себя как великодушная королева, вне зависимости от своего положения. И да, я не сомневалась, что Рахиль является отличной лгуньей.

— Могу все показать, ты же для этого привел мальчика, верно, Кайрин?

— Ему нужно тренироваться, — пожал плечами тот, — и твоя помощь станет неплохой разминкой.

Рахиль поставила фужер с вином на столик и протянула мне свою руку ладонью вверх.

Я поморщилась, не спеша к ней прикасаться. Сомнения боролись с интересом, и ни одна из сторон пока не желала проигрывать.

— Но я пока вижу только урывками, — пробормотала я, — это может быть нечто личное для вас...

— Поэтому тебе будет проще, если она сама желает отдать воспоминания, — заметил Карающий, почему-то оглядываясь назад, — мы теряем время.

В гареме случилось что-то неладное. Уединенное спокойствие, которое царило до этого на балконе, разбавили крики и отборная брань, доносившаяся снизу. Если перевести все на цензурный язык, получалось, что одна из наложниц, ласково называя стражей безмозглыми шакалами, вопила, что их покои не имеют права осматривать, а посему все мужчины

немедленно должны уйти. Охранники при этом упорно доказывали, что подчиняются исключительно приказам своего начальства и пора бы уже прекратить лезть им под руки.

Рахиль переглянулась с Карающим.

— Я разберусь, — ответил он на немой вопрос и поднялся, — у вас пара минут.

Стоило его фигуре отдалиться, как на меня навалилось непрошеное волнение. Температура воздуха будто подскочила на несколько градусов вверх, и на висках тут же проступил липкий пот. Я все продолжала смотреть на чуткие пальцы Рахиль.

— Не бойся, — подбодрила женщина, — я разомкну прикосновение, как только почувствую, что тебе плохо.

Её слова меня слегка задели. Признаваться в том, что не я способна на быстрое решение, было неприятно даже себе.

— Я не боюсь! — В этот раз чувство противоречия сыграло мне на пользу.

Ладонь женщины оказалась сухой и теплой на ощупь, но через секунду я совсем перестала её чувствовать. Я больше вообще ничего не ощущала кроме боли.

Стоя в безлюдном коридоре восточной башни, одетая в платье из тяжелой парчи, с золотым ожерельем на шее, которое сжимало её не хуже чем удавка висельника, сквозь призму чужого мировосприятия, я видела перед собой знакомого незнакомца, которого всем сердцем любила.

Рахиль разорвала связь как и обещала, но лицо Димки — ошарашенного, растрепанного, знакомого Димки, все ещё стояло перед глазами. Горло сжал спазм, и я схватилась за шею, в бесполезной попытке задушить рвущиеся наружу слёзы. Не получилось, мутная пелена начала застилать глаза, и я подскочила с места, повернувшись к Рахиль спиной. Она не должна видеть как я плачу, ведь им нужен сильный видящий, а не жалкая слезливая девчонка, которая взвалила на свои плечи непосильную ношу.

Нужно выпрямиться, сказать ей, что все в порядке, но я не могла. Только что сломалась одна из опор, на которых держалась хлипкая надежда на нормальное будущее. С грохотом рушились стены воздушного замка, мост, ведущий к нему, горел. Трещали балки, полыхали знамена и флаги — все это только в моей голове. Пожар пожирал изнутри, жег сердце, выворачивал наизнанку, не давал дышать.

Это все из-за меня. Я утянула его за собой...

— Где он? — Охрипший голос, будто слетевший с губ умирающего, показался мне чужим.

Я не слышала, как Рахиль поднялась, но теперь четко чувствовала её присутствие за своей спиной. Она дотронулась кончиками пальцев до моего плеча, и ей прикосновение даже сквозь ткань рубашки показалось мне нестерпимо-горячим. Я дернулась, отдаляясь от женщины ещё на шаг, будто это могло оградить меня от того, что уже произошло.

— Не прикасайтесь ко мне. — Прошипела я, все ещё не решаясь повернуться к ней лицом.

— Он погиб. Мне жаль...

Рахиль произнесла всего четыре слова, и в них было столько сочувствия, сколько не смогла бы вместить в себя самая длинная речь. Простое: «мне жаль». Словно она знала, о чем говорила! Слезы высохли под действием выжигающей рассудок злобы. Её жалось — пустое место, которое не в силах вернуть мне друга. Её жалость вонзила мне нож под ребра и пару раз провернула для верности. Мне стало ясно, что с Димкой не может быть все в порядке, как только я увидела его её глазами, но жалость, эта жалость способна меня убить.

— Я вам не верю.

Она не может знать наверняка, она видела только, как его уводили! Она сама мне сказала, что отличная лгунья. Только зачем ей лгать сейчас? Надежда, истончившаяся до состояния паутины, все ещё липла ко мне своими полупрозрачными сетями, но они тлели, зажигаясь перед глазами красными искрами. Я и сама знала, что будь Димка рядом, Кайрин бы не пришел в гарем, чтобы узнать о произошедшем от этой женщины.

«Он погиб» — вот где скрывается настоящая лож. Погибают только в честных схватках, погибают только по воле роковой случайности. Мой друг не погиб, его безжалостно убили, потому что хотели скрыть факт того, что защита дворца не безупречна. Его убили, потому что он оказался не там и не в то время. Его убили просто так.

— Бес...

Голову сдавило. Я не сразу обратила внимание, что вцепилась в волосы окаменевшими пальцами.

— Где он?

— Бес, очнись.

— Где он?

Я наконец повернулась к Рахиль лицом. Бедная, она не знала куда деть руки, и теперь они весели по бокам как плети. Кисти женщина прятала в складках своего восхитительного платья, изредка теребя тяжелую ткань подола. Она хотела дотронуться до меня, обнять, но не могла, потом что именно её касание причинило мне боль.

— Я уже сказала, милая. Он погиб, и мне жаль, что я не догадалась о вас раньше. Я такая глупая. Глупая женщина.

— Где тело?

— Я не знаю, я правда не знаю, — она говорила размеренно, спокойно, словно каждый день сталкивалась с истериками, — пожалуйста, посмотри мне в глаза. Я смогу помочь.

— Чем?! Может, вы умеете воскрешать мертвых?! — Я вскинула на женщину взгляд полный ненависти и замолчала, хотя пару секунд назад была готова выплеснуть на неё полную яда речь.

У Рахиль были расширенные зрачки. Они заполняли почти всю радужку, которая обрамляла их светло-золотым ореолом.

«Мертв» — слово отдавало привкусом тлена и горечи. Я ощущала его на языке, пока пожар в груди медленно утихал, сменяясь холодной отчужденностью. Все это время мои внутренние баррикады держались лишь на том, что я знала — там, на Земле, с родными все в порядке. Мама, брат, Димка — они переживут моё исчезновение и начнут жизнь заново, даже если у меня не получится вернуться. Со временем друг забудет меня, найдет себе девушку, заведёт семью, которая поможет ему справиться с трагедией. Память притупится, счастливые воспоминания перекроют свежие раны, и они будут напоминать о себе лишь изредка, как шрам, который остается на теле, но уже не тревожит.

Теперь же у моего друга не было будущего. Даже такого.

Пожар догорел, оставив после себя дымящиеся руины — черные, как глаза Рахиль.

— Вот видишь, ты успокоилась. Прости, я должна была сразу догадаться обо всем. Этот парень — он искал девушку, когда попал сюда, но ты выглядишь так необычно, что я ничего не заподозрила. Только после того как увидела твою реакцию поняла, что вы знакомы. Он был твоим любимым?

Сейчас, когда сердце уже не рвалось из груди в готовности выломать рёбра, я осознала, что Рахиль раскрыла меня целиком и полностью, но это от чего-то не доставляло былого беспокойства. Пустота разрасталась, и данная мелочь тонула в ней, переставая казаться существенной.

Это было ужасно неправильно.

— Другом, — поправила я, практически по слогам выталкивая слова из глотки, — что вы со мной сделали?

— Это мой дар, — прошептала Рахиль со снисходительной улыбкой, и её тонкие ладони прошли по воздуху вдоль моего лица. Она погладила меня, не касаясь при этом кожи, — я умею успокаивать, умею убеждать. Тебе нужно было прийти в себя, перед тем как вернется Кайрин. Он не выносит такие сцены.

— Рахиль, вы все расскажете ему обо мне?

Женщина помотала головой, её губы сжались в тонкую линию, выражая сдержанное недовольство.

— Нет. Мне не нравится, что ты обманываешь его, но лучше тебе самой рассказать правду. Пусть это останется на твоей совести.

Бездонно-черные глаза женщины внимательно всматривались в моё лицо, и я нашла в себе силы кивнуть, показывая, что поняла её, но прислушиваться к словам не намерена. И пусть земля пошатнется, открыв врата в огненную пучину, если моя совесть от этого пострадает.

Мы ещё сверлили друг друга холодными взглядами, когда на балкон быстрым шагом вошел Кайрин. Тугие пути отчужденности, которыми оплела меня Рахиль, моментально ослабли с его появлением. Дышать стало легче, и к счастью, истерика уже не бурлила во мне точно лава, грозящая вырваться наружу извержением, уничтожающим все на своем пути.

Хмурый, как октябрьский вечер, Карающий сразу понял, что со мной что-то не так.

Уголки его губ были поджаты, лоб нахмурен, а тонкие белые пряди, выбиваясь из хвоста, стянутого ремешком на затылке, падали на глаза.

— Рахиль, что ты с ним сделала? — Обманчиво ласковый голос Кайрина заставил меня окончательно очнуться.

— Ничего, со мной все хорошо, — поспешила заверить я, но он ожидаемо не поверил.

— Рахиль? Я чувствую твои попытки подчинения.

Женщина снисходительно улыбнулась, и все тепло, которым вело от неё в начале нашего знакомства, испарилось.

— Я всего лишь его успокоила, Кайрин. Остальное он расскажет тебе сам. И если ты уладил проблемы с гаремом, уходите, вам нельзя здесь больше задерживаться.

— Мои проблемы только начинаются, Рахиль. Больше не смей применять свои чары на Бесе. Мне нужен ученик, а не овощ.

Я кивнула Рахиль на прощание, и подошла к Кайрину, который тут же ухватил меня за плечо и поволок к выходу. Стальные пальцы впились в кожу, и я непроизвольно скривилась. Стоило спуститься со второго этажа, как стража, занимавшаяся досмотром, обступила нас плотным кольцом. Женщины, столпившиеся у стен зала, наблюдали за происходящим со смиренно опущенными головами, и только несколько из них смотрели на процессию прямо, с вызовом и неприкрытой ненавистью в глазах. Впрочем, глаза, было единственным, что я успела в них рассмотреть. Большую часть лиц скрывал хиджаб, по которому можно было понять, что они только-только вернулись с прогулки. Вне пределов гарема все женщины были обязаны носить одежду, скрывающую фигуру и волосы, а замужние — ещё и часть лица. Кайрин же серьёзно нарушил правила, когда заявился сюда со своим отрядом, и я понятия не имела чего ему это стоило.

— Это жены императора? Они устроили скандал? — Я думала, что Карающий может не различить мой шепот, но ошиблась.

— Да. Фаиза — первая, мать наследников. Сумая — вторая, Дилия — третья. И Эллиаль — принцесса, которая готовится стать частью этого гадюшника. Уверен, что ей не понадобится много времени на адаптацию.

Я обернулась на женщин, которые уже остались позади, и безошибочно угадала стоявшую с ними принцессу. И хоть её лицо тоже скрывала полупрозрачная ткань небесно-голубого платка, внешность все равно выдавала в ней чужестранку. Её молочно-белая кожа практически светилась, а твердая, но скованная осанка говорило о том, как некомфортно она чувствует себя в новом образе.

— Не пялься на них, это могут счесть за оскорбление, — презрительно выплюнул Кайрин.

— Они уже сочли за оскорбление наш визит, — заметила я, но все же отвернулась.

— Это и было оскорблением, — усмехнулся Кайрин, — но только с моей стороны, а до меня не так просто добраться.

Фыркнув от самонадеянности в его голосе, я уставилась в пол, мысленно отсчитывая шаги, с каждый из которых удалялась все дальше из опостылевшего гарема.

Наконец двери закрылись за спиной, и я позволила себе расслабиться. Не на долго. Передышки хватило ровно на пару минут, после чего Кайрин кинул своим подчиненным лаконичное: «Вы свободны», и дождавшись их полного исчезновения на горизонте, переключил внимание на ученика. Повисшее между нами напряжение стало практически осязаемым, насыщенным как запах озона, что разливается в воздухе после грозы, и столь тяжелым, что казалось — ещё немного и его можно будет черпать в ладони и пить, будто воду из родника.

— А теперь говори. — Сложив руки на груди, Карающий ждал от меня полного подчинения. — Когда я оставил вас с Рахиль, твое настроение было нестабильным — расстройство, бешенство, следом спокойствие. Что она тебе показала?

У меня не было ни единого шанса солгать.

— В своем мире я был вместе с другом, когда попал сюда. — Голос болезненно дрогнул, не смотря на все попытки его выровнять. — Мы находились на отдыхе, устроили поход к горной реке. Я подошел слишком близко к обрыву, оступился, упал в воду, а очнулся уже здесь — один, мокрый как мышь, но живой. И только сегодня, увидев воспоминания Рахиль, понял, что Димку тоже зацепило. Он стоял рядом тогда, возможно попытался меня спасти...

Наверняка он пытался меня спасти. Разве могло быть иначе? Друг ни за что не стал бы топтаться на месте и смотреть, как моё тело поглощает толща воды. Он бы рискнул, даже зная, что сам может разбиться... Глупый болван! Лучше бы не было в нем этого проклятого геройства!

В итоге помощь требовалась ему, может быть, в то самое время, когда я сидела на кухне борделя и безмятежно чистила картошку тупым ножом, сетуя на свою безрадостную участь.

— Своим бессвязным рассказом, ты хочешь сказать мне, что второй Шиа — твой друг?

Сомнительный повод для гордости, но на этот раз слёзы не брызнули из глаз. Возможно, в этом стоило благодарить женщину, влияние которой подействовало на меня подобно местной анестезии. Ты в сознании, но боли уже не чувствуешь.

— Да! — Огрызнулась я. — И теперь хочу знать, что случилось, после того как его схватили!

К счастью, лицо Кайрина не выражало жалости или участия, которые могли подтолкнуть меня к новой истерике. Он просто хотел получить четкий ответ на вопрос. Ему было плевать на Димку.

— Для всех нарушителей проводится стандартная процедура. Бес. Его отвели в подземелья и допросили. Отчет гласит, что он умер, после того как сознался, что решил пробраться в гарем, ради одной из наложниц.

— Но это враньё... — Кайрин кивнул, уже зная, что отчетам брата верить нельзя. — Его похоронили?

Я никогда не придавала большого значения похоронам на земле. Казалось бы — безжизненное тело кладут в сырую землю, и в нем не остаётся ничего от той личности, которую ты знал раньше. Венки, ленты, кресты — все это было ненужной шелухой, для человека, которому, по сути, не приходилось никого хоронить в сознательном возрасте.

А сейчас я, наконец, пришла к мысли, что у меня даже вещей его не осталось. Просто был человек и исчез, не дав возможности с ним попрощаться. Останься после него хоть небольшой холм песка где-то на окраине Империи, я хотела его видеть.

Кайрин посмотрел на меня так, будто я сморозила величайшую глупость.

— Тело скормили зверью, Бес. У нас не принято хоронить преступников.

— Что?

Мне не стоило переспрашивать. Это выглядело глупо и неуместно, но мозг будто выключился, превратившись в сломанный ретранслятор. Кайрин же не любил повторять дважды, он просто развернулся и махнул рукой, приказывая пошевеливаться. И я последовала за ним безвольно, как корова на привязи. Ноги двигались с трудом, будто принадлежали деревянной марионетке, а не живой девушке.

Я ничего не видела перед глазами.

— Стой, так дело не пойдет.

Заметив, что я готова вот-вот рухнуть на колени, Кайрин остановился. Стены дворца прислушивались к моему тяжелому дыханию. Казалось, что они живы и кровожадны и будут рады пойти друг другу навстречу, чтобы меня раздавить. Кости и плоть — все смешать и размазать до состояния грязи, чтобы в конечном итоге от меня вообще ничего не осталось.

— Посмотри на меня, Бес.

Ладонь Кайрина холодная, твердая, легла мне на подбородок, запрокидывая лицо вверх. Его касание — единственное от чего мне не становилось физически плохо. Почему до меня спокойно может дотрагиваться только человек, чьи слова только что беспощадно ранили? Удивительный парадокс.

— Отпусти. Ты как и прежде получишь от меня все что захочешь, если позволишь прийти в себя.

Я думала, что мой резкий тон вновь подействует на Карающего как раздражитель. Приготовилась даже принять очередной подзатыльник или пощёчину, если мужчина решит привести меня в чувства уже привычным методом, но он лишь поджал губы и досадливо покачал головой. «Я надеялся, что ты сильнее» — эту фразу можно прочесть у него на лбу.

— У нас нет на это времени, — было произнесено вслух, — и ты можешь либо помочь мне найти организаторов и отомстить за смерть своего друга, либо остаться здесь и упиваться своим трауром дальше. Даю слово, в этом случае я уйду и больше никогда о тебе не вспомню. Что выбираешь?

Я сглотнула, в глубине души понимая, что Кайрин блефует, что без меня ему будет сложнее справиться, а значит, он не посмеет аннулировать нашу сделку в первый же день её существования, но решительность в его взгляде могла поколебать любую уверенность.

К тому же он прав. Я смогу отомстить, или, по крайней мере, попытаюсь добраться до виновных. И пусть первым в списке стоял сам принц, я не позволю, чтобы смерть Димки так просто сошла ему с рук. Ответ было очевиден.

— Когда мы начнем обучение?

Удар в спину был ожидаемым, но от этого оказался не менее болезненным. Я упала, пропахав добрую пару метров ржавого песка носом, и теперь едва могла найти в себе силы, чтобы встать. Не сумев опереться на локти, я перекатилась на спину, отплевываясь окровавленным песком. Губы были разбиты и безжалостно щипали. Сид, будь он трижды проклят, возвышался надо мной с гадкой улыбкой на загорелом лице, и тень, которую отбрасывала его вытянутая фигура, заслоняла палящее солнце. Отвешивать мне унижительный пинок было подло, низко и едва ли походило на ведение честного боя.

Острые учебные клинки уперлось в живот, и парень лениво пробормотал:

— Ты мертв. Опять.

Из отряда Карающего Сид оказался самым молодым и, наверное, поэтому, был назначен главным над моими тренировками. Не такой широкий в плечах как прочие воины, он был выше меня всего на полторы головы, но это не мешало ему укладывать новичка на лопатки с неизменным постоянством.

— Не радуйся так открыто, это похоже на избиение младенца. — Злорадно прошипела я, стараясь не показывать, что новое поражение меня задело.

— Нашел младенца, — хохотнул парень, — в твои годы я зарубил свою первую гидру, которая, к слову сказать, жрет таких безвольных червяков даже не пережёвывая. Давай руку.

Сид убрал оружие, которое хоть и не было заточено как боевое, нанесло мне уже немало увечий, и подал жилистую ладонь, чтобы помочь подняться. Я по привычке протянула свою, и тут же отдернула, понимая, что потеряла одну из перчаток, которые носила практически не снимая.

Парень смерил меня прищуренным взглядом, но попытки помочь оставил, изобразив безразличное пожатие плечами. Воины Карающего обучены не задавать лишних вопросов, и поэтому все мои странности воспринимались со стойким спокойствием.

Шесть дней назад, отряду из самых доверенных было объявлено, что у их начальника появился личный ученик, и они приняли эту новость, проявив лишь легкую заинтересованность. Хотя воины не могли не понимать, что я попала на козырное место отнюдь не из-за выдающихся способностей к боевому искусству, тему о наличии у меня скрытых талантов никто вслух не поднимал. Возможно, Карающий уже успел рассказать им о том, что я видящий, но происходило это без моего присутствия.

Достаточно было того, что на тренировочном поле я появлялась с головы до ног облаченной в черную форму, которая не открывала ни единого куска кожи, кроме лица. Свободные шаровары подпоясывались широким кушаком, а на рубашку с длинными рукавами и высоким воротником-стойкой надевался жилет, в котором моя фигура смотрелась ещё более плоской, чем это было на самом деле. Закрытая обувь прятала ступни, а перчатки — ладони, сводя на минимум возможность случайных прикосновений.

Когда Карающий только принес мне этот своеобразный наряд, кинув его на кровать в моей новой комнате, которая располагалась теперь за стеной его собственных покоев, я обоснованно возмутилась, ибо понимала, что, не смотря на все его преимущества, выжить в подобном облачении, находясь, целый день в одуряющей жаре, невозможно. Но Кайрин, выслушав мои претензии с выражением смертельной усталости на лице, объяснил, что ткань особая — хорошо пропускает воздух и позволяет долго не потеть. И ещё он успел вставить,

что одежда жутко дорогая и редкая, и вообще — непозволительная трата ресурсов на такого проходимца как я.

Моя гордость была слегка задета его высказыванием, но после первой же тренировки я прониклась к учителю неподдельной благодарностью. Юному протеже самого начальника безопасности в первую очередь предстояло научиться худо-бедно драться, и Кайрин — как настоящий сторонник радикальных методов, не пожалел дать на моё обучение своих лучших воинов, благодаря которым к концу дня я готова была упасть как загнанная лошадь. Надо отдать должное подаренному костюму — он беспокоил меньше всего.

С самого утра за меня принялись вплотную. Команда из парней, получивших на растерзание от начальника новую игрушку, в первую очередь решила устроить мне проверку на выносливость, показав ряд самых «простейших» упражнений, которые должен выполнить на одном дыхании каждый уважающий себя солдат. Начиналось все безобидно — с прохождения полосы препятствий, показавшейся мне достаточно легкой на первый взгляд. Сам Сид, только представший передо мной в образе «рубачи парня», любезно согласился подать новичку пример, окончательно убедив, что в этом нет ничего сложного. Глядя на поджарое тело парня, который с небывалой легкостью перемахивает через стенку в несколько метров высотой, взобравшись на ту по шаткой доске, и вспомнив, что на уроках по скалолазанию показывала неплохие результаты, дура-Сашка решила повторить его забег. О том, что в прошлом на всех экстремальных занятиях у меня была надежная страховка, память напомнила только на подходе к первому препятствию. С легкостью преодолев ров, сломанную лестницу и два трамплина, я не добралась до стенки, свалившись с бревна, которое к моему неописуемому ужасу, оказалось подвижным. Потеряв равновесие, и размахивая руками как птенец, отправляющийся в свой первый полёт из гнезда матери, я свалилась на землю, не забыв приложиться лбом о деревянную балку.

Шишка, послужившая наградой за слабоумие и отвагу, до сих пор не сошла, не смотря на то, что была неоднократно смазана лекарственными смесями, целый набор которых тем же вечером поступил в моё распоряжение. К счастью путь на полосу препятствий после того случая был мне заказан.

Выслушав рычание Кайрина, который получил меня после тренировки в совершенно непригодном состоянии, его отряд признал, что немного перестарался, и на следующий день сбавил планку истязаний.

Пока в программу входили бег, разминка, упражнения на растяжку и обучение самым простейшим приемам обращения с оружием. Парни, каждый из которых занимался своим ремеслом с тех пор, как только научился ходить, стремились впихнуть в меня все и сразу, превратив это в своеобразное соревнование: «Кто даст Бесу больше полезных советов»

Закреплял знания, полученные за день, шуточный спарринг с Сидом, в котором я отхватывала совсем не шуточных тумачков.

К сожалению, а может — к радости, сам Карающий пока не брался натаскивать ученика. Приводя меня на тренировку утром, и возвращаясь на неё вечером, он недолго наблюдал за моим избиением, после чего забирал во дворец — выжатую как лимон, пущенный под пресс.

Но если я в первый день думала, что на этом мои мучения должны закончиться, то была жестоко разочарована. Мне дали только наспех помыться, перед тем как начать усиленное обучение местной письменности, на что Кайрин не пожалел несколько часов собственного времени.

Набор символов, непривычных для глаза, предстояло выучить назубок. По отдельности буквы звучали совершенно бессмысленно и дело пошло на лад, только после того как я вызубрила каждую из них.

Кайрин заботливо принес мне книгу, в которой по иллюстрациям я распознала сборник детских сказок, что было самой приемлемой литературой для меня, и заставил читать, проговаривая вслух каждый звук. Не забывая непременно поправлять меня, если что-то было произнесено неправильно, Карающий в эти моменты казался эталоном невозмутимости. Если слово было прочитано верно, «переводчик» в моей голове работал, позволяя постичь его смысл, если нет — слово либо оставалось для меня бессмысленным набором звуков, либо превращалось во что-то новое, совершенно не вписываясь в контекст.

Читать про себя и вовсе пока не получалось, хотя Карающий утверждал что это дело привычки, мне как-то слабо верилось. А о написании собственного письма я и вовсе молчу.

Сочинение все так же полагалось проговаривать вслух, прежде чем записать его на бумагу, иначе я начинала по инерции строчить на родном, за что достаивалась порцией нотаций и едких замечаний.

Я упорно проглатывала их, и продолжала карябать новые символы местным подобием карандаша, едкий грифель которого успевал намертво въестся в пальцы всего за один вечер.

Нытьё о том, что я слишком устала за день, и теперь язык заплетается, а буквы расплываются перед глазами, стремясь убежать за края страницы как тараканы, следовало держать при себе.

Затем шли уроки по концентрации и управлению сознанием, которые вскоре должны были перейти в практику. Стоит ли говорить, что в их пользу я не особо верила, потому что состояли они сплошь из медитаций, которыми следовало заниматься утром днем и вечером, как только у меня появлялось свободное время, и визуализации мифических силовых потоков. Их, хоть убей, я отказывалась в себе видеть, даже обладая живым воображением.

Так дни, проведенные во дворце, постепенно начали превращаться в рутину, в которой я увязла по горло, даже не заметив этого. Тренировки становились ожесточеннее, задания Кайрина — сложнее, и у меня попросту не оставалось времени, чтобы думать о чем-нибудь ещё. Это было прекрасно...

Перевалившись на четвереньки, я встала, вытирая губы тыльной стороной ладони, и отправилась на поиски потерянной перчатки. Она лежала неподалёку от моего тренировочного клинка, который я неуклюже выронила где-то на середине боя, и после этого моя тактика состояла исключительно из уклонений от ударов Сиды и спасительного марш-броска по всему полю. Бег — единственное, что у меня получалось хорошо, и я была рада, что дала Сиду немного погоняться за мной, прежде чем он успел настичь беглеца и отвесить ему поучительного пинка.

Посмотрев на мой измученный вид, парень сжалился.

— Пошли, тебе надо отдохнуть.

Поле для тренировок, находящееся на территории дворца, располагалось рядом с казармами и походило на небольшую арену.

Я, переплетая ногами, потащилась вслед за Сидом к трибунам, и с удивлением обнаружила, что на них столпилось больше народу, чем я привыкла видеть. К воинам Карающего с которыми я обычно тренировалась, прибавилось ещё с десятков совершенно незнакомых мне мужчин, которые с интересом наблюдали за моим позором уже как минимум минут пятнадцать, и я непременно бы покраснела, смутившись толпе свежих

зрителей, если бы могла. Лицо и так было красным от напряжения и размазанной крови.

Кооран безмолвно кинул мне флягу с водой, и то, что я смогла её поймать — уже было победой. После первой тренировки она угодила мне в живот, и я едва не согнулась пополам от неожиданности.

— Ну что Сид, теряешь форму. Мальчишка увиливал добрых пять минут, прежде чем тебе удалось его поймать, — Джеран хмыкнул и ободряюще похлопал сослуживца по плечу.

Я уже успела привыкнуть, что эти парни не упускают возможности подколоть друг друга, и от этого, как ни странно, становилось легче, ибо окружи меня Кайрин кем-то столь серьёзным как он сам, или походящим на тех бессловесных истуканов, что дежурили возле каждой двери дворца, я бы непременно свихнулась.

— Да я поддавался! — возмутился Сид, брезгливо сбросив руку товарища, — Он же ещё ребёнок совсем!

Я поперхнулась от прозвучавшей клеветы. Только что этот наглец утверждал, что в мои годы убил чудовище, а теперь говорит, что я дитя! Я сунула фляжку Раду — самому молчаливому из группы, и прищурилась.

— Спорим, что и в следующий раз я продержусь дольше?

Амин и Ияд переглянулись, обменявшись ухмылками и поддержали меня.

— Мы тоже спорим, что ты его не поймаешь, Сид. На десять золотых.

— Я двадцать ставлю на то, что Бес тебя уделает, — почесав острый подбородок, вновь поддразнил Джеран.

И лишь Раду возвел глаза к небу, видимо размышляя над тем, за что на его голову свалилось наказание в виде отряда, который только и делают, что вечно на что-то спорит.

— Принимаю, — не без доли заносчивости отчеканил Сид, — но только завтра. Бес устал, а я не привык бить ходячие умертвия.

— Мне же легче, хотя готов повторить хоть сейчас, — бессовестно соврала я, все ещё пытаюсь выровнять ноги, которые не желали поддаваться.

— Я уже говорил, как мне нравится этот маленький лжец? — Расхохотался Сид, и кивнул на деревянную скамью трибуны, — Иди присядь, сейчас будет кое-что поинтереснее, чем твои барахтанья в песке.

Я вскинула брови, но не стала отказываться от дарованной передышки. Опустившись на жесткую поверхность скамьи, вперилась взглядом в центр арены на которую выходил десяток незнакомых мне воинов. Выглядели они внушительнее, чем парни, к которым меня приставили, а некоторые отличались светлыми шевелюрами, что среди черноволосых имперцев — было невиданной редкостью. Хмурые, в белоснежных льняных рубашках с распахнутым воротом, они носили на поясе ножны с тяжелыми полуторными мечами, что было совсем уж необычно. Если бы мне дали в руки что-то подобное, полагаю, они бы по локоть отвалились уже на первой минуте тренировки. Клинки, которые использовали воины Кайрина, выглядели не так внушительно, но я не сомневалась, что в руках умелого бойца были не менее смертоносны, чем тот же «бастард». Изогнутые на манер турецкой сабли, они были короче и легче классического меча, что только прибавляло им симпатии в моих глазах. Кооран мог практически жонглировать парочкой таких, приводя зрителей в неопишуемый восторг. Конечно, мне настоящие клинки пока опасались вручить, но в воображении я уже примеряла оружие на себя, прикидывая с чем удобнее будет справляться.

— А что сейчас должно произойти? — Запоздало задала я вопрос, но Сид уже пошел ближе к площадке, оставив рядом со мной молчаливого Рада.

— Воинам принцессы дали разрешение тренироваться на нашей арене, — хмыкнул Рад, и, отхлебнув из фляги ещё один глоток воды, не торопясь вставил пробку на место. Он всегда будто специально двигался с ленивой грацией, чем слегка раздражал всех, включая меня.

От ответа я ожидала чего-то большего, так что неопределенно пожала плечами, показывая, что не впечатлена.

— И в чем проблема? — Спросила из-за того, что тон воина намекал на её присутствие, но тут же отвлеклась, потому что народа на арене вновь прибавилось. Вслед за отрядом принцессы вышли имперцы, среди которых я увидела совсем юных мальчишек, чьи открытые лица ещё светились непосредственной решительностью и восторгом.

Рад качнул головой, показывая мне на третий ярус трибун, где располагалась небольшая ложа, и я едва не присвистнула от удивления. Да тут ещё и кто-то из знати! Расшитый золотом костюм одного из мужчин искрился на солнце, и от этого казалось, что его фигура была объята пламенем. Рядом с ним стояла женщина в одеянии цвета слоновой кости. А она тут с какой стати? Догадаться, что это принцесса было не сложно, при учете, что я её уже видела, а вот личность сопровождающего оказалась загадкой. Явно не император, который в последнее время не то, что в свет не выходил — даже кабинет не покидал.

— А в том Бес, что разрешение дал наследник, который решил поприсутствовать на тренировке.

Кожу будто кипятком окатило. Не знаю, как у меня это получилось, но усталость будто рукой сняло, подскочив на ноги, я помчалась вверх по ступеням, чтобы подняться на второй ярус. Наследник, значит? Я всмотрелась в его лицо, в чтобы как следует запечатлеть в памяти черты человека, который посмел отнять жизнь у моего единственного лучшего друга. Слишком далеко...

— Стой, тебе нельзя туда! Рахшар, ты обезумел?!

Рад вовремя перехватил меня за рукав и потащил вниз. Я тут же вывернулась из его хватки, но попытки подобраться к принцу поближе и впрямь придержала... Моя выходка только привлечет к себе внимание коронованной персоны, что в данной ситуации совсем ни к чему. Даже предоставь мне небо возможность подобраться столь близко, чтобы вцепиться принцу в шею, телохранители, стоявшие за его плечами, не позволят и пальцем тронуть объект охраны.

— Что на тебя нашло? — Уже тише прошипел Рад, вцепившись мне в руку.

— Просто хотел посмотреть. Никогда не видел принцев вблизи! — Огрызнулась, умалчивая, что в идеале не отказалась бы плюнуть наследнику в рожу, но то было мечтой несбыточной.

— Если ты думаешь, что у него за спиной вот-вот появятся золотые крылья, то боюсь разочаровать, внешне принцы ничем не отличаются от обычных смертных. — Хмыкнул Рад.

Я шутку не оценила, и стараясь больше не смотреть вверх, уставилась на воинов принцессы, которые под восхищенные взгляды новичков, показывали своё мастерство. Тяжелая сталь в их руках молниеносными росчерками полосовала воздух, притягивая внимание. Мускулистый, скалоподобный мужчина вещал что-то младшему поколению раскатистым басом, который практически перебивал звон железа, но я все-таки успела различить пару слов. Он рассказывал о стиле боя, который присущ островитянам.

Занятно... Что за блажь пришла в голову наследнику? Похоже, последнюю фразу я произнесла вслух, потому что ответ на неё дал Джеран, который в отличии от Сиды, интереса к происходящему не питал.

— Не знаю, что пришло ему в голову, но причину заявиться сюда он нашел подходящую. На территории дворца только две арены, Бес. Центральная не подходит для того, чтобы на ней можно было спокойно давать уроки новичкам, потому что она вечно занята, а вот личная...

— Сгодится для того, чтобы привести сюда чужих воинов под предлогом обмена военным опытом между государствами? — Угрюмо закончила я, догадавшись к чему клонит Джер.

Тот улыбнулся и пожал плечами, оставив мне право самой додумывать о смысле происходящего. Только какова основная цель? Насолить Карающему? Ведь воинские части находятся полностью в его распоряжении, и я сомневаюсь, чтобы учитель дал разрешение на проведение подобного мероприятия. Однако, принцу оно не требуется?

Судя по всему, на сегодня тренировка для меня была закончена, и по угрюмым взглядам сопровождающих я поняла, что причиной тому послужила отнюдь не моя усталость. Они не желали делить арену с посторонними. Да и сама бы я теперь не решилась выйти туда, зная, что за каждым моим движением будет следить принц.

Я облокотилась на перила, отделявшие песок от нижнего яруса, и принялась ждать Карающего, едва ли уделяя внимание происходящему вокруг. Он всегда приходил примерно в это время, чтобы забрать меня с тренировки, и сейчас я ждала его появления как никогда прежде.

Гнев, который я ощутила при виде наследника, постепенно преобразовался в тревожное волнение. Иррациональное, жуткое, оно тянулось ко мне своими холодными щупальцами, не подпуская близко даже мысль о том, что сейчас я нахожусь в полной безопасности. Я чувствовала себя как человек, внезапно обнаруживший на своей груди точку от снайперского прицела. Сердце щемило. Наследник стоял в сотне метров от меня и совершенно точно не скрывал за пазухой винтовку.

Сид заковыристо выругался, и толкнул меня вбок.

— Нам пора уходить.

— Но... — Совершенно не понимая, что успело измениться за последнюю пару минут, я поспешно двинулась за провожатыми, но было уже поздно.

Мы остановились. Кооран будто невзначай задвинул меня себе за спину, но я прекрасно разглядела наше «препятствие». Парочка воинов, которые не имели никакого отношения к людям Кайрина, что я поняла по брезгливым выражениям на лицах, сопровождали сухенького мужчину с желтым лицом. И по тому, что у мужчины на запястьях змеились две черные татуировки, два бугая пришли не для того, чтобы просто проводить его до места назначения.

Раб низко поклонился. Тюрбан зрительно увеличивал его голову, и мне казалось, что она сама клонилась к земле, с трудом удерживаясь на тонкой жилистой шее.

— Господа. Принц Дисмаль хочет познакомиться с мальчиком, и мне велено его сопровождать.

Я обеспокоенного взглянула на своих провожатых. Из настроения Сиды мигом выветрилась вся легкость; весёлая улыбка стерлась с лица, уступив место хмурому выражению. Он первым выступил вперёд, желая отгородить меня от надвигающихся неприятностей.

— Бесман находится в распоряжении Карающего и чужим приказам не подчиняется. Принц вполне может пообщаться с ним на празднике в честь свадьбы императора, когда парень будет официально представлен ко двору.

— Что вы, какие приказы? Всего лишь маленькая неформальная встреча. Принц любит заводить новых друзей, а о вас он столь наслышан, что не смог удержаться от преждевременного знакомства.

Раб вымученно улыбнулся, оскалив желтые кривые зубы, а воины за его спиной многозначительно переглянулись. Рад прошипел что-то не размыкая рта, бросив на Джера тревожный взгляд. Тот без слов все понял, и уже через секунду отделился от нашей группы, направляясь в сторону выхода.

Как же мне не нравилось все это. Пренебрежительное «мальчик», незнакомые наемники, выглядевшие будто только вчера подстерегали торговый обоз у дальнего тракта, чтобы его ограбить. И яд на дне стакана, переполненного сладким дружелюбием.

— Нам искренне жаль, что придется разочаровать наследника, но у Бесмана очень плотный график. Он не успевает на медитацию. — не желал отступить Сид.

— Обычно мальчик заканчивает тренировку позже... — как бы невзначай уронил раб.

Чертыхнувшись про себя, я наконец поняла к чему здесь и эта показуха, и даже пара бугаёв бандитской наружности. За мной велось наблюдение, и бравые парни пришли не для того, чтобы силой привести меня к принцу, потому что против воинов Карающего их угрожающий вид и гроша ломаного не стоил, а лишь показать — посмею ослушаться и не принять приглашение, одной на территории дворца лучше не появляться.

— Не стоит, Сид, я с удовольствием познакомлюсь с Его высочеством.

Я оправила форму, безуспешно пытаюсь придать ей более презентабельный вид, а раб облегченно вздохнул, приглашая следовать за собой. Видимо, в случае неудачи ему пришлось бы несладко.

— Ты самоубийца. Кто просил? — шикнул Кооран. Волосы на затылке задело его легкое дыхание.

— Все будет в порядке.

По крайней мере я на это надеялась. Они ведь сами прекрасно знают к чему было данное представление, так зачем спрашивать? Я просто не хочу, чтобы меня прирезали, когда окажусь без сопровождения. Не всегда рядом будет Карающий или его отряд из защитников. Настанет время, когда их навязчивое присутствие начнет казаться окружающим подозрительным. Да и я не готова пожертвовать личным пространством, пойдя на конфликт, которого можно было избежать. Если принц хочет меня увидеть — пусть разглядывает, но ничего большего он не добьётся. Нужно только потянуть время.

Остальные молчали. Наша процессия сейчас как никогда походила на траурную, и я не сомневалась, что парни уже мысленно отпевают покойника, который лишь по недоразумению ещё имел возможность шагать рядом с ними.

А ведь пару минут назад я сама желала получше рассмотреть этого гада. Теперь же — только поглядите — желание сбылось, но я совершенно к этому не готова. Придется в следующий раз думать потише.

Раб проворно сошел на песок, проигнорировав длинный путь через зрительские места, и я зашагала следом, стараясь не волочить ногами. Люди принцессы, удивленные чужим вмешательством, приостановили свои тренировки, заинтересованно на нас оглядываясь. Сжав зубы, я лишь изредка бросала взгляд по сторонам.

— Личный ученик Карающего, — прошипел кто-то из младших ребят, — вот повезло-то.

— Хилый какой-то. — неодобрительно ответил второй.

Сверкнула глазами в сторону болтунов, и они тут же умолкли. Подростки ещё, сухощавые, вытянутые как жерди, но даже по сравнению с ними я смотрелась несчастным заморышем. Да и везение такое, что любой утопленник обзавидуется.

— Какая честь, — Сид тихонько присвистнул, тут же обратив на себя лишнее внимание, — он нас встречает.

И правда, покинув свою царскую позицию на верхнем ярусе, где его высочеству несомненно было проще возвышаться над смертными, принц шагал нам на встречу. Островитянка плавно следовала за ним в сопровождении ещё нескольких женщин. Спелись.

Спускаться на песок принц не стал, оставшись стоять на первой ступеньке у самого его края. Черноволосый, статный, пламенеющий в своем золотом одеянии. При всей неприязни, которую вызывала у меня persona наследника, я не могла не признать, что он красив. И на императора похож до невозможности. Тот же волевой, гладко выбритый подбородок, тот же орлиный нос и черные глаза, не тронутые сетью морщин. Породист, и всячески свою породу подчеркивает

Воротник длинной рубашки плотно прилегает к шее, верхняя накидка богато расшита травяным орнаментом, а ботинки блестят так, будто в жизни не бывали в пыли. Впрочем, не удивлюсь, если узнаю, что по приказу наследника его обувь ежечасно вылизывают рабы.

Подобный вывод я сделала, как только наш сопровождающий достиг своего господина и согнулся пополам, приветствуя высочество, хотя я не сомневалась, что расстались они не более чем двадцать минут назад. Мои спутники тоже поклонились, но без должного энтузиазма, я же просто кивнула, памятуя наказ Карающего.

— Вы хотели меня видеть, Ваше высочество? — Осведомилась, стараясь смотреть мужчине куда-то в область груди. Это было не так уж и сложно, если учесть, что стоял наследник на возвышении, да и сам был не малого роста.

То, что мои манеры сразу не понравились принцу, можно было понять, практически не уделяя внимания его мимике, хотя я не удержалась и все же мазнула взглядом по ухоженному лицу. Тонкие губы наследника, слегка искривлённые в вежливой улыбке, едва заметно поджалась, выражая если не презрение, то крайнюю степень недовольства.

Не уверена, желал ли он видеть меня перед собой коленопреклонённым, но бесспорно привык к подобному обращению. Я же не хотела по капле выжимать из себя раболепие, изначально решив показать своё положение. В какой-то степени я сейчас была его родственником, пусть на деле липовым, об этом принцу знать не обязательно.

— Тебя хочет видеть весь дворец, дорогой Бесман, но мой уважаемый брат нелюдим, и порой забывает, что его подопечным нужно общество. Должно быть, такому юноше как ты сложно проводить в тренировках круглые сутки? Я решил исправить данное недоразумение.

Мужчина все же справился с обуеваемыми пренебрежением и толкнул столь трогательную речь, что я едва не прослезилась. Это значит, что во имя моего скромного блага, была оккупирована наша тренировочная площадка? Голос наследника, глубокий и мерный, лился мне в уши потоками ничего не значащей ерунды.

— Мне нравятся тренировки, Ваше высочество.

Ответила скупой и наследника подобное удовлетворить могло разве что с натяжкой. Принцесса, которая стояла за его спиной как бесплотный дух, старательно опускала глаза, но заинтересованность явно мешала ей соблюдать сложившиеся обычаи. Невысокая, стройная как тростинка, она казалась невероятно хрупкой, и была похожа на фарфоровую куклу, которую заботливый коллекционер прятал под слоями невесомого шелка и кружева. Разглядывать ее было куда приятнее, чем высокородного мерзавца, и я поняла, что сплеховала только когда моё внимание уже было принято за знак симпатии. Проклятье! Принц ухмыльнулся так, будто поймал меня за осквернением святыни.

— Прошу прощения, забыл вас представить. Ее высочество Эллиаль — будущая супруга императора. Бесман Эллер — подопечный Карающего и новообретенный член семьи.

Последнее он произнес с налётом легкой иронии, которая должна была уведомить меня, что никаким членом семьи для подобных ему я не являюсь. Едва заставив себя не скрипеть зубами, натянуто улыбнулась и поприветствовала принцессу как полагается.

— Я уже видела вас, — непосредственно пропела она, чем изрядно меня удивила. Не думала, что девушка осмелится на разговор, но та превзошла все ожидания, когда решила меня уколоть, вспомнив про посещения гарема — жаль, что ситуация в прошлый раз не располагала для знакомства. Вы выбрали очень своеобразное место для прогулок...

— От чего же, Ваше высочество? Все мужчины его время от времени посещают. Позвольте спросить, вам нравится наша арена? Очень специфичное место для прогулок, женщины не так часто им интересуются.

Что покои Карающего — тоже не местная достопримечательность, чтобы туда заглядывали будущие супруги правителя, говорить не стала, хотя слова эти так и рвались с языка. Впрочем, мне вообще стоило промолчать, засунув свою гордость куда подальше, потому что наследник заметно оживился, поняв, что я способна сказать что-то менее односложное.

Он порывисто сошел с последней ступени и зашагал по песку, избавляя островитянку от ответа.

— Дорогой Бес, позволишь называть себя так? — Принц даже не обратил внимание на кивок. От того, что он величал меня «дорогим», уже начинались рвотные позывы. — Тебе, наверное, трудно понять, но у Её высочества на родине другие традиции. Из уважения к её происхождению, император разрешил принцессе некоторые вольности. Но Эллиаль всего лишь хотела убедиться, что её воинам предоставили место для тренировок, так что не стоит её упрекать. Пойдем, посмотрим на них поближе, тебе понравится.

Что он задумал? Что он, черт побери, задумал? Странно было бы ожидать, что на вежливом приветствии знакомство с принцем и закончится, но именно этого мне сейчас и хотелось.

Шагая за мужчиной, я поймала настороженный взгляд Сиды. Он едва заметно кивнул, показывая, что все в порядке, но интуиция твердила обратное. Если бы подлость имела запах, ею за версту разило бы от наследника.

— А тебя долго скрывали от наших глаз, Бес, — обронил принц, стоило мне с ним

поравняться, — Ты должен быть особенным.

— Я так не думаю, Ваше высочество.

— Если Карающий взял тебя под своё крыло, это так. Ему давно предлагали найти ученика, но он все не соглашался, говорил, что никто не подходит. Но вот что я вижу — появляешься ты, и за тобой по пятам неотрывно следует его отряд.

Тон холодный, жесткий, без ноток наигранной веселости с которой наследник разговаривал в присутствии принцессы.

— У наставника много работы, он не может все время заниматься со мной лично.

— Вот как... Ну что ж, посмотрим.

Что он собирается посмотреть, я так и не поняла. Показательный бой иноземцев давно возобновился. Противники разбились по парам и мерились силами, не обращая внимания на пыль и удушающий вечерний зной. Воин, в котором я сразу распознала главного среди чужаков, больше следил за подростками, чем за своими. Иногда он приостанавливал кого-то, на собственном примере показывая сложные связки. Хотя, мне, занимающейся этим всего неделю, сложным казалось буквально все.

— Не хочешь попробовать? — Осведомился принц.

— Что? Овладеть полуторным? Нет, меч слишком тяжел для меня. Я не буду заранее ставить себя в проигрышное положение.

— Владение чужим оружием помогает понять противника. Узнать его слабости. Наставник разве не учит тебя видеть в людях их недостатки?

Меня прошиб холодный пот. Руки сами собой сжались в кулаки, и я завела их за спину, чтобы спрятать подальше от принца. Он смотрел снизу-вверх, одаривая меня злым прищуром, от которого хотелось трусливо сжаться всем телом. Я заставила себя распрямить плечи и не отводить глаз. Он не может ничего знать. Просто попал пальцем в небо.

— До этого пока не дошло, Ваше высочество. — Отчеканила я, стараясь не выдать себя с головой.

— В таком случае он зря тратит на тебя время, — холодно бросил принц, — что ж, думаю ты не будешь против, если я сам преподам тебе этот урок?

В горле запершило. Наследник играл на моих нервах как на гитаре. Выдержка подходила к концу — её тонкие струны по одной лопались под его пальцами. «Ты — последний человек на земле у которого мне хотелось бы брать уроки» — единственное, что я с удовольствием бы выплюнула в это напыщенное лицо.

— Могу ли я удостоиться такой чести?

Принца позабавил мой сдавленный ответ, и он хрипло рассмеялся, довольный произведенным впечатлением.

— Всего лишь маленькая разминка. Она должна показаться тебе лёгкой, ведь я и забыл, когда в последний раз брал в руки меч. Предоставьте нам оружие, хочу посмотреть на что способен новый ученик Карающего! Даю тебе фору, Бес. Сам выберешь чем мы будем сегодня драться.

Ноги приросли к месту. По голове будто ударили чем-то тяжелым, вдавливая в раскалённую от палящего солнца землю. Нет... Он решил убить меня прямо на месте! Замолкли звуки. Черепную коробку переполнило дребезжащее эхо утихающей тренировки. Иноземцы вложили свои клинки в ножны, а ученики с распахнутыми от удивления глазами, воззрились на нас в ожидании нового представления. Сомневаюсь, что кто-то из них понимал, что забава, затеянная принцем, могла закончиться фатально. Для меня.

Наследник, хоть и не был человеком военным, несомненно знал толк в показательных расправах. Он мог сколько угодно строить из себя изнеженного аристократа, но я не была уверена — должную подготовку таким вбивают с самого детства. Император не позволил бы ни одному из своих сыновей забыть про искусство сражения, а значит мои внутренности ещё долго будут по кусочкам собирать со всей арены.

Я же помеха для него — неучтенный козырь в чужом рукаве. Если не убьёт, то покровсаёт так, что не сшить, ни склеить потом.

Обернулась на своих сопровождающих, в надежде увидеть в их глазах поддержку, но тут же поняла, что не получу её. Их лица закаменели, превратившись в изуродованные безразличием маски. Пришедшая в голову идея, в которой я трусливо отказываюсь от «учебного поединка», испарилась так же быстро, как и появилась.

Стоит только заикнуться о том, что не хочу драться, стоит дать хоть один ничтожный намек, что боюсь предстоящего исхода, как я тут же стану мишенью для всех окружающих.

Люди смотрели на меня выжидающе.

Мальчишка оруженосец — совсем хилый и явно самый младший среди присутствующих, подбежал к нам, звеня коллекцией из ученических мечей. Лезвия клинков пропахивали за пареньком тонкие полосы в ржавом песке, и это могло выглядеть забавно, если бы не тошнотворное желание выслужиться, которое светилось у него в глазах. Надломив худую спину в почтённом приветствии, он выставил перед собой весь имеющийся арсенал.

Сид все же не выдержал. Не обращая внимания на наследника, он подошел ко мне и склонился к самому уху, заставляя отшатнуться. Тогда парень дернул меня за рукав и отвел в сторону. Принц брезгливо изогнул уголок губ, но не прокомментировал.

— Ну что, доигрался? — Яростное шипение на грани слышимости. — Откажись от оружия, настаивай на рукопашном.

— Что?! — Мои брови невольно поползли вверх, — У тебя с головой не все в порядке!

— Ты идиот, Бес. Если будешь драться на мечах, Дискраль покровсаёт тебя в течении минуты. А так можешь попробовать отделаться синяками. Ты быстрый. Уклоняйся. К тому же, он не любит пачкать свои холёные ручки.

— Я...

Я не могу позволить ему дотронуться до себя! Не из-за того, что страшусь боли, а просто потому, что не могу удержать дар под контролем. Главное успокоиться... Но как это сделать в подобной ситуации?!

— Мы не можем вмешаться, ты понимаешь? Сделать это в состоянии только Карающий — как твой наставник. Просто выиграй время!

О том, что я сама могу отказаться, Сид не упомянул. Значит, предположение, что это позор — попало в яблочко.

— Хватит. — Прервал наше небольшое совещание наследник, — Бес сам в состоянии принять решение, не правда ли?

Сид кивнул, а я лишь сглотнула. В чем-то парень был прав... Достать меня клинком, хоть и ученическим, будет куда проще, чем голыми руками. Порой я физически не в состоянии отбить выпад. Но дар... Знал ли Сид в действительности о моей особенности, если предложил подобный выход?

С другой стороны — я ведь одета. Форма надежно защищает все участки кожи кроме головы, но ведь принц не собирается сворачивать мне шею или душить? Если же получу удар

в лицо, то скорее всего отрублюсь прежде, чем кто-то сумеет хоть что-нибудь понять.

— Ваше высочество, пользуясь предложением, хочу отказаться от оружия.

Наследник слегка склонил голову и протянул:

— Мммм. Твоё право. Так даже интереснее. Арман, вы согласитесь судить наш поединок?

— Как будет угодно, Вашему высочеству, — громыхнул здоровяк, но в глазах его промелькнула искра неодобрения.

Пространство для боя тут же расчистили. Люди окружили нас свободным полукругом. Мальчишки о чем-то тихо шептались, но я была слишком занята, чтобы вслушиваться в их болтовню. Наследник лениво стянул с себя накидку, кинув её подоспевшему рабу, и мне показалось, что без этой детали гардероба, разворот его плеч выглядел ещё внушительнее.

Рубашка не обтягивала, но и не скрывала мускулистые руки, силу которых мне предстояло испытать на себе.

— До первой крови! — Объявил представитель чужаков, и я уже готова была вздохнуть с облегчением, но принц отрицательно покачал головой.

— Разве мы будем прерывать бой ради царапин? Может до потери сознания? Или до первой мольбы о пощаде?

Улыбка на лице ублюдка была столь сладкой, что даже мой страх немного притупился. Он хочет добиться того, чтобы я валялась у него в ногах умоляя не бить меня? Мерзавец, который поспособствовал смерти моего друга. Да я лучше сдохну, чем удовлетворю его желание!

Никто даже не успел сообразить, что произошло, как я кинулась на принца первой, стремясь сыграть на эффекте неожиданности. Обучая меня самообороне, Димка говорил, что в моем случае будет важна внезапность, потому что как бы не была подготовлена девушка, она ни за что не справится с мужчиной, который в два раза её сильнее.

А затем шутил, отвечая, что мне никогда это не понадобится, потому что он всегда будет рядом...

Кто-то в толпе одобрительно заулюлюкал, наблюдая за моей попыткой, но к сожалению, она не увенчалась успехом. Наследник отличился превосходной реакцией, увернувшись от удара в живот. Я едва ушла от ответного, и развернулась, целясь ногой в коленную чашечку.

Не достаточно сильно. Мой ботинок соскользнул по его голени, приводя в негодность дорогие брюки, но не принося никакого практического результата. Принц лишь прошипел что-то сквозь зубы, но остался твердо стоять на ногах.

Молча я попыталась отскочить назад и едва успела. Ещё пара сантиметров, и его кулак встретился бы с моей челюстью. Противник расхохотался.

— Слабости не всегда бывают физическими.

Не слушать его, не слушать!

В движении принц был похож на хищника. Плавный и стремительный до невозможности. Казалось, он даже щадил меня, позволяя уклоняться от его ударов, потому что я не представляла, как спустя минуту все ещё могла держаться на ногах.

Со стороны, наверное, это вообще перестало походило на нормальную схватку. Я уже не пыталась победить или ошарашить, нет. Все усилия были направлены на то, чтобы держать принца на расстоянии.

— И это все на что ты способен? Годишься лишь на корм тварям. Они все время

голодны и наверняка оценят твои попытки сбежать. Знаешь, им чаще достается мертвечина, а это не так интересно, как живая добыча. Я покажу темницу где их содержат после. Думаю, это пойдет тебе на пользу.

Видимо наследнику надоело со мной играть и новый выпад достиг цели. Потеряв концентрацию, я не успела от него отскочить, получив коленом в живот. В глазах на миг потемнело, а дыхание перехватило. Я согнулась пополам.

Решив закрепить результат, мужчина локтем ударил меня по спине.

Песок вдруг оказался невероятно близко, я начала заваливаться на него лицом и едва успела сгруппироваться, чтобы не расквасить нос.

В плече что-то хрустнуло, ознаменовывая новую вспышку боли. Неудачно приземлившись на руку, я взвыла, видя перед глазами лишь черные, начищенные до блеска ботинки. Картинка помутилась.

Кажется, эта тенденция начала входить у меня в моду...

— Не думал, что это будет так просто.

Принц присел на корточки и понизил голос до свистящего шепота.

— Но твой талант ведь не в том, чтобы скулить от боли, правда? Вставай.

— Ваше высочество, это излишне, — голос громилы «судьи» послышался где-то сбоку, — думаю, с мальчика на сегодня достаточно...

— Думать — не ваш конек, Арман. Вставай, Бес, мы ещё не закончили.

Попытка опереться на правую руку обернулась катастрофическим провалом. Я сжала челюсть, лишь бы снова не заорать. Достаточно было сказать лишь пару слов, чтобы прекратить этот балаган, но ещё не сломленная гордость не позволяла выдавить из себя простое: «Я сдаюсь»

На лице наследника промелькнула тень понимания, и было в ней что-то отеческое. «Я знаю, что тебе больно» — говорили его глаза — «Поддайся, и все закончится. Попроси, и я прекращу терзать тебя. Прогнись»

Он потянулся, желая погладить меня по голове, или вцепиться в волосы, чтобы окончательно добить — не знаю.

Это отрезвило. Я сжала здоровую ладонь, черпая горсть горячего песка, и кинула его в лицо мужчины, находившегося в nepозволительной близости от разгадки к одной из моих тайн.

Песок веером разлетелся вокруг, на миг дезориентируя принца. От зажмурился, отшатнувшись, и я воспользовалась его промедлением, чтобы отползти подальше.

Надменное лицо мужчины, которое я только что изгвазила в пыли, исказилось в гримасе незамутненной ярости. С него мигом слетел весь напускной лоск, оставляя на месте холёного наследника чудовище, жаждущее растерзать меня даже на глазах у толпы народа. Черные волосы растрепались, глаза горели, будто в зрачках поселились тлеющие угли.

— Любишь играть по-плохому? — Зашипел принц, и я с ужасом поняла, что до этого он и впрямь лишь забавлялся со мной.

Не желая верить глазам, я наблюдала как на ладонях наследника расцветают яркие языки пламени, не причиняя никакого вреда ему самому. Секунда и огненный сгусток уже танцевал в его руках, едва различимо потрескивая.

Где-то на трибунах раздался крик, и я поняла, что он женский. Принцесса? Я не стала поворачиваться, чтобы узнать точно. Мне не казалось это столь важным. У меня не было сил бежать, сейчас разозленный принц поджарит меня как курицу гриль!

Вновь припав к земле, я трусливо подставила ему спину, поспешно прикрывая голову левой рукой. Лопатки опалила волной жара, а запах гари тут же забил нос. Я закричала, чувствуя, как одежда плавится на спине.

Боже, огонь чудом не задел волосы! Благо, что они короткие, иначе я бы полыхала как одуванчик.

В панике попыталась содрать с себя куртку, умом понимая, что это не поможет. Сколько времени нужно принцу, чтобы повторить атаку? Поврежденная рука никак не хотела справляться с рукавом; жгучие слёзы катились по щекам. Проклятье!

— Не дергайся! Ты не горишь.

Кто-то положил руки мне на плечи, останавливая попытки, и сквозь пелену слёз я разглядела Карающего... Что-то прохладное легло на спину, и я поняла, что это его пиджак. Всего лишь его пиджак. Кипельно-белый, непозволительно дорогой, так отличающийся от формы, которую он всегда носил.

— Почему так поздно? — облегченно вырвалось у меня.

— Потом.

Голос обманчиво-бесцветный. От учителя фонило раздражением и злостью, которые я улавливала подобно радару. Сейчас он не закрывался, позволяя мне впитывать весь спектр эмоций, заражая этой безмолвной, горькой, почти багровой яростью. Будь я объектом его бешенства, сгорела бы на месте, без всякой помощи.

Со свистом втянула в легкие воздух, и Кайрин тут же отгородился, выстроив между нами ментальный барьер. Он ненавидел допускать кого-то в своё личное пространство.

Отпустив мои плечи, Карающий выпрямился. Я же была готова вцепиться ему в руку мертвой хваткой, лишь бы удержать рядом подольше. Я ждала его все это время! Ждала с тех пор как на арене появилась эта процессия, возглавляемая коронованным ублюдком. Ждала, как только Джер отделился от отряда, ринувшись за помощью. Ждала, когда Сид попросил меня выиграть немного времени! И вот он здесь, только вновь хочет уйти...

— Присмотрите за ним.

— Давай, мальчик, вставай.

Воин принцессы почему-то оказался ближе всех. Он осторожно придержал меня за талию, помогая обрести твердую почву под ногами. Я растерялась, ощущая себя пушинкой в его руках, но тут же дернулась, не позволяя этому длиться долго.

— Мы сами справимся с ним, Акула! Обопрись на меня, Бес.

Сид материализовался рядом, и его помощь я все-таки приняла, потому что после произошедшего ощутимо шатало.

— Видел я как вы справляетесь, отправили парня на самоубийство!

— Он отстаивал свою честь, — рыкнул Рад.

— Много ли чести в том, чтобы ввязаться в драку с магом подобной силы?!

— Говорите по собственному опыту, Арман?

— Хватит, — взмолилась я, — не хочу этого слышать.

Сид покачал головой и повел меня прочь. Как ни странно, но остальные потянулись следом, включая даже чужеземца, который вдруг кинулся на мою защиту как раз в тот момент, когда надобность в ней отпала.

Кайрин тем временем быстрым шагом направлялся к принцу, со змеиной улыбкой формирующему в руках новый огненный шар. Черт побери, он собирается с ним драться?! Не буду скрывать, часть меня определённо была этому рада. «Ударь его, втопчи в грязь,

уничтожь, убей!» — нашептывал злой внутренний голос. Будто и впрямь проснулось во мне что-то демоническое, кровожадное — маленький бес, который ворочался в груди, в предвкушении расплаты, пока его добрый брат-близнец, в ужасе вопил, приказывая остановить это немедленно. Все ведь кончено, правда? Они могут договориться на словах?! Бояться за учителя было для меня в новинку... Словно в подтверждение того, что опасения не напрасны, Карающий остановился всего в паре метров от наследника, не предпринимая больше никаких действий.

— Что он делает?!

— Принимает бой за тебя, естественно. — Фыркнул Джеран.

Он практически светился чувством выполненного долга. У меня же зубы сводило от того, что парень считал естественным.

— Как это остановить?! — В отчаянии воскликнула я, но возмущение вызвало лишь сдавленные смешки среди отряда.

— Никак. Сами остановятся, когда надоест.

— Но Карающий даже не пытается нападать!

— Верно. Следующий удар за Его высочеством.

С этими словами принц вскинул руки, обрушая пламенный поток на учителя. Ноги подкосились, и я крепче вцепилась в Сиду, опасаясь вновь перейти в горизонтальное положение.

Огненная стихия остановилась в полуметре от Карающего, обтекая его фигуру по бокам, а затем наследника с силой отбросило назад шквалом из ветра и песка. Принц чудом не упал и тут же сформировал в ладони нечто похожее на огненную плеть. Начало темнеть и вспышка, рассекая воздух была похожа на удар молнии.

— Вот видишь, успел отбить, — Откликнулся Джер, — не переживай, такое уже не в первый раз. Он и тебя поджарить не дал, хотя был достаточно далеко.

Принц наносил удары, а Кайрин с легкостью парировал их, порой направляя против самого наследника. На арене похолодало, и я поёжилась под порывом налетевшего ветра. Он кружил, поднимая облака из песчаной пыли, хотя четверть часа назад не было даже намека на надвигающуюся бурю. Да и знала я уже, что город защищен от непогоды, которая с регулярной периодичностью бушевала за его пределами. Просто воздух — стихия Карающего.

Почему я сразу не удосужилась об этом спросить? Почему думала, что его способности ограничиваются лишь невосприимчивостью к чужому воздействию?! Я так забылась, расслабилась, ушла в тренировки, пытаясь заглушить горечь от собственного несчастья, что в действительности едва ли обрушала внимание на то, что творилось вокруг.

Зрители ликовали, наблюдая за происходящим, а я никак не могла сглотнуть тугой комок, вставший поперек горла. Идиотка.

— Нужно позвать лекаря, у него скорее всего сломана рука — продолжал гнуть свою линию Арман.

Я потеряла нить обсуждения наблюдая за тем как принц создает новую огненную спираль, но запротестовала, услышав об упоминании целителя.

— Нет! Это просто ушиб, я дождусь Карающего!

Кого обманываю? Рука распухла и висела плетью, я морщилась от боли всякий раз, когда пыталась ей пошевелить. Мне конец, я не справлюсь с этим самостоятельно. Рахиль... Нужно каким-то образом встретиться с женщиной и попросить её о помощи.

Мысль о том, что женщина наверняка не умеет срывать кости мановением руки, я постаралась отогнать подальше.

— Позвольте мне посмотреть.

Надломленный голос принцессы стал неожиданностью. Она спешила к нам навстречу, а за ней семенила троица женщин, ахающих, охающих и всячески пытающихся её остановить.

— Ваше высочество, одумайтесь, вы не должны этого делать!

— Меня учили целительству, я знаю, что смогу помочь. И помогу.

Только этого не хватало! Не смотря на напускную браваду, принцесса выглядела слегка растерянной. В голосе звенело беспокойство и нерешительность, смешанное с... Сожалением? Не столкнусь я с этой особой раньше, и правда бы могла подумать, что ей меня жаль.

Только вот небольшой скандал, что принцесса закатила Карающему в первый день моего пребывания здесь, никак не сходилась с образом жертвенного благородства, который она сейчас выставила на всеобщее обозрение подобно золотой медали за отвагу. И пришла она сюда отнюдь не с добрыми намерениями, сопровождая человека, который чуть не вогнал последний гвоздь в крышку моего гроба.

— Позвольте.

Арман поддержал королевскую особу в её бредовой инициативе.

— Нееет, нет, нет, нет... — Простонала я на одном выдохе.

Тело постепенно начали покидать силы. Я навалилась на Сиду всем корпусом, едва передвигая ногами. Разбираться ещё и с принцессой у меня не было никакого желания. Только бы добраться до... До чего я помнила весьма смутно.

— Он начинает бредить, — резюмировал Рад, тут же поставив диагноз: — Это от болевого шока. Бледнеет на глазах.

— Нет у меня болевого шока! — Хотела произнести это как можно более уверенно, но получилось вяло и безжизненно.

— Чем вы сможете помочь, Ваше высочество?

Решительный голос Сиды мне не понравился. Предатель! То, что Эллиаль стала действовать не в угоду своим интересам, могло только насторожить. Будущие жены императора не должны заниматься врачеванием. По всем канонам империи, она не может даже в глаза мужчинам смотреть, не то что помогать им с ранениями! А сейчас именно так это и выглядело...

— Мой дар позволит на время утихомирить боль и затянуть некоторые раны. Только необходимо раздеть его. Я не смогу работать через одежду.

Холодный под прошиб градом, выступив на лбу крупными каплями. Я не смогла понять, было ли это действительно последствием ранения, или слова девушки меня так сильно напугали. Скорее всего, и то и другое повлияло в равной степени.

На лицах собравшихся мужчин читалось сомнение. Принцесса была ходячим пособием по наращению местных запретов. Но они сдавались...

Я чувствовала, что отряд Карающего был серьёзно обеспокоен моим состоянием. Настолько, что готов был передать подопечного в руки чужестранки, способной стабилизировать моё состояние хотя бы на первое время, до прихода настоящей помощи.

— Тогда отведем его на трибуны, подальше от чужих глаз.

Видно, решение далось Сиду тяжело, но он согласился.

Меня потащили прочь с арены, а я вцепилась в пиджак Карающего будто он был

спасительным плотом в бескрайнем бушующем океане. Сил на сопротивление практически не осталось, и я в безмолвной мольбе обернулась, ища поддержки в лице учителя.

Да и будет ли Кайрин помогать вновь, ведь на первый взгляд намерения принцессы были исключительно благими. Как я смогу ему объяснить, что меня нельзя раздевать?! От страха начало потряхивать, и спутники наверняка сочли это за ухудшение состояния.

Плевать! Пусть лучше будет один, чем целая толпа.

— Дайте мне поговорить с Карающим!

— Вот осмотрим тебя, тогда и поговоришь... — примирительно буркнул Джеран, явно считая просьбу очередной блажью.

— Немедленно!

— Сдаётся мне, сейчас он немного занят. — Хохотнул Сид, и я как никогда возжелала, чтобы парень провалился на месте. Даже когда от отвечивал мне на тренировках пинки, желание это не было столь острым.

Отчаяние захватило сердце. Я бросила очередной взгляд назад. Ты же чувствуешь меня, знаю, что чувствуешь... Так помоги!

Карающий будто услышал. В первые я была рада, что кто-то имеет доступ к моим эмоциям. Наследник сделал последний выпад, но он был куда слабее чем в начале боя. Пламя вспыхнуло, а затем угасло, будто впитавшись мужчине под кожу, а его самого пригвоздило к песку порывом ветра.

Принц не смог встать, а Карающий, не обращая внимания на данный факт, направился к нам.

Спасибо, спасибо, спасибо!

Принцесса же забеспокоилась.

— Что с ним?! Он не может подняться! — Спросила она, в сущности ни к кому конкретно не обращаясь, но тут же получила ответ.

— Истощение, — апатично вымолвил Рад, — создавать огонь на пустом месте сложно, а вот в воздухе обычно нет недостатка. И встать Его высочество наверняка в состоянии, только ему не дают...

Покачав головой, Эллиаль стянула с рук тонкие перчатки. Все-таки собирается меня лечить.

— Ваше высочество, как же так? — Яду в моем голосе было не занимать, — Вы разве не поможете Его высочеству? Пойдите, поднимите его, я обожду!

Девушка вздрогнула, будто я отвесила ей пощёчину.

— Бесман, пожалуйста, я не знала, что все так обернется.

Голос её и правда отдавал досадой, но мне было все равно на то, что чувствовала принцесса. Пока Эллиаль оставалась для меня угрозой, лучшее, что можно сделать — оттолкнуть её, заставив испытывать неприязнь. Как же жаль, что в действительности мы чем-то похожи. Может она запугалась? Выбрала не тех союзников в ворохе интриг, которые здесь творились и сейчас растерялась, поняв, что наследник не столь мил, как кажется на первый взгляд?

Однако все мои догадки оставались лишь догадками. Я не знала, стоит ли ей доверять и не намередовалась подпускать к себе даже на пушечный выстрел.

— Что здесь происходит? — Кайрин подошел к нам бесшумной плавной походкой, и я тут же вырвалась из поддерживающих объятий Сида, проковыляв к учителю.

Парень осуждающе поджал губы, видимо сочтя меня совсем беспомощной и поспешил

вести Карающего в курс дела:

— Бес ранен и Её высочество Эллиаль предложила помощь. Все наслышаны о способностях магов её порядка, и мы решили, что это не будет лишним.

Принцесса заледенела, стоило Кайрину оказаться рядом. Она повела плечами и выпрямилась, став на вид ещё более чопорной чем прежде.

— Значит, вы не только калечите, но и лечите. Похвально, Ваше высочество...

Эллиаль на выпад учителя не ответила. Женщины за её спиной вообще не подавали никаких признаков заинтересованности в разговоре. Несмотря на то, что они никуда не уходили, я не совсем не чувствовала их присутствия. Вот что значит настоящая покорность.

Кайрин прищурился, вопросительно посмотрев на меня. Он все ещё был зол, но не так как прежде. Раздражение смешивалось с заинтересованностью. Я знала, что в этот самый момент он тоже читал мои эмоции, но не могла никак этому противостоять. Честно говоря, и не хотела.

Этот день смертельно утомил меня, и все что я могла сейчас желать — оказаться подальше от этой своры из благодетелей, чтобы как кошка зализывать свои раны в гордом одиночестве.

— Я не позволю дотрагиваться до себя какой-то... бабе.

Готова поспорить, что скрытое чадрой миловидное личико принцессы, перекошило от оскорбления. Я была уверена, что мои слова заденут Эллиаль. Меня бы задело.

— Вы глупый мальчишка! — Бросила девушка, но я лишь поморщилась, состроив пренебрежительную гримасу. Благо, это было не сложно, при учете, что боль и без того мешала мне удерживать нормальное выражение лица.

— Отправляйтесь к себе, принцесса. — Прервал нашу маленькую пикировку Карающий, — Думаю, если моего ученика не нужно вытаскивать из-за грани, ваша помощь будет излишней. Не трагте свои силы понапрасну, я сам отведу его к целителю. Все остальные свободны.

Расходиться никто спешил. Отряд так и остался стоять на месте, пока я, опираясь на руку Кайрина, покидала место своего позора.

— Идти нормально сможешь?

Судя по всему, учитель был не уверен, но я сухо кивнула, упрямо сцепив зубы. Он не стал спорить.

Лицо Акулы, мимо которого мы проходили, было испачкано пренебрежением. Кажется, моё оскорбление в адрес принцессы, задело его больше чем саму коронованную особу. «Успех, Сашка! Всего за пару минут ты настроила против себя человека, который совсем недавно тебя жалел!»

Да и к черту эту проклятую жалость!

Странно, что он не бросился на защиту чести Её высочества. Наверное, счел ниже своего достоинства связываться с «ребёнком», который в добавок ко всему, был сейчас ещё и калеккой. Но я не сомневалась, что воин это запомнил...

— Тебе не стоит беспокоиться начет него. Старая закалка. Детей не бьёт, даже если они сами напрашиваются. — Кайрин будто озвучил ответ на мои невысказанные мысли, и пояснил, — ты волнуешься и смотришь на него как на угрозу.

Я скрыла усмешку за неуместным кашлем. Проще было сказать в ком я сейчас не чувствовала угрозы для своей многострадальной шкуры, чем наоборот. Верно самая серьёзная опасность в данный момент помогала мне не упасть, запутавшись в собственных

Путь до дворца я не запомнила совершенно. Очнулась только когда почувствовала, что подпираю собой стену от усталости. Каменная кладка холодила затылок, а где-то рядом Карающий ковырялся в замке, едва слышно чертыхаясь. Вернее, я не могла точно перевести слова, рядом с которыми поминались имена местных богов, но была уверена, что это что-то нецензурное. Затем дверь поддалась, и меня осторожно втощили внутрь.

Перед глазами все кружилось, очертания предметов плавилась как глазурь на солнце, так что я не сразу поняла куда мы пришли. В мыслях бродили какие-то бредовые объяснения, будто сшитые на пьяную голову, и я никак не могла решиться их озвучить.

Силы таяли на глазах, оставляя после себя лишь причудливый коктейль из тревоги и ощущения беспомощности.

— Не смей падать в обморок!

Кайрин заметил, что я вот-вот готова вырубиться, и решил, что лёгкая пощёчина будет не лишней. Я застонала.

— Не нужно меня бить, если ты ещё не заметил, мне и так достаточно больно!

Однако, взглянув на учителя, я поняла, что причиной его поступка была вовсе не черствость, а волнение, которое пробивалось даже сквозь железную броню напускного спокойствия. Его излюбленная маска под названием: «я держу под контролем все на свете» давала тонкие трещины.

Это осознание заставило меня криво усмехнуться, а его — вновь сменить милость на гнев.

Карающий мягко отобрал у меня свой пиджак, и я помечу-то восприняла эту потерю как личную обиду. Простая вещь казалась сейчас единственной защитой, второй кожей, коконом в котором было тепло и уютно.

Стресс сыграл со мной злую шутку, заставив ощущать все вокруг как никогда остро.

— Садись и не двигайся, — учитель поджал губы, как только попытка отцепить мои пальцы от лацканов пиджака прошла успешно.

Ноги подкосились, подчинившись команде, и я рухнула на что-то мягкое. Кровать... Тут же откинулась спиной назад, больше не собираясь держать тело в вертикальном положении. Почувствовав, что необходимость в движении отпала, оно моментально превратилось в мешок с костями, наотрез отказавшись следовать доводам рассудка.

Послышался звон стекла. Я не нашла в себе сил даже на то, чтобы скосить глаза, изучая немигающим взглядом потолок чужой комнаты. Он привел меня к себе...

Уже находясь в состоянии близком к обмороку, я начала сползать с кровати. Кайрин, естественно, заметил мои вялые попытки к бегству. В руках у него уже был бокал с неизвестным мне содержимым, а на лице отражалось стойкое недоумение.

— Что ты делаешь?!

— Я в грязи, запачкаю твою дорогушую мебель, — прохрипела, привалившись к бортику постели, — В прошлый раз, помнится, ты обещал заставить меня выдраить все здесь собственными руками.

— Есть же на свете место, где рождаются идиоты подобные тебе. Я бы не заставил раненного убирать за собой кровь... — Карающий шумно выдохнул, — Пей.

— А до крови пока и не дошло...

— Я говорил образно. Замолчи и пей.

Он прислонил к моим губам бокал с мутной жидкостью, пахнувшей травами и спиртом. Я плотнула даже не спросив, что там было намешано, да и какая разница? Уверена, прояви я сопротивление, Кайрин насильно влил бы эту гадость мне в глотку, ни на секунду не поддавшись мукам совести. Это было в его духе...

Вкус оправдал все ожидания. Я закашлялась, едва сдерживаясь, чтобы не выплюнуть эту дрянь обратно вместе со внутренностями. Горькая как полынь, она напоминала ненавистный левомецетин, который я пила как-то в детстве и запомнила этот безрадостный момент на всю оставшуюся жизнь.

Карающий присел рядом. Grimаса отвращения, перекрывившая моё лицо, вызвала у него лишь тень улыбки.

— Обезболивающее. В юности учитель сломал мне руку в двух местах, за то, что я покинул свой пост во время ночного дежурства. Тогда в империи было спокойнее, но из-за моей оплошности бежала пара рабов, вывезенных из заграницы. Пришлось выпить целую бутылку этой настойки, пока подслеповатый лекарь сращивал мне кости. Только не дергайся, нужно срезать рукав.

Лекарство начало действовать мгновенно. Боль отступила, но я была слишком ошарашена, чтобы этому обрадоваться. Он рассказывал мне о себе? Переварить услышанное было достаточно сложно. Да у меня просто язык отнялся, от того, что я не могла представить, чтобы Карающий хоть один раз в жизни проявил халатность по отношению к работе.

Я даже не обратила внимания на то, как он тонким кинжалом начал вспарывать мне рукав. Понятия не имею где Кайрин его прятал, потому что свободная белая рубашка и шаровары не были предназначены для ношения оружия. Он вообще пришел на тренировочную площадку одетый по всем канонам дворцовой моды, не вычурной как у многих здешних жителей, но и не слишком практичной.

Моя же форма стремительно приходила в состояние полной негодности. Плечо распухло, и теперь снять её было проблематично.

— Это жестоко, — пробормотала я, — неправильно...

— О, только давай без жалости, — его пальцы прошлись по коже, изучая раненную конечность.

Я же не хотела смотреть на руку, захлёбываясь возмущением. Эмоции рвались наружу, грозясь превратиться в слова, о которых я обязательно пожалею. Черт, я даже позабыла, что к учителю нельзя обращаться на "ты". Давно позабыла...

— Да я ненавижу вашу империю и все, что с ней связано! Любой проступок должен рассматриваться в суде в соответствии с законом. А у вас... У вас нет никаких законов! Если человек имеет власть, он может сделать с тобой что угодно. Ломать руки, продавать, использовать — в порядке вещей! Это неправильно, потому что по природе своей все равны. Если хочешь знать, я рад, — впервые запнулась, вовремя проглотив последнюю букву, и продолжила уже не так яростно, — что те рабы сбежали.

— Сбежали, прихватив с собой пару жизней ни в чем неповинных горожан, — Кайрин обхватил мою руку и дернул, выбивая весь воздух из легких. Обезболивающего все-таки было мало. — У тебя вывих. И ты ошибаешься, если думаешь, что здесь все равны. Одаренные стояли выше с самого сотворения мира, без них он бы развалился на части в считанные годы. Особенно в империи. Простые люди не в силах справиться с песками, не в силах справиться

с Шиа, и жертвы, которые приходится нести — плата за относительное спокойствие. Ты ещё поймешь, когда научишься видеть по-настоящему, а не смотреть дальше своего носа, Бес.

— Считаешь, что твоё наказание было заслуженным?!

— В какой-то мере. Я предвидел последствия. Теперь все остальное...

— Остальное?!

Я не поняла, о чем он говорил, пока не увидела, что Карающий решил срезать с меня всю оставшуюся часть формы. Все недополитические разговоры тут же выветрились из головы.

— Стой, не надо!

Было уже поздно. Треск ткани оглушил. Захотелось дернуться, отскочить, но получилось лишь вжаться в спинку кровати. Я вдруг поняла, что все эти разговоры, он завел лишь для того, чтобы отвлечь меня. Получилось... Кайрин выбрал тему, зная, как я на неёотреагирую, зная, что она мне не понравится. Боль притупила чувства, и он, скорее всего, тоже с этим постарался. Куртка расползлась, выставляя на обозрение голый живот и повязку на груди, пуговицы посыпались на пол, бесшумно утонув в мягком ворсе ковра. Сейчас мне было его не жалко...

Не скажу, чтобы на лице Кайрина отразилось удивление. По нему вообще сложно было что-то понять. Он лишь склонился ближе, так, что льняные пряди волос, спадающие по его вискам, шелохнулись от моего прерывистого дыхания.

Кончиками пальцев он оттянул вниз бинт, который сам же мне выдал неделю назад вместе со всеми лечебными снадобьями, и который я использовала не совсем по назначению.

— И как долго ты собиралась водить меня вокруг пальца?

Угрожающий шепот и холодная ладонь, спустившаяся вниз — к ребрам, стали катализатором паники.

Я рванула вбок, но тело не слушалось. Словно воздух поменял плотность и каждое движение в нем давалось с трудом. Это показалось мне неестественным даже не смотря на вывих и усталость.

— Пусти меня! И не прикасайся ко мне! — Зарычала я, почувствовав неладное, — Хочешь знать, как долго? Сколько получится! В идеале — пока мы не разойдемся как в море корабли! Пока не вернусь домой!

Кайрин отстранился, но ощущение, что я не смогу встать с места без посторонней помощи осталось.

— Твоё возвращение напрямую зависит от выполнения договора, и своей ложью ты только усилила вероятность срыва операции. Выходит, не так уж тебе и нужен этот дом...

От его ледяного тона у меня шея покрылась мурашками. Я сделала глубокий вдох, затем выдох. Получилось нервно и сбивчиво. Сердце шумно колотилось, отдаваясь грохотом в ушах.

Зато Карающий, кажется, взял себя в руки. На мог он прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и вновь вернулся в то состояние, которое меня жутко бесило. Пугало. Я не могла понять, о чем он думает, что собирается делать, и как мне под это подстраиваться. Он был закрыт.

Как же мне хотелось сейчас научиться делать так же. Казаться такой же холодной, отрезать от него свои чувства. Но нет, я просто повторила, выделяя каждое слово:

— Отпусти. Меня.

— Я не применяю силу. — На лице Кайрина появилась змеиная улыбка. — Это лекарство. Помимо обезболивающего эффекта оно имеет и другой — парализующий. Раненные порой проявляют слишком много прыти, в результате чего могут навредить себе, и яд орсы помогает предотвратить некоторые недоразумения. Пожалуй, сегодня я прогадал с дозировкой, она была слишком мала для тебя.

— Ты дал мне яд?! — От шока я больше не могла ничего вымолвить, — Ублюдок...

— Таким родился, — бесстрастно ответил он.

Только произнеся оскорбление, я поняла, что оно попало прямо в цель. Но слово не воробей, забирать его обратно было уже поздно. И не хотелось мне просить прощения при таких обстоятельствах. А может стоило бы? Злить мужчину, которому ничего не стоит растоптать тебя как надоедливое насекомое — все равно, что согласиться на эвтаназию.

Слёзы покатались по щекам, а я уже не могла даже руку поднять, чтобы их вытереть.

Кайрин замешкался.

— Перестань.

Будто это так просто... Я молчала, потому что боялась — если открою рот, буду давиться рыданиями. Большого унижения уже и представить невозможно.

Пришлось зажмуриться до такой степени, что перед глазами начали мелькать разноцветные точки. Что было бы, расскажи я ему все раньше? Добровольно, как советовала Рахиль. Интересно, как она себе это представляла? "Извини, Карающий, мне нужно серьёзно с тобой поговорить. Знаешь, на самом деле я девушка. Надеюсь, это никак не изменит твоего отношения ко мне. Тут у вас все держат женщин за скот, но я думаю, что ты сделаешь для меня маленькое исключение. Заварим чаю?"

Щеки коснулось что-то мягкое, вытирая набежавшие слёзы. Похоже это был его рукав.

— Мне было страшно... — Призналась я, — страшно сказать.

— Я понимаю, — Севшим голосом отозвался Кайрин.

Я открыла глаза, чтобы посмотреть на выражение его лица. Буря миновала, и оно стало почти привычным — отстраненным, с примесью усталости и разочарования.

— Как давно ты узнал?

— Я не знал, только догадывался. Не по поведению, хотя, в нем присутствуют странности, большую часть из которых можно списать на особенности дара. Я сказал парням из отряда, что им придется тренировать видящего, и они легко приняли, тот факт, что ты всегда появляешься на арене в наглухо закрытой одежде. Остальные встречают тебя недостаточно часто. Я постарался выстроить твоё расписание так, чтобы свести на минимум вероятность встреч с обитателями дворца, пока ты не освоишься, но вскоре понял, что это будет труднее, чем мне казалось. Ты никогда не расслабляешься, не подпускаешь к себе даже меня, хотя знаешь, что твой дар на меня не действует. Запираешь свою комнату на все замки. Знала, что я могу их открыть? Тебя выдают эмоции. Сейчас ты смущена.

Карающий усмехнулся краешком губ и начал стаскивать с меня остатки разорванной одежды. Естественно, я была смущена! Причем, недостаточно сильно, потому что все ещё была одурманена из-за зелья и усталости.

— Что ты собираешься делать? — сдавленно выдавила я.

— Осмотреть твою спину, зафиксировать руку. Дискаль хорошо по тебе прошелся.

Я почти потеряла способность двигаться, но могла чувствовать, как кожа покрывается мурашками от его осторожных прикосновений. Это было так унижительно — принимать помощь человека, который только что прижал тебя к стенке, уличив во лжи.

Я сглотнула, попытавшись побороть себе стыд, но кажется, в случае с Карающим это было бесполезно. Капелька пота скатилась вниз по шее, намочила повязку, без того уже влажную и слегка сероватую от пыли.

— Я не буду снимать, если хочешь, — Карающий заметил, как нервно дернулось моё горло.

— Не надо... И я хотела спросить, что ты собираешься делать со мной потом.

Для меня стало неожиданностью то, что Кайрин внезапно разозлился.

— А что по-твоему я должен сделать? — Он заломил одну бровь, чересчур резко стягивая с меня разорванный рукав. — У нас есть договор, и ты выполнишь его будь хоть женщиной, хоть гадом ползучим. Все останется так как есть... Но только попробуй солгать мне ещё один раз. Надеюсь, это понятно?

— Понятно.

Мой шепот вряд ли можно было назвать уверенным, но Карающий удовлетворенно кивнул.

— Отвратительно выглядишь, — отметил он, рассматривая свежие и не очень синяки на моем теле. Цветовая палитра, от фиолетового до болотно-желтого, украшала кожу уродливыми пятнами.

Что ж, тактичность никогда не была его сильной стороной. Но через несколько минут я убедилась, что частично она в нем все же присутствовала. В каком-то очень извращенном смысле...

Он посмотрел на меня, будто прикидывая что-то в уме.

— Знаешь, я все-таки передумал...

— По поводу чего? — Настороженно спросила я.

Кайрин покачал головой, а потом коснулся моей шеи. Легко, почти нежно. Я не заметила ничего, что он смог бы зажать в пальцах, но почувствовала резкий укол в области затылка.

— Что...

Ты задумал. Договорить я не успела, потому что язык прилип к небу, а перед глазами все поплыло. Голова безвольно откинулась назад.

Пустота...

В последнее время я не видела снов. Стоило телу ощутить мягкость матраца, как реальность меркла, растворяясь в теплом уюте беспомысленности. Раньше я и не думала, что оно может быть таким приятным. Пахнувшим крахмаленными простынями и сухим полуночным воздухом.

Просто коснуться подушки и забыть обо всем до рассвета, пока не разбудит глухой стук в дверь — единственное блаженство, которое я могла себе позволить.

Но не сегодня. Сегодня я не легла спать. Я четко помнила, что Карающий меня вырубил. Кажется, вколол мне какое-то снотворное... Хотя, это больше напоминало транквилизатор. Лошадиную дозу, если учесть, как быстро он подействовал...

И все же, я видела сон впервые за несколько недель. Пугающий, удушливый и липкий, из того разряда, которому предпочитаешь блаженную темноту.

Даже сейчас я не могла пошевелиться, когда пространство вокруг меня жило, преобразовывалось, по кусочкам собиралось в картину, которую мне не хотелось видеть.

Это была комната в квартире Димкиной сестры; мы делили её всего одну ночь. Только выглядела она уже не так, как я её запомнила. Слегка неряшливой, пыльной, тусклой. Шторы свисали с гардин унылым серым полотном, пропуская внутрь лишь пару солнечных лучей.

Мама сидела в кресле, нервная и подавленная, трясущимися руками разбирая сумку с не распакованными вещами. Ту самую, что я брала с собой отправляясь на злополучную свадьбу. Чертову свадьбу, на которую нельзя было ехать.

Черная футболка. Невиданная редкость — небесно-голубого цвета платье, которое я купила специально на праздник. Джинсы. Всякая мелочь. Паспорт. Она неспешно брала каждую вещь в руки и рассматривала, будто видела впервые.

Милена деликатно постучалась, заглянув в приоткрытую дверь. Она даже отдалённо не напоминала счастливую невесту, встретившую нас на вокзале. Ни следа косметики на лице, глаза влажные и покрасневшие, будто затуманенные.

— У полиции есть новости? — Отстраненно спросила мама, даже не посмотрев в её сторону.

— Есть... Их рюкзаки нашли неподалёку от реки.

— Слишком долго. Они попросили меня пересмотреть её вещи, лишь бы не начинать поиски. Будто мой ребёнок, неразумный подросток, который мог сбежать, не сказав никому ни слова!

— Ещё есть надежда, не так много времени прошло. Полиция ведет поиски, и я собираю группу добровольцев, которые пойдут вдоль реки. Следов крови нет, они могли заблудиться...

Господи, да что она несёт?! Милена сама не верила в свои слова, но ей видимо хотелось, чтобы они оказались правдой.

— Заблудились, бросив свои рюкзаки? Потеряв телефоны?! Сколько ещё пустых гробов мне придется похоронить прежде чем это закончится?! Не рассказывай мне сказки. Я давно в них не верю.

Мила побледнела. Её рот перекривился так, будто она вот-вот была готова расплакаться. Мама подскочила с кресла, и приблизилась к девушке, протягивая ей руки. Она хотела её обнять, но так и не смогла, лишь скованно погладила по плечам.

— Прости, дорогая, прости... Сказала не подумав. Когда мы отправляемся на поиски?

— Мама, я здесь... Мама... Мам...

Мне захотелось позвать её, прижаться к ней, обвив руками спину. Утонуть в едва слышном запахе краски и растворителя, смешанном с цветочными духами. Я ведь жива, я рядом... Но меня не найдут.

— Мама!

Она обернулась, будто что-то почувствовала, но комната за её спиной была пуста.

— Поговорим на кухне вместе со всеми? Не хочу здесь больше оставаться.

— Мам, не уходи, пожалуйста, мама!

Я не могла её догнать, не могла дотронуться, наблюдая за происходящим откуда-то из угла комнаты, в крошечной тени. Может я сама была тенью?

— Очнись... Давай же, просыпайся! — Мужской голос вторгся в видение, заставив комнату подернуться рябью.

Я распахнула глаза, и в них хлынул свет, столь яркий, что на него было больно смотреть. Уже неясный образ из сна растворялся в нем подобно зыбкому туману, а мне все ещё хотелось дотянуться до него, поймать. Там была мама...

Чужая рука легла на сгиб локтя, и я не думая ухватилась за неё, потянув на себя. Кровать подо мной прогнулась, а плечо пронзила острая, ноющая боль. Это заставило тут же расцепить пальцы.

— Проклятье! Я просто хотел тебя разбудить.

Проморгавшись, я обнаружила, что надо мной навис Кайрин. А точнее, он упирался одной рукой в подушку, на которой покоилась моя голова. Похоже, учитель не ожидал того, что его схватят и чуть не упал прямо на меня.

Солнечный свет — прозрачный и мягкий, каким он бывает только по утрам, проникал через открытый балкон, путался в его белых волосах и делал все вокруг сюрреалистично ярким.

В первый миг я не могла пошевелиться, а потом резко начала выпутываться из плена легкого одеяла. Идея была не самой удачной. Тело ломилось так, будто я всю ночь пролежала на холодных камнях.

Быстро сориентировавшись, Карающий придавил меня к кровати. Заведя здоровую руку мне за голову, он обездвижил ноги, которыми я норовила его лягнуть, своим коленом. Я со зла зашипела, и сама подивилась тому насколько по-кошачьи угрожающе это звучало.

— Давай я сейчас тебя отпущу, а ты не будешь делать резких движений? Знаешь ли, обидно, когда стараешься, лечишь кого-то, а он этого не ценит. Мы же заключили сделку, Бес. Или как тебя там на самом деле?

Брови Кайрина были сдвинуты к переносице, а слова пропитал черный сарказм. Почувствовав, что веду себя неразумно, я медленно кивнула.

Плавно растягивая каждый жест, он отпустил меня. Причем сделал это в такой издевательской манере, будто играл на публику, изображая безоружного охотника, который нарвался на рысь, и теперь пятился назад, стараясь её не разозлить.

Дышать сразу стало легче. Не в физическом плане, нет. Карающий действовал профессионально, и его захват не причинял боли, но энергетика, если не удушала, то сковывала.

Ощущать гибкое мужское тело так близко к своему, понимать его силу и превосходство над собственным — было страшно и волнительно одновременно. И мне понравился его

запах. Раньше я этого вовсе не замечала, но сейчас мне показалось, что он пахнет небом... Странное, всеобъемлющее сравнение, которое одновременно вбирало в себя все, что я так любила — прозрачную колкость морозного утра, свежесть ветра, чистоту предгрозового озона, разлитого в воздухе как эфир. Аромат невозможно было разобрать по нотам, как дорогой парфюм. Он был естественным, слишком простым и слишком сложным одновременно...

Вновь оказавшись на свободе, я решила действовать менее порывисто. Сняв подушки, попыталась сесть. Возможность двигаться вернулась, что не могло не радовать, но после излишне бурного пробуждения начала кружиться голова, как от легкого праздничного похмелья. Отличия были лишь в том, что после пьянки чаще всего остаются более позитивные воспоминания. Мне же досталась издевательская ухмылка наследника, формирующего огненный шар, и вязкий как болотная топь наркотический сон... Последний не мог быть правдой. Мне не хотелось такой правды.

Он, как и необычная чувствительность к запахам, наверняка был вызван той дрянью, которую Карающий мне вколол и той, которой напоил. Готова поспорить, вместе они вступили в реакцию, оставив после себя эти отвратительные побочные эффекты.

— Чем ты меня накачал? Черт побери, зачем? Я даже сопротивляться не могла...

Из горла вылетело воронье карканье. Карающий промолчал, но ответа и не потребовалось, я и без слов все поняла. Ему так было проще... Проще возиться с бесчувственным телом. Он меня раздел! А если говорить точно — раздел, вымыл, зафиксировал руку и, кажется, обработал чем-то самые заметные порезы и синяки. Испорченную форму сменила чистая белоснежная рубашка с чужого плеча — свободная, тонкая, приятно льнущая к телу, но с первой секундой вызвавшая у меня отторжение, потому что в ней уж никак не получалось чувствовать себя защищенной.

Я никогда не страдала болезненной стеснительностью и увидеть на моих щеках румянец можно было крайне редко, но сейчас, наверное, кожа покрылась лихорадочными красными пятнами. Лицо и шея горели от прилившей к ним крови.

— Не думай, что я получал от этого удовольствие, — отозвался Кайрин, правильно растолковав течение моих мыслей.

Я проглотила отборный мат, который вертелся на языке. Если он считает, что я закачу истерику, то глубоко ошибается.

— Можно вернуть мне мою одежду?

Спокойно сказать не получилось, так что я процедила это сквозь зубы.

Кайрин вздохнул.

— Боюсь, что заштопать её уже не получится. Так как тебя зовут?

Вопрос меня немного озадачил, я ожидала, что Карающий продолжит иронизировать, но он резко сменил тему, не дав проскользнуть в своем поведении даже намеку на пренебрежение.

— Александра. Да и какая разница? Бес — прозвище, друзья считают, что мне очень подходит. Так у нас зловредных духов называют.

Я отвернулась, уставившись в окно, хотя с кровати любоваться пейзажем было практически невозможно. Взгляду открывался только кусок бирюзового неба, безоблачного и матового.

— Кайрин. Будем знакомы?

Мне все-таки пришлось посмотреть на Карающего. Он на полном серьезе мне

представился. Не по званию, как прежде, а просто назвав своё имя, будто мы виделись в первый раз, встретившись где-нибудь на улицах города, и завязав мимолётное знакомство... Затем осторожно присел на край постели и выжидательно протянул мне ладонь.

Что творится у него в голове? Помедлив, я ошарашенно ответила на рукопожатие.

— А теперь мы начнем все сначала.

— Это так не работает, — буркнула я, — мы не сможем стереть себе память.

Кайрин пожал плечами.

— Ты помнишь эту ночь? Я вот совершенно забыл.

Его губы тронула едва заметная улыбка, и мне от чего-то тоже захотелось улыбнуться в ответ. Сначала сам вывел меня из строя, а теперь прикидывается, что ничего не произошло. Это было смешно и... приятно?

Ведь начни он отчитывать меня, осуждая за проявленную слабость, нервы точно этого бы не выдержали.

— Расскажешь, что тебе снилось?

* * *

Лис стоял на открытом балконе, облокотившись на каменные перила и смотрел вниз, на площадку, где его игрушка осваивалась в новой для себя роли. Парень ещё не знал, какие планы для него готовил принц, хотя тот уже был уверен, что затраченные средства себя оправдают.

Прошло без малого две недели, а пойманный на территории дворца чужак, все так же бурлил злостью. Ей можно было любоваться как произведением искусства. Ненависть кипела в каждом его движении, в каждом шаге, в каждом замахе клинка, владение которым он только начал осваивать.

— Вам нравится?

Гафур подошел сзади. Лис сделал вид, будто не заметил, как тот старался застать его врасплох, мягко переступая с пятки на носок. Работорговец хоть и был довольно ловок при всей своей грузности, но все же тишиной и грацией кошки не обладал.

— Нравится, но это не ваша заслуга, парень уже был тренирован.

Принцу не нужно было смотреть мужчине в лицо, чтобы понять — тому хотелось похвастаться. Всего несколько недель, а уже такие успехи! Ведь Гафур ожидал, что намучается с новеньким; принц дал лишком короткие сроки, и в них почти невозможно было уложиться.

— Не ожидал, сам не ожидал, Лисаяр джан. Превосходный экземпляр, превосходный...

— Бросьте, — Лис был не в настроении продолжать пустые расшаркивания, — лучше расскажите, друг мой, как он ведет себя с другими рабами.

Гафур откашлялся, пытаясь придумать во время заминки правильный ответ, однако, ему все равно казалось, что принц почувствует, выловит даже самую малейшую лож, что скрывалась за сладкими речами, которыми он потчевал обычных клиентов. Побрали бы зыбучие пески этого императорского отпрыска! Будучи самым щедрым из покупателей, он являлся ещё и самым неудобным из них. К такому не знаешь с какой стороны подступить, чтобы не попасть в немилость.

— Скверно, — Наконец выдал он из себя, предпочтя ответить правдиво, но мягко, —

Ни с кем не общается, постоянно устраивает стычки, недавно покалечил сокамерника. Хороший был товар! Я много потерял, потратившись на его лечение! Пришлось моим парням сбить спесь с этого вашего зверёныша, но ему все без толку!

— Я оплачу непредвиденные расходы, — бесцветно отозвался Лис, быстро распознав куда клонит работорговец.

Он беспечно шаркнул носком дорогой туфли по каменной поверхности пола, и вниз полетело мелкое крошево, падая на головы ближе стоящих рабов. Брата это наверняка бы позабавило... Лису же внезапно стало противно от самого себя, но он быстро загнал эти мысли куда подальше.

В это время его новая игрушка что-то не поделила с одним из верзил Имрана. Принц упустил момент, в который начался конфликт, да и вряд ли он мог бы разобраться в его причинах, наблюдая за происходящим с такого расстояния, но тут же акцентировал своё внимание на пяточке свободного пространства, посреди которого стояли два разгоряченных противника. Один высокий и поджарый, второй будто целиком состоящий из плетей сухих мышц.

— Позвольте, я сейчас все улажу, — протараторил Гафур, видимо желая подать знак охране, чтобы те предотвратили назревающую драку, но принц отмахнулся.

— Не надо, я хочу на это посмотреть.

— Но Мортак мой чемпион! Он уже побеждал во многих боях, и боюсь ваш подопечный...

— Я сказал не надо! — Не дав работорговцу договорить, оборвал Лис.

Парень как раз выкрикнул местному чемпиону в лицо что-то едкое, и на шее того в одну секунду вздулись жилы. Покраснев, он бросился на своего оппонента с клинком, но удар тут же был парирован.

— Великолепная реакция.

Остальные рабы, жадные до зрелищ, заулюлюкали подбадривая противников. "Мортак, врежь ему!" — скандировала одна половина, но что кричала вторая принц так и не смог разобрать.

— Как они его называют? — Заинтересованно спросил Лис.

— Дишкари, — сдавленно отозвался Гафур, словно оправдываясь, — безумный демон. Большинство здесь — народ темный, все ещё верят в легенды, которые скрывает в себе пустыня.

Принц попробовал прозвище на вкус, повторив его про себя.

— Занятно. Вам ли не знать, Имран джан, что многие легенды правдивы?

— Мне и Шиа хватает.

Лис усмехнулся. Его личный демон сделал удачную подсечку, повалив своего противника наземь, а потом точным ударом ноги выбил оружие из чужих рук. Но этого ему показалось мало... Наступив на скрюченные пальцы мужчины, будто не замечая, что тот уже повержен, парень с силой вдавил их в землю, заставляя кости хрустеть под своим каблуком.

Чемпион заскулил от боли, наблюдая за тем его пальцы стремительно превращались в искорёженное и бесформенное месиво.

В толпе кто-то дико расхохотался, а победитель, закончив с ладонью, с тем же хладнокровием ударил лежащего по лицу.

— Этого довольно, — произнес Лис, отворачиваясь, — а вы боялись, что мой подопечный пострадает.

Гафур сглотнул, предпочитая не говорить о том, что боялся не за отродье принца, а за своего чемпиона, который теперь месяц не сможет принимать участие в подпольных боях. Тысяча бешеных тварей, он все ещё продолжал его бить! Дар, который держался в строгом секрете, и способности к боевым искусствам у этого парня бесспорно порадовала Имрана, но его склонность к жестокости порой поражала даже бывалого работарговецца.

Обычно подобного рода неповиновение жестоко наказывалось, но принц ещё в первый свой визит запретил подавлять эти порывы. Какой прок от раба, который не знает своего места? Гафур дивился этой странной прихоти нанимателя, но быстро закрыл на неё глаза. Даже если дикарь захочет перерезать новому хозяину глотку, это будут уже не его проблемы.

— Растащите их, — сухо приказал мужчина охране, которая вечно стояла неподалёку.

Слава Рахшару, принц уже собирался уходить. Развернувшись, он направился к выходу больше не смотря вниз. Работарговец едва скрыл облегчение.

— Уже уходите? Позвольте я вас провожу. Расскажите, как поживает ваш брат?

— Который из них? Я давно не был во дворце, друг мой, и пока сам довольствуюсь лишь слухами. Говорят, что один завел себе небольшую зверушку, которую называет своим учеником, а второй не придумал ничего лучше, чем её покалечить. Паренёк теперь боится высовываться из своей клетки без сопровождения. Уже не терпится с ним познакомиться... Никогда не думал, что Карающий будет о ком-то так печься.

— Его высочество принц Дисмаль очень своеобразный человек, — крикнул Гафур, пряча в уголках губ едкую улыбку, — Я бы тоже позаботился о своем ученике, обрати наследник на него внимание.

Лис нахмурился, вспомнив, что с его собеседником лучше не вести разговоров на личные темы. Даже находясь вдалеке от высшего общества, работарговец питал слабость к сплетням, которые в нем бродили.

— Вам следует заняться своим делом, а не забивать голову мотивами поступков моих братьев. Дальше можете не провожать, выход я найду сам.

С этой историей тоже нужно разобраться, но он точно сделает это без чужих советов.

"Расскажешь, что тебе снилось?"

Как я ошибалась, когда сказала, что это не работает. Впервые за месяц я чувствовала себя уверенно. Не полностью, конечно, но то спокойствие, которое поселилось во мне после разговора с Кайрином, уже было немалым достижением.

Проглотив тугой ком, застрявший в горле, я пересказала ему тогда свой кошмар, забыв на мгновение, где нахожусь, и Карающий, как ни странно, выслушал меня не перебивая, будто и впрямь был заинтересован этой сбивчивой речью. Сама не заметила, как потом начала отвечать на его вопросы, незначительные, и в то же время очень важные, потому что когда я отвлеклась от прочих переживаний, наконец смогла полностью осознать, что он меня не убьёт...

Закутавшись в одеяло, я все ещё чувствовала себя неловко, и Кайрин это знал, но вопреки опасениям, не стал влиять на моё настроение. Усевшись в кресле напротив кровати, он перепрыгивал с вопроса на вопрос, ни на чем долго не останавливаясь.

— Раньше тебе снилось что-то подобное?

— Нет. Здесь мне вообще почти ничего не снилось. Наверное, это все из-за снотворного... — Я смягчила определение, на что Карающий только хмыкнул.

— И сколько тебе лет на самом деле?

Я задумалась, с растерянностью понимая, что день рождения, который должна была отмечать вместе с Димкой, уже прошел, и, я про него совершенно забыла. На душе сразу стало горько, но я не позволила себе долго на этом заикливаться. Прошел и прошел, все равно я бы не стала праздновать.

— Девятнадцать. Исполнилось несколько дней назад.

Кайрин задумчиво заломил одну бровь, прокручивая на пальце неприметную серебряную печатку, и я наконец осмелилась спросить:

— Теперь ты расскажешь все императору?

— Нет, но если он спросит, соврать не смогу.

— Разве то, что я девушка может оказаться для него важным?

По лицу Карающего на секунду словно скользнула тень, мне показалось, что он обдумывал, стоит ли говорить правду, но в итоге вздохнул и ответил без намека на издевку:

— Как ты думаешь, Бес, зачем я пересек пустыню, чтобы привезти Её высочество Эллиаль из соседней страны?

Я пожалала плечами, запоздало вспоминая, о большой конечности. Жест отдался приглушенной ноющей болью, заставляя поморщиться и сильнее откинуться на подушки. Зелье, которым меня напоил Кайрин, все ещё действовало, но эффект постепенно начал ослабевать. Надо же мне было так потревожить руку при пробуждении...

— Укрепляете экономические связи? — Прощадила сквозь зубы, не особо задумываясь над ответом.

— Нет, — Карающий усмехнулся совсем невесело, — остров Ин в данный момент не может похвастаться своим благополучием и совершенно бесполезен в этом плане. Им нечего нам дать кроме очевидного — свежей крови. Принцессе подвластна стихия воды, и её дар нужен империи.

От нехорошей догадки похолодело в груди.

— Способности передаются по наследству?

— Да, Бес, и это значит, что тебя не захотят так просто отпускать. Император и так рассчитывает на то, что у тебя не получится вернуться. Была бы ты в действительности тем, за кого себя выдаёшь, остаться во дворце — могло стать для тебя неплохим вариантом, но если все узнают, что ты девушка, дело примет совершенно другой оборот.

— Но мы же заключили договор, — напомнила я Карающему, чтобы хоть за что-то уцепиться.

— Договор не будет иметь никакого веса, если обман раскроется. — Раздраженно бросил он, но потом сбавил тон, — Давай я расскажу тебе, что будет в лучшем и в худшем случае. В лучшем случае император первым узнает обо всем и, если ты не оправдаешь его ожиданий в поимке заговорщиков, он найдет твоему дару более надежное применение, подобрав наиболее подходящего кандидата для продолжения рода. Чтобы избежать огласки, он сделает это тайно, скрыв твою личность и сослав куда-нибудь подальше от дворца, пока остальные будут считать, что мой ученик погиб в результате несчастного случая.

— А что будет в худшем случае? — Перебила я севшим от волнения голосом.

— Тебе не повезет, если первым о твоей природе узнает кто-то ещё. Вариантов много, но скорее всего на тебя начнется настоящая охота.

Замотала головой, не желая слушать. Если Кайрин хотел напугать меня, то у него неплохо получилось. Я попыталась представить, что сделала, узнай раньше о вероятности попасть в сексуальное рабство к какому-нибудь фанатику, желающему пополнить свой генофонд, и с обреченностью поняла, что ничего изменить бы не получилось.

Теперь я даже на Карающего смотрела с долей опаски. Зачем он рассказывает мне все это? Расположение к нему сменилось едким недоверием.

— Тогда может тебе лучше доложить Его величеству все прямо сейчас? Ты же все делаешь во благо империи. Чего ждешь? Вперед.

— Мои интересы не заключаются в повышении рождаемости, я всего лишь объясняю тебе риски.

— Я прекрасно знаю, чем рискую.

Кайрин прищурился и подался вперед.

— Собственной шкурой, это я уже понял, но не смей кидаться обвинениями. От твоего разоблачения я не получу ни капли выгоды, только целый ворох проблем, начиная от скандала, который разразится в высшем обществе, если они узнают, что я взял в ученики девчонку, и заканчивая тем, что дело, которое я решил расследовать с твоей помощью, так и останется на мертвой точке.

Под его взглядом я сразу стушеввалась.

— Прости.

Наш разговор прервал стук в дверь, и Карающий приложил палец к губам, призывая молчать. Он пошел открывать, а я зарылась по голову в одеяло, опасаясь, что меня можно заметить из коридора. Какая должно быть, славная картина откроется посетителю; малолетний мальчишка спит в постели своего учителя... Вторя моим мыслям, легкая ткань балдахина, скользнула по бокам кровати, закрывая обзор к происходящему.

— Карающий, позвольте доложить, у южной стены новый прорыв. Мы успели взять одного из подозреваемых, и сейчас он находится в камере для допросов. Теория о том, что Ши кто-то управляет, подтвердилась.

Я узнала голос Рада, спокойно докладывающего о происшествии.

— Никого к нему не пускать, я уже иду.

Судя по всему, Кайрин считал разговор законченным, потому что дверь скрипнула, грозясь захлопнуться прямо перед носом посетителя. Я разочарованно прикусила губу; очень хотелось узнать, что произошло, но к серьёзным делам меня пока никто допускать не планировал. Неужели он так боится, что я облажаюсь?

— Это бесполезно, допрос невозможен, — успел вставить Рад, — сообщники позаботились, чтобы он не смог ничего рассказать. Когда мы взяли этого парня, он был едва жив.

— Тогда с какой стати вы поместили его в камеру? — Огрызнулся Карающий, — Доставьте его к лекарю.

— Не дотянет, едва стало ясно, что одному не уйти, охотник натравил Шию на своего. Укус оказался ядовитым, а такое уже не лечится. Мы подумали, что пока преступник жив, вы могли бы...

— Мог бы прибегнуть к способностям своего ученика, который едва на ногах стоит? Отличная идея, а теперь вольно. Добейте его, если хотите, я не буду так рисковать.

— Подумайте, — Рад проигнорировал последние слова, — действовать нужно быстро, это наш шанс.

— Он может стать последним, если я это сделаю.

Дверь захлопнулась, но я уже выбиралась из кровати. Кайрин стоял спиной ко мне, все ещё держа ладонь на дверной ручке, но, когда обернулся, на его лице все ещё были видны отголоски досады. Он поджал губы, скользнув взглядом по моим голым ступням, которые я уже опускала на пол. Голова все ещё шла кругом, как после катания на американских горках, но я это проигнорировала. В свете последнего разговора хотелось заняться делом прямо сейчас, чтобы разобраться с ним поскорее.

— Почему ты отказал? Я готова пойти.

— Ты слаба, а он умирает. Ты не сможешь вытащить у него ничего в таком состоянии, только подвергнешь себя опасности. Я говорил о возможности сойти с ума, если пользоваться даром необдуманно? Хочешь покопаться в мозгах у человека, который находится в предсмертной агонии?

— Не хочу, но тебе жаль упустить этот шанс.

— Приходится чем-то жертвовать, и уж лучше временем, чем тобой. А теперь ложись обратно, я хочу дать тебе одну вещь.

Скрестив руки на груди, я осталась сидеть на месте.

Карающий вздохнул и подошел ближе.

— Это не недоверие, Бес, даже не жалость, — он правильно растолковал моё поведение, — можешь прекратить дуться. Вспыльчивость порой мешает тебе действовать здраво, поверь, будет ещё достаточно возможностей проявить себя, но все они должны быть оправданными. Дай руку.

Кайрин снял с пальца перстень, и протянул мне. Удивленно приподняв брови, я поближе рассмотрела кольцо, которое с виду казалось довольно невзрачным. Блеклая серебристая оправа с заметными царапинами, заключала в себя крупный черный камень, название которого я не знала. Размер был явно великоват, но при желании перстень можно было надеть на большой палец или поверх перчатки. Станный подарок, совсем не подходящий мне, и я подумала, что его, наверное, лучше присоединить к маминому кольцу, которое я повесила на шнурок и носила на шее.

— Лучше надень и не снимай. — Предостерег Карающий, — Бойца из тебя пока не вылепить, но это поможет в случае непредвиденной ситуации. Камень откидывается, внутри отравленная игла, достаточно будет одного укола, чтобы избавиться от противника на время.

— На какое? — Спросила я, пораженно исследуя перстень.

Камень правда откидывался, и был устроен очень интересно. Полое пространство внутри на первый взгляд было заполнено чем-то вязким как незатвердевшая древесная смола, в которую при закрытии окунался крошечный шип у самого основания металла. Состав был слегка липким, но недостаточно жидким, чтобы пролиться...

— А сколько ты проспала? — Ответил Кайрин вопросом на вопрос, — Теперь знаешь эффект.

Горло перехватило от не до конца утихшего негодования! Карающий все ещё шутил надо мной, но я уже не могла упрекать его за это, потому что подарок мне понравился и стоил того, чтобы забыть о прошлых обидах. Все это утро стоило.

— Ты перешла дорогу старшему принцу, Бес. Постарайся не появляться во дворце без моего сопровождения. Тренировки я отменю, пока твоё плечо не придет в норму, и приставлю кого-нибудь из отряда тебя охранять. Осталось совсем немного времени до церемонии помолвки, и пришло время заняться развитием твоих способностей. Естественно, испытывать их будешь не на умирающих пленных.

— Дисмаль все равно не забудет.

Я надела кольцо на большой палец, а затем перевернула камнем вниз, так, что на виду оказался лишь серебряный ободок. Нужно быть осторожнее с этой игрушкой.

— По крайней мере он немного остынет... — Ответил Кайрин.

Весь день для меня прошел как в тумане.

Карающий, вопреки ожиданиям, не стал выгонять меня из своей комнаты, даже когда я сама намеревалась уйти с приближением заката. Доставлять ему неудобства своим присутствием, при том, что он и так сделал для меня очень много, было бы верхом наглости, но учитель покачал головой и ответил: "У тебя нет здесь одежды, не пойдешь же ты по дворцу в одной рубашке? Завтра принесу тебе что-нибудь подходящее, а пока отдыхай, я найду, где переночевать."

Отговорка была слабой, потому что жила я не далеко, и Карающему не составило бы труда принести мне что-то из вещей прямо сейчас, но по каким-то причинам он просто решил присмотреть за мной.

Почти все время Кайрин провел поблизости, пару раз отлучался, чтобы принести мне еды, потом был занят разбором каких-то бумаг, и я старалась не докучать ему, да и не могла, потому что то и дело проваливалась в сон. Трудно было даже сосредоточиться на карте мира, которую Карающий дал мне, чтобы скоротать время.

Империя занимала почти весь континент, который был обозначен на карте в виде неровного полумесяца, и омывался тремя морями. По территории земли тут и там были разбросаны большие и малые города, которые соединялись между собой тонкими линиями дорог, весьма условных, как объяснил Кайрин, потому что в пустыне не существовало трактов, и чтобы добраться до места назначения, несведущему человеку обязательно нужен проводник.

На карте почти не было привычных обозначений лесов или рек, в основном попадались только скалы и островки оазисов. Ближе к морю территория немного оживала, а некоторые её участки были обведены пунктирной линией и имели свои названия.

— Сомрея, Лавар, Ворлен... — Прочла я вслух.

— Эти территории раньше нам не принадлежали, — ответил Карающий, который не отнимал взгляда от своих бумаг. Что он там изучает? Доносы? — Они присоединились к нам после войны в 692 году от переселения. Там были отдельные государства, но теперь они вошли в состав империи.

Я припомнила нынешнюю дату, подсчитав, что с того момента прошла без малого сотня лет.

— Переселения?

— Да, предки перебрались сюда с погибшего континента, сейчас он обозначен на карте как "Пустая земля". Посмотри на севере.

Я перевела взгляд выше, расправив кару на коленях, чтобы рассмотреть участок суши в океане, на котором вообще не было никаких обозначений.

— Что с ним случилось?

— Умер магический источник, не знаю по какой причине, летописей не сохранилось.

Я многозначительно заткнулась; Кайрин наконец посмотрел на меня и видимо вспомнил, что его слова о магическом источнике не значат для меня ровным счетом ничего.

— Понимаешь, Бес, — Начал он заново, объясняя все как ребенку, который остается в школьном классе на второй год по причине умственной отсталости, — маги, будь они сколь угодно талантливы, не могут пользоваться своими способностями на земле, в которой не будет силы.

Магический источник поддерживает нас и обычно это действует обоюдно, то есть, обязательно должен найтись тот, кто будет им управлять. Сейчас эти обязанности лежат на императоре и паре его советников. Только благодаря источнику империя была закрыта от вторжений из других миров, ибо у одного человека на такое не хватило бы резерва. Поэтому столица в центре пустыни, а не на окраине, где климат проще. Здесь магия берет своё начало.

— Ясно, — я кивнула, но снова не смогла удержаться от вопроса, — Вы завоевали те страны, которые сейчас входят в состав?

— Да, тогда у власти был прадед Его величества, он бредил расширением территорий.

— Они не могут взбунтоваться?

— Исключено, от прошлого правления там не осталось почти никого. Сейчас в провинциях сидят наши ставленники, которые давали клятву рода императору, а её невозможно нарушить.

Продолжив сидеть над картой, я не заметила, как начали сгущаться сумерки. Отыскав на пожелтевшей бумаге остров Ин, долго всматривалась в него, пытаясь представить как выглядит родина принцессы. По сравнению с империей он и правда казался крошечным, окруженным точками ещё более маленьких островов, уходящих далеко в море. Я провела по ним пальцем, выстраивая в воображении своеобразную кривую линию, и наткнулась ещё на один континент, притаившийся в самом углу карты. Он был закрашен неровным штрихом, и в сравнении с империей занимал бы её четверть. По форме я бы сравнила его со звездой.

— Каи`омат, — с запинкой прочла я, — Что это?

— Переводится как: "небесный свод", у тебя неправильное произношение. Это наши соседи, Бес, в народе их называют небесными людьми, а себя они зовут "Иметри", что означает "дети неба". Иметри живут в изоляции, их лет тридцать уже никто не видел. Они считают наши законы варварскими, а нас называют детьми земли, низшими.

— Цивилизованные люди, наверное, — буркнула я, полностью согласившись с высказыванием о варварских законах и зевнула. — Может заговорщики из их числа?

Кайрин отбросил свои бумаги, встал с кресла и протянул руку. Намек ясен.

— Ты везде уже видишь заговорщиков, Бес, ложись спать, — он усмехнулся, глядя на то с каким недовольством я возвращаю карту. — Мне бы не понадобилась твоя помощь, если бы кто-то из небесных людей имел к этому отношение; их можно узнать с первого взгляда.

— И как они выглядят?

— Потом как-нибудь расскажу, — Карающий решил не продолжать тему, — хватит на сегодня с тебя истории.

Я хотела ещё немного поспорить, но глаза и правда начали слипаться.

Провалившись в беспокойный сон, я пропустила как Кайрин ушел, а когда вынырнула из небытия посреди ночи, обнаружила, что комната уже совершенно пуста. Снова уткнувшись носом в подушку, отстраненно отметила — мне жаль, что он не остался.

Неделя прошла достаточно спокойно для меня, но в нервной беготне для остальных. Пока я получила возможность целыми днями не выходить из комнаты, придворные, и особенно слуги, активно готовились к предстоящему празднику. Представить себе не могла, что тут будет твориться перед самой свадьбой, если даже помолвка устроила такой хаос.

Можно было просто выглянуть на улицу, чтобы увидеть, как суетятся рабы, чистя фонтаны во внутреннем дворе, и надраивая каменные ступеньки перед входом. Некоторые перетаскивали во дворец тяжелые кадки с красными цветами, продукты в промышленных масштабах и ткани, расшитые сложной вышивкой.

Карающий опять был занят целыми днями, хотя все так же уделял мне пару часов по вечерам, натаскивая в чтении, истории и географии. В начале недели он даже заявился в обед, притащив с собой портного, который должен был снять с меня мерки для церемониального наряда.

Я была категорически против, но Кайрин в присутствии сухощавого сутулого мужчины, с тонкой оправой очков на носу, отрицательно покачал головой, приказывая не возмущаться. Сжав зубы, я сделала вид, что все в порядке, и позволила портному измерить себя с помощью длинной ленты с делениями, которые и близко не походили на сантиметры. Благо, процедура не заняла слишком много времени и раздевания не потребовала. Мужчина больше вздыхал, сетуя на мою худобу и тщедушность, которые будущему воину немедля следует исправлять, наращивая мышечную массу. В результате я получила уйму советов по правильному питанию и образу жизни от человека, который сам наверняка их не выполнял.

Карающий при этом подпирал собой стену, благополучно делая вид, что не замечает этой болтовни, но я была уверена, что в мыслях он потешается надо мной, потому что пару раз я все-таки успела поймать на его губах улыбку.

Когда портной сменил тему на обсуждение тканей, которые я бы хотела использовать для пошива накидки и шаровар, мне и вовсе стало дурно, но Кайрин все-таки соизволил включиться в беседу, самолично выбрав для меня цвета. Оказалось, что они играют довольно важную роль в правящей иерархии. В принципе, в будние дни знать имела право носить что угодно, но на праздниках надевать красное могли только члены императорской семьи, разбавляя цвет золотом.

— Бес будет в белом с золотым, — обронил Карающий, пресекая настойчивые убеждения портного, что мне подойдет насыщенно-синий или изумрудный.

— Но это же... — нахмурился портной.

— Все верно, мои цвета. Отправляйтесь, Залим джан, у вас ещё много работы.

Назойливый мужчина откланялся, и я наконец получила возможность спросить, что не так с белым.

— Не все ещё знают, что император принял тебя в семью, золотой — признак королевской крови, белый — верного стража империи. Ты имеешь право носить эти цвета как мой ученик, и, если я умру, станешь первым претендентом на мою должность, поздравляю.

Я успела подавиться воздухом, прежде чем поняла, что Кайрин пошутил. Он издевательски хлопнул меня по спине.

— Эта честь не по моим заслугам, учитель, — прохрипела я, откашлявшись.

— Зато должна предостеречь от нападков здешних стервятников. Многие будут рады тебя задеть, но прежде увидят с кем связываются.

— Может я лучше свою форму надену? — Страдальческий стон вырвался сам собой.

— Нет, черный — цвет скорби, лучше не появляться в нем на помолвке.

Угрюмо кивнув, я смирилась с тем, что придется сыграть роль белой вороны. Карающий, наверняка к ней уже привык; он в любой одежде здесь выглядел как европеец среди коренных африканских народов, а мне не хотелось привлекать к себе лишнее внимание.

Однако если бы Кайрин разрешил пропустить церемонию вовсе, я бы отказалась. Одна часть меня твердила, что нарываться на неприятности не стоит, но другая, хотела хотя бы одним глазком взглянуть на праздник.

Сид, приставленный ко мне в качестве надзирателя, тяжело вздохнул, когда я спросила о том, что там будет.

— Скука смертная. На официальной части одни расшаркивания. Знать не упустит возможности поплеваться ядом в окружающих, а я весь вечер буду наблюдать, как бы они друг друга не переубивали.

Я сцедила смешок в кулак.

— А есть и неофициальная часть?

— Естественно, но спору, что Карающий загонит тебя обратно в комнату при первой возможности. И правильно сделает, мал ты ещё... — многозначительно протянул страж.

— Эй! — Я сделала вид, что обиделась, и пихнула парня в плечо.

Тот как раз сидел в одной из бойниц смотровой башни, и спустив ноги вниз, болтал ими как сущий подросток. Ещё воин называется! До земли было метров сорок, и я так делать опасалась, хотя Сид подавал дурной, но заразительный пример. Не находишь рука в зафиксированном состоянии, непременно бы поддалась соблазну, но мне было проблематично даже одеваться, и о том, чтобы взобраться на бойницу речи не шло. Ниша доходила мне почти до груди, так что я только завистливо кривила губы и поправляла куртку, накинутую на плечи.

Сидеть взаперти и так было сложно, и я уговорила парня пройтись, в результате чего мы скоро обосновались на безлюдной крыше, наблюдая за происходящим внизу и разговаривая.

Ответить Сид не смог, пошатнувшись от моего шутливого удара, он соскользнул вниз, успев зацепиться за край отвесной стены одной рукой. Каменная пыль и мелкая галька посыпались следом, а кровь от расцарапанной ладони протянулась за его пальцами алой полосой.

Проклятье! Сердце замерло, а потом вновь забилось в груди с удвоенной силой.

С земли послышался женский вскрик, а я, обмирая от страха, мертвой хваткой вцепилась в рукав парня.

— Отпусти меня, — огрызнулся Сид, — иначе утащу за собой!

— Да ни за что! — В панике воскликнула я.

— Тогда сними перчатку, иначе не сможешь меня удержать!

— Но и сосредоточиться на твоём спасении тоже не смогу!

— Бросай, я сказал!

— Нет!

Плюнув на боль, я ухватила за парня ещё и вывихнутой рукой.

— Ну ты и придурок, — обласкал меня Сид.

С легкостью кошки, он подтянулся и взобрался на место, оттолкнув меня подальше. Я с удивлением наблюдала, как он отряхивает свою форму от песка, ни секунды не жалея, что чуть не довел меня до инфаркта.

— Красавица, не расстраивайся, твоего покорного слугу не так просто убить! — Вновь подавшись вперед, крикнул он молодой служанке, которая, задрав голову, все это время наблюдала за нами с земли.

Платок с бедняжки практически сполз, но она не обращала на это внимания, прижав ко рту смуглые руки. Корзина свежестыранного белья, которую она несла до этого, валялась на верх дном, свидетельствуя, что вся работа пошла насмарку. Быстро опомнившись, девушка подхватила её с земли, собрала испорченные вещи и метнулась прочь.

— Ну ты и свинья! — Пораженно выдохнула я.

— Кто это? — Заинтересованно спросил Сид.

— Грязное, беспринципное, уродливое животное! — Пояснила, выпуская наружу скопившееся негодование. С беспринципным это я погорячилась; наверное, у свинок совести будет побольше, чем у этого негодяя. — Что ты, свиней в жизни не видел?!

Парень отрицательно покачал головой, а я прикусила язык. Никогда не знаешь, на чем проколешься! Стараясь не употреблять в речи привычный слэнг и жаргонизмы, я упустила самые простые вещи. Лошади же у них водятся, кто мог знать, что свиней нет?!

— В общем, я тоже не видел. В книге про них вычитал недавно, и сразу подумал, что они у тебя в родственниках затесались! Я же решил, что ты сорвешься! — Насупилась, попытавшись ложью замаскировать свою ошибку.

— Вот поэтому я и сказал, что ты не дорос, — резюмировал Сид и выудил из кармана белый платок, чтобы перемотать поцарапанное запястье. — Бес, тебя же обмануть проще простого.

— Но ты поранился...

— Это пустяки. Многие пожертвуют и не таким, чтобы добиться убедительности.

— Я просто не ожидал от тебя такой подставы, — возразила я, — со смертью не шутят.

— Ошибаешься, — обернулся Сид, и одарил меня своей фирменной улыбкой во все тридцать два зуба, — Думаешь у смерти нет чувства юмора? Если ей понравится шутка, она отпустит тебя, чтобы при следующей встрече услышать новую.

— Чушь, смерть не делает различий, — холодно ответила я, желая закрыть эту тему, — слезай уже отсюда, ты пугаешь людей. А ещё мы теряем время, мне нужно заниматься.

Который день страж позволял мне копаться в своем сознании, чтобы развить привычку, которая позволит не падать в обморок при чужом прикосновении. Не знаю, нравилось ему это или нет, но виду парень не показывал. Однажды признался, что ему интереснее проводить время со мной, чем заниматься рутинной проверкой защиты дворца в преддверии свадьбы, но верилось в это слабо. Сложно было представить, каково это — доверить свою память практически незнакомому человеку, но Сид говорил, что скрывать ему нечего. Скорее, при каждом нашем уроке он старательно контролировал свои мысли, и показывал мне лишь то, что считал нужным, потому что ничего криминального из его жизни я на данный момент так и не узнала.

Изобразив на лице поддельное недовольство, парень спрыгнул со своего места.

— Иногда ты бываешь слишком нудным, Бес, — он бесшабашно встрепал мои волосы, так что я не успела увернуться, — в юности я был настоящим сорванцом.

— Да ты и сейчас такой! — Воскликнула я, сконфуженно приглаживая прическу.

Волосы начинали отрастать и лезть в глаза. Какая досада, что тут невозможно нормально подстричься. Если я задержусь в империи надолго, придется самой взяться за ножницы, чтобы их укоротить. Мало мне смазливой лица для полной схожести с девицей, только копны вьющихся кудрей не хватает.

Хотя, Карающий вон ходит с длинными волосами и ничего... Более того, ему это странным образом идет. Я вспомнила прямые, блестящие, снежно-белые пряди, казавшиеся невероятно мягкими на вид, и во мне вдруг родилась мысль, что неплохо было бы их потрогать... Ужас какой!

— О нет, Бес, раньше я вел себя куда хуже. Могу показать тебе некоторые проделки, когда закончишь прихорашиваться.

Я недовольно покосилась на Сида, который наблюдал за мной с затаенным интересом. Он тоже носил своеобразную прическу. Смоляные волосы доходили до плеч, обрамляя лицо непослушными прядями.

— Откажусь, пожалуй. Слушай, а тебе эти патлы драться не мешают? — Злорадно отфутболив подкол, я сладенько улыбнулась.

— Что ты, при должном уровне мастерства, подобные мелочи не доставляют проблем, — серьёзно ответил Сид и добавил: — к тому же, я не какой-то простолюдин или уличный наемник!

— Вот значит, как... Меня опекает важная птица.

В задумчивости я быстро зашагала к выходу с крыши, и страж тут же нагнал меня, поняв, что последнее высказывание могло быть неприятным.

— Бес, я вовсе не это хотел сказать. Просто длинные волосы почетны для воина! Это старая традиция, но при дворе ей ещё следуют. Тоже отрастишь потом, не волнуйся, а пока это не важно совсем, ты же ещё ученик!

— Не хочу ничего отращивать, — отрезала я, — расскажи, что будет на неофициальной части церемонии, и мы в расчете. А лучше покажи вместо своих детских проделок и схваток, за которыми я все время наблюдаю.

— Мои воспоминания о боях, между прочим, помогают тебе лучше разобраться в приемах, пока ты расслабляешься тут со своей вывихнутой рукой.

— Я расслабляюсь?! Попробовал бы ты одновременно удерживать в уме видение, и мило улыбаться, продолжая вести разговор!

Примерно так и проходили все наши уроки. Я должна была взять Сида за руку, и сконцентрировавшись, отодвинуть чужие воспоминания на второй план. В идеале они должны были восприниматься мной как собственные, пока в реальности я соблюдала невозмутимость. Сознание будто расслаивалось на две части; удержать каждую из них в равновесии было нестерпимо сложно и выматывало порой не хуже физической нагрузки.

В первое время у меня не получалось вовсе, а после, когда вышло не отключаться полностью, воин потребовал ещё и поддержания с ним непринужденной беседы. Пока перед глазами мелькали блеклые киноленты, повествующие о чужой жизни, я отвечала на вопросы Сида, и пыталась не утонуть в незнакомых образах с головой, ощущая его тело как собственное. Наверное, со стороны я выглядела уже не как эпилептик, а просто как больной, только что отошедший от анестезии — заторможенный, вялый, практически пускающий слюни на воротник рубашки.

Мы начали спускаться по винтовой лестнице, и парень обогнал меня, перегородив дорогу. Он встал на пару ступенек ниже, так что наши лица теперь были на одном уровне,

загадочно прищурился и выдал:

— Хорошо, взрослый мальчик, ты получишь от меня все что пожелаешь, только если сам это найдешь. Я не стану блокировать от тебя часть воспоминаний, но и направлять в них тоже не собираюсь. Выиграешь, буду весь день называть тебя своим господином, проиграешь — согласишься посетить со мной одно место, начну делать из тебя настоящего мужчину! В любом случае ты в плюсе. Идет?

— Не идет! — Возмутилась я, — Во-первых, как можно что-то найти, даже приблизительно не представляя, что ищешь? Во-вторых, ты предложил слабую мотивацию, и, в-третьих, я ограничен в передвижении!

— О властители песков, я с тобой ничего не случится, если мы прогуляемся по городу! Никто даже знать не будет, я выведу тебя тайным путем.

Я прикусила щеку, размышляя над предложением. Не думаю, что Дискраль будет рьяно выслеживать меня, да и Сид наверняка не предложил бы что-то опасное. Он, конечно, разгильдяй, но не до такой степени. К тому же, задание было довольно интересным...

— Нет, давай без ставок.

— Хочешь мой счастливый кортик?

— Сид, ты смеёшься что ли?

— Полностью серьёзен!

Парень вынул из-за пояса свой кинжал и играючи покрутил его перед моим носом. Тонкое лезвие из черного металла не отражало, а поглощало свет, аккуратная рукоятка лежала в ладони как влитая, балансировка идеальная. К нему ещё прилагались ножны, которые можно было незаметно прятать под одеждой.

Как-то я похвалила этот кортик, и Сид ответил, что он приносит ему удачу. Бредни, естественно.

— Кортик, и тридцать золотых в придачу! — Прищурившись, загнула новую цену.

— Ах, Бес, тобой должен двигать азарт, а не меркантильность, — упрекнул парень.

— Деньги никогда не помешают.

— Хорошо, я согласен! С меня кошель, на который ты можешь купить десяток рабов и любимый кинжал, а с тебя простая прогулка. Не думаешь, что ты перегнул палку?

— Неа, — я отрицатель помотала головой, — и ты забыл, что будешь называть меня своим господином

— А ты умеешь торговаться! — парень задорно расхохотался, — Ну, тогда попробуй выиграть. Найдешь прием, на котором Дискраль праздновал свой двадцать пятый день рождения, и ты мой господин на целые сутки, не найдешь — мы идем развлекаться.

— Ты сумасшедший, Сид, но по рукам.

Я зубами стянула с пальцев перчатку, и протянула руку этому хитрецу. Вместо того, чтобы ударить по ней, он крепко ухватил меня за предплечье.

— У меня есть одно условие, — предостерег парень, — не погружайся слишком глубоко. Делай как тебя учили, иначе проиграешь.

— Хорошо-о-о, — на выдохе прошептала я, уже едва различая собственный голос. В начале всегда так — будто попадаешь в камеру сенсорной депривации, полностью изолированной от света и посторонних звуков. Неправильный путь, если так продолжится, то я провалюсь в первое попавшееся воспоминание, а этого допустить нельзя.

— Бес, ты меня слышишь? — Вопрос показался приглушенным, словно доносился сквозь толстый слой поролона.

— Слышу, даже не рассчитывай на легкую победу, Сид.

Я вцепилась в его запястье в ответ, со странным наслаждением наконец ощущая тепло кожи и трепет размеренного пульса под пальцами.

Он побудет моим якорем, пока я постараюсь настроиться.

Вскоре полную пустоту сменила круговерть из образов. Воспоминания мчались мимо, как поезд, идущий на полном ходу, а мне — человеку, стоящему на перроне, нужно было разглядеть в окошке одного из вагонов нечто важное.

Сид действительно очень старался меня запутать, рандомно вспоминая те или иные моменты своей жизни. Вот он ворует цветы из личного сада первой супруги императора, чтобы подарить их дочери министра финансов — скромнице Лиадиль. Вот он, сверкая от гордости как начищенная монета, возвышается над побежденным мальчишкой на два года старше его.

Не то, все не то!

Я перебирала образ за образом, отстраненно, ни на чем на долго не задерживаясь, перекатывая их как разноцветные бусины на шелковой нити.

Сид недовольно заворчал, и я поняла, что сжала его запястье слишком сильно, впившись в кожу короткими ногтями. Ничего, потерпит.

— Если тебе тяжело, можешь сдаться.

Да ни за что. Мне просто нужна ещё минута времени... Ощущение, что осталось совсем немного до нужного воспоминания, не покидало. Вот оно. Дисмаль... Его лицо я теперь узнаю, даже если остановлю на нем взгляд лишь на долю секунды.

Я зацепилась за воспоминание и сконцентрировалась на происходящем. Комната, погруженная в полумрак, была полна людьми и дымом...

Принц сидел на мягком диване в расслабленной позе и неспешно курил кальян. На его губах играла улыбка; рубашка была небрежно расстегнута, выставляя на обозрение загорелую грудь, а в ногах у наследника лежала обнаженная девушка... Сид стоял в дверях, и его взгляд сразу метнулся к телу, безвольно распротёртому на ковре. Лицо несчастной скрывал каскад темных кудрей, и рассмотреть его было невозможно, но ладная подтянутая фигура была создана для того, чтобы ей любовались. Единственное, что портило впечатление — свежие синяки, покрывающие матовую кожу. В приглушенном свете канделябров сложно было оценить в каком девушка состоянии, но я с облегчением обнаружила, что грудная клетка слабо вздымается.

Молодые люди, расположившиеся рядом с принцем не обращали на неё никакого внимания, тем более, они уже были заняты красотками, сидящими у некоторых на коленях.

Я сглотнула.

— Вылезай, это не то, что ты должен найти. — Голос Сида дрогнул, и он попытался высвободить свою руку, но я не пустила.

— А по моему, как раз то, что нужно...

— Нет, Бес, не стоит.

Но я уже потеряла связь с реальностью. То, что пытался донести до меня парень ушло на второй план, сменившись музыкой и смехом, не смотря на которые, у меня создавалось ощущение, что в комнате витает тяжелая, траурная атмосфера. Никогда не бывала в притонах, но сейчас казалось, что именно его я и посетила. Даже в борделе мне не было столь дурно наблюдать, как молодые девушки, день за днем выходят в зал или поднимаются на второй этаж, чтобы обслужить клиентов, нацепив на лица самые обворожительные,

самые нежные улыбки, на которые были способны, а затем с рассветом возвращаются к себе — утомленные, потрепанные, без тени былого очарования во взгляде, а иногда ещё и слегка побитые.

Это воспринималось легче из-за того, что я видела только последствия от происходящего, которые всегда старалась забыть в тот же миг, отгораживаясь мыслью, что меня это не касается. Мне было опасно осуждать, опасно сопереживать, опасно помогать.

Чувства Сиды, глазами которого я сейчас смотрела как томная рыжеволосая нимфа послушно выгибает спину, позволяя мужским рукам свободно скользить по линии позвоночника к ягодицам, практически невозможно было понять. Отвращение? Жалость?

Сама девушка, льнувшая к незнакомцу, тоже не проявляла никаких эмоций, спокойно перебирая музыкальными пальцами волосы на затылке своего господина. Мужчине такой подход не понравился, он прижал красавицу ближе к себе и что-то шепнул ей на ухо, после чего она быстро изобразила на лице радостную улыбку.

— Какая честь, что ты принял наше приглашение, Карающий, да ещё и своего пса притащил. А почему только одного? Мы с друзьями не жадные, женщин на всех хватит, посмотри, арфистка ещё свободна. Поделите на двоих? — Пьяно растягивая слова проговорил принц, а я ужаснулась. Он здесь?

Кто-то из собравшихся мужчин хохотнул, но его веселье быстро сошло на нет.

Я не знала, что все это время Кайрин стоял у Сиды за спиной, но когда он вышел вперед, обратила внимание на его острый профиль и едва поджатые губы. Наверняка подобные развлечения брата ему приходилось видеть не впервой, и он давно потерял к ним всякий интерес.

— Вынужден отказаться. Зачем меня вызвали, Ваше высочество? Одна из рабынь пыталась совершить покушение, и вы всей толпой не справились без моей помощи? — Учитель брезгливо поморщился, но на принца это не произвело никакого впечатления. Дисконтраль все ещё выглядел крайне довольным.

— Какой официоз, это всего лишь небольшая вечеринка, я решил, что тебе не повредит расслабиться. — Он плавно потянулся, взял с подлокотника бокал вина, и сделал большой глоток. — Подумал, нужно показать тебе как это происходит.

— Не утруждайте себя заботой о моем отдыхе, Ваше высочество, — Отчеканил Карающий, — если это все, то приятной ночи, не вижу смысла задерживаться.

— Стой, — приказал принц, — если так хочешь, я найду для тебя подходящее задание.

— Пока вам не угрожает смертельная опасность, работы для меня здесь не будет...

— Жаль, — едко прошипел принц, пока Кайрин ещё не ушел, — Кто же тогда проводит до гарема мою новую наложницу? Боюсь, ходить она пока не в состоянии.

— Пришлите эскорт из евнухов, — Карающий развернулся, — Сид?

— Ты уверен? — Дисконтраль выпустил изо рта облако ароматного дыма, и толкнул босой ногой обнаженную девушку.

Та до этого лежала на боку, но сейчас перекатилась на спину. Шелк волос упал с лица, позволяя увидеть его юные черты. Сид с шумом втянул воздух в легкие, а Кайрин остолбенел, в его глазах мелькнуло узнавание. Мне и самой показалось, что я её уже видела, но память отказывалась говорить где.

— Она прекрасна, действительно? — Наследник провёл ступней по впалому животу девушки, поднялся вверх по ребрам, остановился у выступающих ключиц, а затем надавил на хрупкое горло.

Карающий качнулся вперед, до хруста сжав кулаки, и Сид счел за благо встать к нему поближе, чтобы в худшем случае оттащить. Музыка давно оборвалась; невольные зрители с жадностью следили за происходящим.

— Даже не думай! — На грани слышимости прошептал Сид, — Он же для этого их сюда притащил!

Кайрин не ответил, что вызвало в принце новый приступ агрессии.

— Милая, просыпайся! Твой возлюбленный явился к нам на огонек. Не хочешь? Ах, простите её, притомилась бедняжка. Ничего, сейчас исправим. — Он вылил на лицо девушки остатки вина, схватился за намоченные волосы и дернул их вверх. Она застонала, с трудом приходя в себя.

— Дисмаль, Гелар служанка, а не рабыня, — сквозь зубы прорычал Карающий, — отпусти её.

И правда, я не сразу обратила внимание, но на запястьях девушки не было никаких татуировок, чем не могли похвастаться остальные.

— А я что делаю? — удивился Дисмаль, — Отпускаю. Вот, даже сопровождение организовал! Сам начальник безопасности до покоев доведет. Главное, чтобы не до своих, а то может случиться по привычке, знаете ли? Милая, нравится тебе сервис?

— Кайрин? — Губы у девушки потрескались, и она едва ими шевелила.

— Да. — Учитель наконец двинулся вперед, на ходу срывая покрывало с софы. На ней кто-то сидел, но как только увидел перед собой Карающего, поспешно вскочил с места.

Присутствующие оказались меж двух огней, в равной степени опасаясь как гнева принца, так и мести со стороны Карающего.

Кайрин молча поднял измученное тело с цветастого ковра, укутал и взял на руки. Голова девушки безвольно повисла, потому что сознание вновь её покинуло.

— А ты отличный конспиратор, — с нескрываемым удовольствием промурлыкал Дисмаль, — долго же скрывал от нас этот райский цветок. Даже знаю о чем ты сейчас думаешь, хочешь спрятать её, увести в провинцию, может и документы новые найдешь для всей семьи? Но я найду её, найду всех, кого ты когда-нибудь попробуешь назвать своими.

— Лучше выпитесь, Ваше высочество, — было сказано тоном, который можно было трактовать не иначе как: "Сдохни, тварь".

Наследник расхохотался. Истерически, до хрипоты.

Воспоминание померкло, я разжала ладонь и без сил осела на ступеньки.

— Бес? Ты в порядке?

Голова гудела так, будто в черепную коробку поместили мини-электростанцию, естественно я не в порядке! Во рту пересохло, и единственное, чего сейчас хотелось — сделать глоток воды, но не чтобы утолить жажду, а просто запить гнилостное отвращение, прочно застрявшее в горле.

Я уткнулась лбом в колени, пытаюсь прийти в себя. Скоро станет лучше, можно будет встать, вернуться в покои, и забаррикадироваться там, для надежности приперев к двери письменный стол. Пожалуй, именно так и сделаю...

— Бес?

На спину легла тяжелая рука Сида, он неловко попытался успокоить меня, но добился лишь противоположного эффекта.

— Лапы убери. Отдохну немного и пойду... Искать себе какую-нибудь землянку подальше от столицы. — Я вздохнула, — Может быть мне попадетс скромный грот в пещере, где я смогу скоротать остаток своей жизни, не опасаясь, что меня поймают и поимеют. В общем, не беспокойся, со мной все отлично.

— Шутишь? — Усмехнулся парень. На этот раз у него получилось криво, непривычно фальшиво и виновато.

Он услужливо подставил свой локоть, чтобы мне было на что опереться, но я досадливо отмахнулась. Отряхнула перчатку, которая валялась на полу, натянула её на трясущуюся руку и поднялась, цепляясь за шершавую поверхность стены. Смотровая башня все-таки не место для посиделок.

— Нет, я полностью серьёзен, Сид. Надеюсь, после этого ты не будешь рассчитывать, что я исполню наш уговор.

Страж выглядел как нашкодивший щенок, но идти на уступки я больше не собиралась.

— Этого я и боялся... — Констатировал он, следуя за мной по пятам.

Слушать его больше не хотелось.

Измученное тело девушки снова встало перед глазами, и желудок скрутил противный спазм.

— Ты не сумеешь спрятаться от всего мира, Бес. К тому же, тебя охраняют сейчас куда лучше, чем её... Да и Дискраль не интересуется мальчиками в этом плане, хотя, есть и такие...

Сид хохотнул, веселясь над собственной шуткой, которая мне смешной совсем не показалась. Даже перекосило всю! Молча сжав зубы, я проигнорировала парня, но он все не желал униматься, безуспешно возобновив попытки поднять мне настроение. Рождаются же во всех мирах люди, у которых язык без костей и шило в заднице!

— Бес, может устроим компромисс, а? Я тебе заплачу, а ты перестанешь бояться всякой ерунды, и вылезешь из своей скорлупы?

— Заплатишь? — У меня глаза на лоб полезли, — Ты действительно считаешь, что я готов рискнуть шкурой ради денег и какой-то забавы? Нет, мне платят жалование, им и обойдусь! Мои страхи, позволь сказать, имеют под собой веские основания.

— Какие же? — Сид прищурился.

Его пренебрежительный тон взбесил меня больше, чем все сказанное ранее. В купе с

мягким, почти отеческим выражением на лице стража, он был похож на издевку. Так вечно брюзжащие старики смотрят на подрастающую молодёжь с высоты прожитых лет и голосом полным житейской мудрости вещают: "Ничего вы о жизни не знаете, вот поживите с моё, юнцы желторотые, тогда и говорите!"

— Из-за моей глупости умер человек! Умер, потому что полез спасать! Смелость дорого обходится, и теперь я предпочитаю думать перед тем, как куда-то влезть, а не после этого! — Выпалила я, и добавила уже про себя: "А ещё я девушка, черт бы тебя разодрал, слабая девушка, и, если попадусь в лапы к принцу, быстрая смерть станет для меня милостью господней, но он, естественно, такой чести мне не окажет!"

Мы спустились с лестницы, очутившись в полупустом коридоре. Мимо пробежала парочка суетливых слуг, которые обернулись, когда я на эмоциях повысила голос. Замерла, с шумом втягивая в себя воздух. "Катитесь своей дорогой, тут не на что смотреть!" — захотелось крикнуть им в спину, но я сдержалась, подождав пока свидетели скроются без посторонней помощи.

— Прости, я не знал... — Сконфуженно прошептал Сид, а мне стало стыдно за собственную несдержанность и тошно из-за жалости, которой меня одарили.

— Забудь. Лучше скажи, что случилось с той девушкой... Я не успел досмотреть. Карающий увез её?

— Нет, — Парень покачал головой, — он предлагал, но Гелар сама отказалась. Дискаль официально объявил её своей наложницей, и сбегая она рисковала не только своей жизнью, но и жизнью семьи. Живет теперь в гареме, обеспечение там лучше, чем у простой служанки. Карающий после той ночи к ней не приближался, так что принц вскоре тоже потерял к девушке всякий интерес.

— Учитель так просто смог её отдать? — Удивленно спросила я.

— Гелар была его любовницей, а не смыслом мироздания, наследник быстро это понял.

— Но теперь у Карающего появился ученик, а у Его высочества новая мишень. Сид, почему они так враждуют?

— Они росли вместе. — С неохотой отозвался парень, — Дискаль уже привык чувствовать себя первым во всем, когда появился Кайрин. И вот, представь ситуацию, сильнейшего претендента на престол начинает обходить в умениях какой-то бастард. Карающий всегда оказывался на шаг впереди, не смотря на то, что он младше. Магия? Владение мечом? Без разницы. Наследника не смогло успокоить даже то, что у Кайрина нет прав на престол.

— А почему, собственно, нет?

Я уже успела немного покопаться в истории, и узнать, что признанные дети правителей могли унаследовать трон при определенном стечении обстоятельств, одним из которых являлся должный уровень силы, на которую, Карающий, судя по всему, не жаловался, а другим — воля императора. Значит, в теории подобное может случиться.

— Много причин, Бес. — Сид сделал паузу, размышляя над тем, что мне можно сказать, а что не стоит. — В первую очередь, он сын плененной рабыни, и это всем известно. Стоит ему унаследовать трон, как поднимется бунт; знать пожелает его свергнуть, и чтобы удержать власть, придется пролить много крови. Это только то, что лежит на поверхности, об остальном можешь спросить его сам, если хочешь.

Я поражено уставилась на парня. Ну конечно! Всем известно, кроме меня... Да и кто подобное скажет? Карающий от своей биографии наверняка не в восторге. В конечном

итоге, какое она имеет значение, когда на повестке дня есть более насущные вопросы?

Шестеренки завертелись в голове; я вновь начала продумывать варианты близлежащего будущего, похожего на минное поле, по которому мне придется пройти с завязанными глазами.

Неужели Император не видит, что его старший сын не способен взять на себя управление целой страной? Если Кайрин займет его место, то получится резня, но разве этот психопат первым делом сам её не устроит?

— Сколько всего кандидатов на престол, Сид? У императора же есть ещё сыновья, почему именно Дисмаль?

— Есть, но на данный момент только он может на него вступить. Лис слишком слаб, в нем магии лишь крупица, он не в состоянии управлять источником, особенно когда защита так нестабильна. Фалиан — сын второй жены, не так силен как Дисмаль, и ему только исполнилось семнадцать... Неплохой вариант, но исключительно в перспективе. Славный мальчик, тяготеющий к живописи и музыке, не способен был даже меч в руках удержать, когда его отослали в закрытое военное училище, с трудом оторвав от материнской юбки. Ну и Рион, ему пять. А вообще Бес, тебе лучше не разглагольствовать на тему престолонаследия при посторонних, наш славный император на покой пока не собирается, и если удастся решить проблему с Шиа, так будет ещё очень долго...

Последние слова парень сказал с тоскливой горечью, будто сам в них не верил, но настойчиво предупреждал держать язык за зубами. Я вспомнила императора, каким он был при нашей единственной встрече, и без Сиды прекрасно понимая, что его состояние лучше держать в тайне.

Выходит, Дисмаль остается единственным человеком, которому выгодна смерть отца на данный момент. Но в чем причина столь быстрого угасания? Сначала мне показалось, что его гложет болезнь, но теперь стало ясно — виной всему защита, отнимающая силы. Очевидно, если император выживет, очередь на престол изменится не в сторону старшего сына. Не зря же он сделал ставку ещё и на принцессу. Глупцом мужчина уж точно не выглядел...

Неужели наследник решил устранить собственного отца? Пожалуй, мне не стоило удивляться. В истории полно моментов, когда даже самые тесные родственные узы не мешали людям, гнавшимся за властью, сметать все на своем пути.

Только почему Дисмаль не выбрал более надежный вариант убийства? Яд? Клинок в сердце? Мало ли способов, которые обеспечивают быстрый результат? Вполне вероятно, что он боится быть заклеянным как царубийца, а выйти чистым из воды всегда намного приятнее и полезнее.

Если принц нашел способ сломать защиту, со смертью императора он наверняка сможет её чудесным образом восстановить, получив не только трон, но и народное признание. Может быть даже Эллиаль в качестве жены... Не зря же он в прошлый раз так старательно её обихаживал? Точно не из-за вспыхнувшей любви к будущей мачехе, которая на несколько лет его младше. Тогда почему на чужестранку было совершено неудачное нападение, свидетельницей которого я невольно стала? Что-то здесь не сходится...

— Мне нужно к Карающему, Сид, отведи.

Стражу моя просьба показалась забавной, он насмешливо поджал губы и хитро прищурился, от чего в уголках его глаз появились очаровательные мимические морщинки.

— Не думаю, что тебе это понравится, Бес, он сейчас несколько занят...

— Чем? Это не займет много времени.

Я вопросительно изогнула бровь, не понимая почему парень так отреагировал, и только потом подумала: "А действительно, так ли это уместно?"

Я не привыкла беспокоить людей по пустякам, а донимать Кайрина, признаться, иногда даже побаивалась... Получив возможность изредка наблюдать как он отчитывает своих подчиненных, попавших под горячую руку, или отвлекающих его от важного дела, я твердо уверилась, что лишний раз к нему лучше не лезть. Нет, учитель никогда ни на кого не орал, не назначал жестоких наказаний, но... смотрел как на грязное пятно в центре идеально отполированного зеркала, и говорил спокойно, будто ядом в изысканной чайной ложечке с рук потчевал, мол: "Скушай за маму, скушай за папу".

Мне было бы проще стерпеть крики и оскорбления, чем испытать на себе этот его фирменный взгляд, особенно сейчас, когда он сделал для меня слишком много, и теперь я безумно боялась его разочаровать. Сама не заметила, как это вышло, но мне хотелось оправдать его надежды, стать лучше, сильнее, не только из-за того, что это было в моих интересах, но и чтобы доказать — он во мне не ошибся.

Вопросы на самом деле могли подождать до вечера, если бы у меня получилось унять своё нетерпение. Ничего важного я, по сути, не открыла, но желание высказаться, которое появлялось у меня с периодичной регулярностью, требовало внимания.

Сейчас. Я поняла это очень четко.

При том, мне не нужен был обычный слушатель, вроде неугомонного парня, который на данный момент вел себя слегка подозрительно, а именно Кайрин, способный понять все мои подозрения по поводу этого дела, не переводя их в шутку. Поэтому я решила рискнуть.

— Тебе придется выбраться из дворца... — Коварно протянул Сид.

Вид у стража был довольный, как у кота, сожравшего колбасу, беспечно оставленную хозяевами на столе. Он бросал мне вызов, играл на любопытстве, и у него получалось. Мысленно отвесив себе подзатыльник, я пошла у парня на поводу.

— Договаривай уже, Сид. Где он?

— В "Оазисе Иршада".

Ответ стал для меня ударом в солнечное сплетение. Воздух перестал поступать в легкие, и я с трудом выдавила из себя жалкое:

— Почти полдень. Он в борделе.

Да и есть ли разница какое сейчас время, я знала, что для "особых клиентов" там делали некоторые поблажки, открывая двери не только с наступлением заката. Почему же меня это так задело? Он свободный человек, и может ходить куда угодно! Вот только мысль, что, когда он оставлял меня в своих покоях, а сам уходил в неизвестном направлении, породила другую: "А не к куртизанкам ли он наведывался все это время?", и она стала, мягко говоря, неприятной.

Черт побери, я все понимаю, но шлюхи?! Стало грустно и ехидный внутренний голос, смеясь, сделал ещё больше: "А ты что, решила их место занять?"

Успокоившись, я плавно выдохнула.

— Не бордель, а... — Крякнул Сид, но я его перебила.

— Элитное увеселительное заведение, мне это уже говорили, но я привык называть вещи своими именами. Ладно, значит разговор придется отложить.

— Так просто сдался? — Удивился страж, — Пошли уже, посмотришь на него в деле.

После этих слов мне захотелось парня чем-нибудь огреть. Желательно предметом

тяжелым и плоским как его шуточки. Жаль под рукой ничего не было, так что пришлось ограничиться словами.

— Ты намеренно надо мной глумишься?! Меня не волнует его личная жизнь, и сам я подобным образом развлекаться не собираюсь, если ты не заметил, меня трясет, когда ко мне кто-то прикасается! Так что засунь куда подальше и свои намеки, и желание сделать из меня мужчину! Я не хочу дотрагиваться до девушки и видеть толпу мужиков, которые её поимели, заруби это себе на носу, и не предлагай мне больше посещать такие места.

— Но посмотреть то приятно? Ты бы видел, как они танцуют... Ммм... — Сид мечтательно закатил глаза, но опомнился, как только увидел на моем лице зверское выражение, — В общем, ты не о том подумал, в оазисе сегодня убили нашего казначея, и Карающий отправился разбираться. Интересное дело, я бы сам поехал с ним, но надо же ещё и за тобой приглядывать, однако, если ты говоришь нет, значит нет.

Злость схлынула, как волна, отступившая на берег. Я вспомнила, что сама дала Кайрину наводку проверить бывшее место работы. Прикусив щеку, досадливо поморщилась. Я же знаю там многих и могу помочь... Наверное, он пока не сказал мне именно по этой причине. У неё была изнанка...

Сид забросил удочку и ждал, что я на неё клюну, а в связи с тем, что приоритеты поменялись, я была к этому близка.

— Я... Я просто не могу туда заявиться, есть одна проблема...

— Какая? Я все решу, — уверенно заявил парень, заставив меня позавидовать его самомнению.

— Там меня знают, Сид.

— Зачем я на это согласился? — Возведя глаза к безмолвному небу, отчаянно спросила я, ни к кому, в частности, не обращаясь.

Уже через какие-то ничтожные пол часа мы выбрались из дворца, и Сид, давясь смешками, не переставал меня подкалывать. Чтобы предприятие возымело успех, меня пришлось замаскировать, и парень подошел к делу с полной серьезностью... Хотя кому я вру? Он вообще не парился над маскировкой, обрядив меня в паранджу! Там даже прорези для глаз не было, только закрывающая лицо сетка.

Не знаю, где он в рекордные сроки нашел эту черную, бесформенную хламиду, но я была готова подстреленным волком взвыть, как только сие увидела.

— Я должен её надеть?! — Воскликнула, глядя на этот ужас, и понимая, что страж полностью серьёзен.

— Естественно, ты же хочешь, чтобы тебя не узнали! Ты мелкий, голос писклявый, сойдешь за женщину, — Сид почесал подбородок, — но, лучше при посторонних ничего не говори... Девушка должна быть кроткой, покладистой, ещё опозоришь меня ненароком...

— Да за кого ты меня хочешь выдать, отведя в бордель?! Изображать живой товар не буду! — Разъяренной змеей зашипела я, и парень, клятвенно заверив, что продавать меня не собирается, вкратце изложил свой "гениальный план", в успехе которого можно было небезосновательно усомниться.

Но отступать было уже поздно, и как-то стыдно, если учесть, что поменять своё решение насчет вылазки я успела уже три раза.

Сид тоже умудрился принарядиться, преобразившись из солдата в своеобразное подобие франта, одетого по местным канонам. Цветастые шаровары, подпоясанные красным кушаком, белая рубашка, длинная накидка-халат; даже тюрбан какой-то нацепить успел, и цапки разнообразные на себя навешать, чтобы статус богатея подчеркнуть. В целом, выглядел он как павлин, но я должна была признать, что был в этом некий шарм, потому что его молодость и улыбка могла украсить любой наряд.

Я же, укутанная в балахон, как в саван, чувствовала себя отвратительно, едва поспевая теперь за его широкими шагами, постоянно путаясь в длинном подоле.

— Семенишь почти натурально, — заметил Сид, решив придержать меня за локоть, когда я чуть не упала, пробираясь темными коридорами дворца, чтобы не привлекать к себе внимания, — так держать, Бес.

Скрипнув зубами, я ничего не сказала, с нетерпением ожидая, когда мы наконец выберемся на воздух. Страж не обманул, сказав, что проведет меня тайным ходом, потому что вышли мы в неприметный переулок, прямо из торцевой двери совершенно незнакомого дома, а стена, огораживающая "цитадель власти", маячила далеко за нашими спинами.

Учитывая, что в пути мы преодолели несколько лестниц, на щербатых ступеньках которых я пару раз успела споткнуться, можно было сделать вывод, что ход проходил под землей и пользовались им не часто.

— А это нормально, что во дворец может пробраться любой желающий, решивший узнать куда ведет эта дверь? — Поинтересовалась я, но Сид отрицательно покачал головой.

— Не может.

— Магия?

— Ключи, — парень подбросил на ладони тихо бряцнувшую связку, в которой я не сразу распознала нечто, похожее на отмычки. Они больше напоминали коллекцию старых брелков, оснащенных разнообразными зазубринами.

Вновь глянув на дверь, я обнаружила, что на ней нет ни замка, ни ручки, только неприметное отверстие в самом боку, имитирующее пятиконечную звезду. Не удивительно, что я раньше этого не заметила, ибо чачван, закрывающий лицо, давал обзор, позволяющий разве что на стены не наткаться. Понимаю суровых мужей, наряжающих своих жен в эту хламиду, ибо так не только женщину никто не увидит, но и она на людей засматриваться не будет...

Помимо прочего, наряд, который мне выдал Сид, ещё и пах неприятно. Будто нафталином каким-то, молью и старой шерстью. Удушливо и едко.

Я подавила в себе желание чертыхнуться.

— Хватит глазеть, нам нужно ещё повозку поймать, не пойдём же мы пешком.

— О да, — ошалев от спешки, поддакнула я, — это же так по-простому.

Поправив одеяние, даже думать тошно, что могла бы ходить в нем на постоянной основе, родись не в том месте и не в то время, или попав к кому-то в собственность здесь, я направилась за стражем, который устремился в направлении шумной улицы.

— Поедем на кщерах, так быстрее, мы скорее всего уже пропустили самое интересное.

Что? Он хочет посмотреть, как из борделя труп выносить будут что ли? Меня подобное зрелище не вдохновляло, и я надеялась, что застать его не придется, но озвучивать свои мысли парню не стала, потому что мы уже влились в толпу из шумных горожан, от чего-то непривычно воодушевленных. Люд был отличен от того, что я привыкла здесь видеть, ибо раньше не выбиралась так близко к центру.

Неподалёку от дворца и люди, и дома были ярче, интереснее, в то время, когда казалось, что на окраины у художника, рисовавшего этот город, не хватило краски. Сравнение оказалось неудачным, и я переключила своё внимание на разговоры прохожих.

— Сид, чему все так радуются? — Понизив голос, не удержалась от вопроса я.

— Свадьба Его величества — отличный повод. Не только во дворце будет праздник, но и в городе. Людям будут раздавать деньги и бесплатные угощения, это традиция.

Мы прошли мимо чайной, из которой даже на улице доносился ароматный запах трав и еды... Вот подобное место я бы с удовольствием посетила, но боюсь, мне сейчас туда путь заказан, ибо у двери висела табличка, вольный перевод которой означал, что с бабами, лошадьми, и прочими домашними животными вход воспрещен.

— А может тебе организовать носильщиков с паланкином, дорогая? — Елейным голосом пропел Сид, заметив, как я остановилась, прожигая взглядом надпись. То есть, взгляда моего он, разумеется, не видел, но заторможенность отметил.

От "дорогой" я чуть не подпрыгнула на месте, запоздало понимая, что парень шутит, обращаясь ко мне в соответствии с образом.

— Просто кушать хочу, ты же меня не кормишь совсем, возлюбленный господин! — Пискнула я как можно более капризно, злорадно наблюдая за вытянувшимся лицом парня.

— Не делай так больше, Бес, иначе решу, что я тебя с кем-то перепутал.

— А ты меня "дорогой" не называй! — Огрызнулась, возвращая голосу привычную тональность.

На этом споры временно прекратились; мы достигли закутка, где в стойлах содержались те самые громадные ящеры, на которых принцесса прибыла в город... Близки мне этих

животных ещё не приходилось видеть, и я с интересом засмотрелась на морды, покрытые редкой чешуей. На свету толстая шкура тускло отдавала перламутром, и не смотря на крупные габариты "транспорта", я его совсем не испугалась.

Раб, ухаживающий за животными, как раз кормил одного переспелыми фруктами, насыпая их прямо в деревянное корыто из выдавшей вида корзины. Ящер с аппетитом поедал угощение, совсем как корова, хрустящая молодыми яблоками, с той лишь разницей что иногда он подбрасывал фрукты вверх и ловил их ртом на лету, чтобы проглотить целиком.

Сид сторговывался о цене с дородным хозяином, предоставляющим живность напрокат, а я все смотрела и думала: "Можно ли их погладить?" Не стоит, наверное...

В том, что ящеры меня не кусают, я почти уверена, а вот, что окружающие не посмотрят на меня как на полоумную — не очень.

— Отправляемся с ветерком, — оптимистично заверил меня страж, подкравшись со спины, и спустя какое-то время я поняла, что он немного преувеличил.

Ящера запрягли в повозку, отличающуюся от той, в которой каталась Её высочество Эллиаль, тем фактом, что здесь полагался извозчик, и мы, утрамбовавшись в тесную кабинку, с размеренной ленцой покатали вниз по улице. Никакой ветерок при этом даже легкие занавески не раздувал.

— Дух от скорости захватывает! — Прокомментировала я, на что Сид обиженно надулся.

— Быстрее чем на своих двоих. Не на лошади же тебя везти, ведешь ли, ты сейчас женщина, а мои женщины достойны комфорта.

— Тьфу ты, проклятье...

Я отвернулась от парня, сделав вид, что уставилась в окно, но он решил возобновить тему, которая разогрела его интерес в самом начале нашей затеи, но я категорически отказывалась на неё говорить.

— И все-таки, Бес, откуда тебя в оазисе знают?

Молчание.

— Неужели у ты когда-то пользовался их услугами? Нет? Действительно, где ж ты столько денег найдешь. Может у тебя там кто-то из родни? Тоже нет, ты вроде туда не рвешься. Возможно, ты был одним из тех мальчиков, которых держат для развлечения господ равнодушных к девушкам...

— Да, Сид, так и было, я работал там проститутотом! Доволен? — Выпалила, чтобы он отстал от меня наконец, — А потом все, дар проснулся, пришлось бежать.

— Где тогда твоё рабское клеймо, малыш? Ты же его и вместе с кожей не срежешь. — Парень продолжал меня бесить.

— А я на добровольных началах. Деньги там хорошие платят!

— Врё-ё-ёшь, тебя точно кто-то из дворца узнал бы!

Захотелось обложить его матом. Русским. Отборным. Трёхэтажным. Все равно ведь ничего не поймет, а мне приятно. Но, кое-что он все-таки из этого вынесет, и задаст самый очевидный вопрос: "Где ж ты слов-то таких интересных набрался?"

Пришлось довольствоваться руганью в уме, к тому же, вслух она лишь распалила бы парня. Похоже, моя персона его всерьёз заинтересовала, и теперь он, во что бы то ни стало, решил докопаться до истины. Ну и пусть копает... Знал бы кого решил в паранджу нарядить, наверняка бы оценил всю ироничность ситуации.

Повозка мерно ехала по улицам города, и я решила помедитировать, прикрыв глаза. Сид даже не заметил, как я отрешилась от происходящего, продолжая выдвигать все более абсурдные предположения по поводу моего таинственного прошлого.

Естественно, поза для сосредоточения была не самая подходящая, но дыхательные упражнения можно делать даже сидя на трясущейся деревянной скамье, так что на них я и остановилась. Кайрин вроде утверждал, что это помогает успокоиться...

— Просыпайся, мы приехали. — Слегка обиженно буркнул Сид. Ан нет, мой игнор его все же задел.

— Я не спал, — обрадовавшись, что попытка наконец закончилась, изволила обратить на парня внимание, — поможешь хрупкой девушке выбраться из кареты?

Фыркнув, страж первым вылез наружу, и без лишних церемоний подал мне руку.

— Как там на острове Ин говорят? Леди, разрешите помочь вам!

— Разрешаю.

Несмотря на то, что мне проще было спрыгнуть с невысокой ступеньки, задрав повыше подол, я приняла ладонь парня с со всем королевским величием, на которое только была способна. Ложные рукава паранджи служили скорее декоративным элементом, чем важной частью одежды, и со стороны мой спуск выглядел смешно, а не изящно, но это лучше, чем выставлять на обозрение мужские форменные штаны.

Извозчик, наблюдавший за нами с озадаченным выражением на худом лице, наверняка гадал не ошибся ли адресом, доставив молодого господина и его спутницу в бордель, но спрашивать ничего не стал. Сид бросил ему крупную монетку в благодарность за немногословность, и тот с облегчением отчалил, оставив нас у ворот увеселительного заведения.

— Как же мне звать тебя теперь, Бес? Имя то мы так и не придумали... — Хитро подмигнул парень.

Мне было все равно. Как только я вновь взглянула на стены публичного дома, который мы вот-вот собирались посетить, уверенность будто рукой сняло. Решение приехать сюда было принято на эмоциях, вызванных подначками неугомонного стража и желанием помочь, но теперь я сомневалась в его правильности.

— Как хочешь, хоть Айгюль, хоть Гюльчатай, пошли уже. Судьба у меня такая — не под родным именем жить. — Рассеянно отозвалась я.

— Так значит это твоё настоящее имя? А какое на самом деле? — Быстро отреагировал Сид.

— Имя, дарованное мне Его величеством — самое настоящее! Только не при рождении, ясно? Или сомневаешься в подлинности власти, чтобы оспаривать её решения, а, заговорщик? — Я усмехнулась, склонив голову набок.

Нет смысла отрешиваться, если он все равно знает, что я такая же родня императору как орлу утка. Возможно, высший свет и сможет в это поверить, особенно сейчас, когда я почти разбираюсь в его порядках, но только не парень, который наблюдал за мной почти с самого прибытия во дворец.

— Даже в мыслях не было!

— Вот и славно.

Все же я слишком расслабилась в его обществе; оно немислимым образом помогало забыть о проблемах, и окунуться в те дни, когда я без труда могла говорить людям то, что вздумается. Сид не строил из себя наставника, не смотрел свысока, не жалел, не пытался

получить от меня выгоду. И это срабатывало...

От понимания стало горько, будто я только что обнаружила на своей спине неоновую табличку: "Место друга вакантно"

Так не должно быть. Захотелось поклясться себе, ответить, что оно навечно занято. Не живым человеком, но хотя бы воспоминаниями, нежностью...

Задумавшись, я чуть не свернула в сторону служебного входа, но вовремя опомнилась. Сид сменил шутливое выражение лица на маску невозмутимости и направился прямо к главным воротам. Как он и просил, покорно поплелась следом, низко опустив голову.

Днем "Оазис" выглядел не столь впечатляюще как с наступлением сумерек. Свет в окнах не горел, и каменный фасад здания показался мне унылым по сравнению с величественной архитектурой дворца, к которой я успела привыкнуть. К роскоши вообще быстро привыкаешь, и вот мне уже кажется странным, как я могла с легкостью жить в тесной комнатухе, которую делила с парой соседей, или даже посреди мегаполиса, в квартире с видом на новостройки.

Появление новых гостей в борделе обнаружили сразу. Жилистый привратник, который служил скорее вышибалой для недостаточно обеспеченных клиентов, вышел нам навстречу, поприветствовав Сиду отточенным поклоном. Вот что золото творит, сразу уважение к незнакомцу появляется.

— Прощу прощения, господин, но вы пришли не вовремя, — извиняющимся тоном известил охранник, и это стало первой брешью в нашем гениальном плане, но черта с два, если мой спутник собирался на этом сдать.

— Разве вы не делаете исключения из правил? — Надменно вскинув брови спросил Сид, — Мне рекомендовали ваше заведение, пообещав, что здесь не прогоняют клиентов, даже когда они приходят не в рабочее время.

— Извиняюсь, господин, но я не видел вас здесь раньше, к тому же, вы пришли с женщиной, а это противоречит нашим правилам.

Ни слова о том, что в стенах здания произошло убийство. Да и вообще, никогда не слышала ни о каких правилах до этого момента.

— Это моя жена! — воскликнул Сид, — Я хочу, чтобы она присутствовала. Плохо ведет себя в последнее время, будет ей наказание. Требую пригласить сюда хозяина, чтобы он лично объяснил мне причину отказа. Вы хоть знаете с кем разговариваете?!

Если охранник и удивился, то виду не подал. В глазах его отразилась лишь легкая тоска, говорившая: "Это мы уже проходили..." Изображая неприступную крепость, он смотрел на Сиду, всем своим видом показывая: "Ты не пройдешь!" Мой спутник недовольно скривился.

— Пойдем, драгоценная моя, видимо Сайдамир ошибся, посоветовав мне это место. Посетим другое.

Парень тронул меня за плечо, разворачивая в обратном направлении. Чего? Он реально решил уйти?

— Стойте! — Опомнился охранник, — пройдемте, я познакомлю вас с хозяином.

На лице Сиды зазмеилась довольная улыбка, а я кое-что вспомнила.

— Ты назвал имя покойника? — Зашипела я, пока наш провожатый отвернулся, подзывая кого-то к себе.

— Молчи женщина, иначе бы нас не пустили!

— А так нас поведут под конвоем!

И правда, оказывается привратник подал знак ещё парочке мордovorотов, которые

безмолвно организовали нам почетный эскорт. Гостеприимно, однако.

Опасливо ступая по вычищенной до блеска дорожке, я старалась смотреть прямо, пока Сид делал вид, что вообще ничего подозрительного не замечает. Ничего подозрительного и не было на самом деле, расклад был ясен как дважды два. Сейчас, узнав, что мы пришли по приглашению убитого, охрана проводит нас к Карающему, и дело с концом.

Но нет. С выводами я поспешила.

У широко распахнувшихся дверей охрана удалилась, и нам навстречу вышла лучезарно улыбающаяся служанка. Губы девушки будто искусственно растянули, придав им приветливое выражение, пока её руки мелко подрагивали, выдавая нервозность. Я помнила, что эта девушка иногда встречала гостей, но имя её благополучно выветрилось из памяти.

— Желаете посмотреть наших девочек, господин? Прикажете отвести вас в комнату? Иршад джан скоро будет. Вина? — Она чирикающе затараторила, подобострастно заглядывая Сиду в глаза, а потом хлопнула в ладоши.

Как по мановению волшебной палочки в гостиную вплыл десяток "нимф" разодетых как на карнавал. Даже парень заподозрил нечто неладное, но к его чести, не растерялся.

— Вон ту хочу. — Он ткнул пальцем в одну из девочек, не особо вглядываясь в её лицо.

У меня создалось впечатление, что несмотря на образ бывалого ловеласа, бордели Сид никогда не посещал...

— Позвольте проводить вас, — промурлыкала выбранная стражем "жертва", в момент оказавшись рядом.

Мне девушка не уделила даже толики своего внимания, делая вид, что не замечает закутанную с ног до головы фигуру, стоящую рядом с клиентом. Она поманила Сиду за собой, мелодично звякнув браслетом из бубенцов на аккуратном запястье, и я даже на расстоянии почувствовала аромат сандала и розового масла, который тонким шлейфом тянулся за ней.

— Учись, как надо встречать своего мужа, — окончательно вошел в свою роль страж, и как на привязи потянулся за куртизанкой.

Взгляд парня не отрывался от загорелой поясницы, плавно переходящей в крутые бедра, прикрытые полупрозрачной тканью. Проще говоря, Сид и думать забыл про дело, увлекшись аппетитной задницей.

— Слушаю и повинуюсь, господин! — Вырвалось у меня.

Колкость осталась без ответа, потому что девушка решила провести нас через зал для гостей, из которого, как ни странно, доносилась приятная музыка. Весь этот фарс никак не хотел укладываться у меня в голове. Где, спрашивается, труп? Где Карающий, черт побери?!

Когда мы оказались в помещении для отдыха, вовсе закралось подозрение, что это не я кого-то обманываю, а Сид с превосходным профессионализмом обманывал меня. В зале сидели мужчины. Все при дамах, которые по кошачьи ластились к ним, в попытке привлечь к себе внимание.

Некоторые уединились в маленьких альковах, из которых слышались милые щебетания и характерные ахи-вздохи.

Быть участницей подобного разврата вживую мне пока не приходилось, и я невольно обняла себя руками, радуясь, что жест остался незамеченным для зрителей. Увы, мужчины решили обратить внимание на единственную женщину, которая, к их досаде, была одета. Странная штука, но даже находясь в саду, полном райских птиц, некоторых привлекала та, что сидела в клетке, накрытой непроницаемой тканью...

— А кого это от нас спрятали? — Пьяно пророкотал один из клиентов, который то ли не заметил, что я уже нахожусь в обществе другого мужчины, то ли не пожелал замечать.

Занервничав, я прижалась к Сиду, чуть ли не отпихнув ту несчастную девицу, которую он себе выбрал.

— Господин, мне не нравится это место. — Жалобным голосом заскулила я, дабы намекнуть парню, что хватит палиться на чужие телеса, пора бы и мою честь отстоять.

Вроде бы тот понял, ибо соизволил обратить на мужика разгневанный взгляд. Смотрелось это не очень впечатляюще, потому что клиент, который мною заинтересовался, превосходил парня как в весовой категории, так и в подаче своего образа. Выглядел он словно заправский пират: небритый, только что вернувшийся из дальнего плавания, и теперь жаждущий лишь одного — тепла и ласки, за которыми и отправился напрямиком с корабля.

— Остынь, громила, это моя жена.

— Врееешь, — протянул "пират", — я враньё за версту чую. Своих жен дома держат. А ну ка, дай взглянуть, что у тебя там за сокровище.

С этими словами мужик встал с кресла, оттолкнув свою девицу, к которой потерял всякий интерес, и шатаясь, двинулся к нам. Я и не подозревала, что сюда таких пускают, но сейчас ситуация отчетливо пахла неприятностями, так что у меня не было времени анализировать причины.

— Дорогой, — попыталась успокоить клиента его временная пассия, — она не из наших, наверняка некрасива, если её хозяин решил прийти сюда... Господин не стоит твоего внимания.

Какая же все-таки умная женщина! Жаль её старания пошли прахом, потому что Сид не умел давить в себе ущемленную гордость.

— Она красива, только ты этого не узнаешь, потому что, если притронешься к ней, смотреть тебе будет уже нечем!

Страж заслонил меня своим телом, всем видом показывая, что готов вступить в схватку со всяким, кто посмел покушаться на его собственность. Публика сразу оживилась, причем поддерживала она явно не Сида, что можно было понять по воодушевлённому: "Ранар, укажи парню на его место!"

Плохая была идея. Плохая, плохая, плохая! В "Оазисе", судя по всему, развлекалась целая банда, и если я не сомневалась, что с парочкой бандитов мой сопровождающий справится, то, что будет, если они набросятся на него всей компанией — думать не хотелось.

— Пошли отсюда, — скомандовала девушка, стоявшая неподалёку, и схватив меня за плечо, потащила к выходу, — пусть мужчины сами разбираются.

Помощи с её стороны я ожидала меньше всего, но отказываться не стала. Оставлять Сида не хотелось, только и помочь было не чем. К тому же, я находилась в растерянности от того, что он меня обманул...

— Его же убьют...

— Убьют и убьют, — бесстрастно ответила красавица, скосив на меня взгляд зелёных глаз, подкрашенных угольно-черным карандашом, — нового найдешь. При должном умении женщина никогда не останется без покровителя. Не велика наука, освоишь. К тому же, не беспокойся, Иршад джан уже здесь, он их успокоит.

Девушка кивнула на высокого мужчину, появившегося в дверях, и я поспешно обратила на него внимание. До этого мне не удавалось увидеть хозяина заведения, и я всегда представляла владельца борделя престарелым обрюзгшим извращенцем, но реальность

преподнесла сюрприз. Иршад джан был в возрасте, но благодаря своей стати и дорогой одежде, ему можно было дать не больше сорока пяти. Волевое лицо с выдающимся подбородком, орлиным носом, густыми черными бровями и острым взглядом, который смотрелся по-особенному угрожающе из-за тяжелых век, выдавало человека, который привык держать своё дело в твердых руках.

Теория подтвердилась, как только мужчина, голосом, не терпящим возражений, спросил:

— Что здесь происходит? Я не потерплю драк в стенах моего заведения.

Увидев девушку, которая пыталась тихо скрыться вместе со мной с места событий, он уверенно кивнул, и пропустил нас за свою спину. Бугай, уже намерившийся почесать кулаки об лицо Сида, что-то ответил в своё оправдание, но реплику я уже не расслышала.

— Меня зовут Лейсан, а тебя? — спросила новая знакомая, увлекая меня в соседнюю комнату. — Хозяин во всем разберется, а мы немного переждем. Хочешь чего-нибудь?

Я помотала головой, поражаясь поведению девушки. Она ведь не на много старше меня...

— Испугалась, верно? — Она истолковала молчание по-своему, — Что же ты натворила такого, если господин решил привести тебя сюда? Вроде такая тихая. В постели что-то не понравилось? Был у нас клиент, который водил своих женщин, чтобы они посмотрели, как нужно с мужчинами обращаться... Хочешь я дам тебе пару уроков? Обещаю, твой господин останется доволен.

Лейсан звеняще хихикнула, пытаясь меня успокоить.

— Спасибо, не надо, — слегка заикаясь от смущения, отказалась я.

Вот вроде и не маленькая совсем, да в современном мире на такое насмотрелась, что некоторым куртизанкам и не снилось даже, но напор девушки выбил из колеи.

— Дурочка. Мужчину нужно баловать, тогда он будет благосклонен к тебе. Твой молод и красив... Не понимаешь ещё своего счастья. Проходи, это комната отдыха, здесь девочки обычно готовятся к приходу гостей.

Лейсан отворила соседнюю дверь и пропустила меня вперед. С тихим вздохом я шагнула в помещение и застыла.

Вальяжно расположившись на одном из разноцветных диванов, по спинкам которых были развешаны женские платья, в окружении зеркал и столиков с косметикой, сидел Карающий.

Девушка, скользнувшая следом, испуганно побелела и поспешно согнулась в поклоне, не забыв дернуть меня за рукав.

— Поклонись, поклонись... — зашелестела Лейсан, но я даже и не подумала этого сделать. Я просто... так рада была его видеть, — простите господин, мы не знали, что тут кто-то есть. Мы уже уходим.

— Стоять, — прищурившись, прошипел Кайрин, — ко мне.

Как собаке сказал. Обреченно выпрямившись, девушка двинулась вперед, но учитель остановил её одним небрежным жестом.

— Не ты. Она.

Голос был таким, что я поняла — ничего кроме нагоняя меня не ждет, но все же поспешила выполнить приказ.

— Господин, простите её, она не знает правил, она пришла с другим мужчиной, — решила заступиться за меня девушка, но на её лепет не обратили никакого внимания.

— Вон отсюда!

Для убедительности Карающий поднялся с места, и стоило Лейсан в опасливо скрыться за дверью, закрыл замок с внутренней стороны.

— Ну что, раздевайся рас пришла, — Рыкнул Кайрин, скрестив руки на груди.

Честно говоря, в первый миг решила, что он меня с кем-то перепутал, но нет, он был просто чертовски зол. До желваков на бледных скулах, до побелевших костяшек пальцев. В ярости. Я это чувствовала, будто воздух вокруг него наэлектризовался и искрил...

— Не буду, — я отзеркалила позу Карающего, хотя не думаю, что он это заметил.

— Ах не будешь? Подработку себе решила найти, Бес? Уроки соблазнения брать? — Оу, оказывается он слышал болтовню Лейсан за дверью. Тон Кайрина начал сочиться медом. — Что ж ты сразу то не сказала! Ничего, мы справимся и без посторонних лиц. Будешь работать у меня на две ставки. Снимай свою хламиду...

Кажется, нужно подождать пока он остынет.

Метнув взгляд на запертую дверь, начала пятиться назад. Может стоит как-нибудь оправдаться? Сид все-таки, похоже, правду сказал, но все равно всю вину можно на него свалить. В голове уже выстроилась шикарная речь с предысторией, в которой меня обманом и хитростью выманили из дворца, но здравый смысл подсказывал: "не поверит", так что пришлось ограничиться простым:

— Я помочь тебе хотела!

— Лучше беги...

И я побежала. Несмотря на то, что он даже за мной не гнался. Вперед было некуда, назад тоже — путь перекрывал широкий диван. Особо не думая, я решила его перепрыгнуть, отгородившись от Карающего с помощью импровизированного препятствия. Про своё облачение я как-то и не вспомнила, так что заорала как резаная, когда, запутавшись в подоле паранджи, зацепилась ногой за спинку мебели и полетела вниз лицом, прямо на встречу полу.

К счастью, столкновения не произошло, меня схватили за шиворот, и опрокинули спиной на мягкие подушки.

— Какое же ты недоразумение... — уже спокойно констатировал Кайрин, вытряхивая моё тело из балахона.

Карающий бессильно опустил руки, и мятая ткань осела к его ногам бесформенной черной грудой. Тихий шелест показался мне оглушительным, будто пространство сжалось до размеров крошечного аквариума, чьи стеклянные стенки эхом отражали самый незначительный звук.

Я замерла, ожидая от учителя минимум — новую колкость, максимум — хороший подзатыльник, но он остался безмолвным и неподвижным. Только кулаки, сжатые до хруста, говорили о том, как он "рад" меня видеть.

На белом лице с заостренными скулами поселилось непередаваемое выражение досады, и я поняла, что он не собирается меня убивать.

— Если сделаешь так ещё раз, руку придется вправлять повторно. Терпеть не могу, когда мою работу не ценят. — Заявил он наконец, намекая на неудачную попытку бегства, — Теперь можешь рассказать, как вам в голову пришла идея нарушить мои указания и направиться сюда...

Готова поспорить, айсберг, потопивший Титаник, был теплее его голоса. Да он и сам смотрелся как ледяная фигура, безупречная даже среди этой помпезной обстановки. Я подумала, что имя ему все-таки чертовски подходит. Кайрин, Кай... Заколдованный снежной королевой. Колочее как иней, способное уместиться в короткий выдох.

— Формально запрет на прогулки я не получала... — Напряженно вставила свои пять копеек, но наткнувшись на угрюмый взгляд, решила, что препираться все-таки не стоит. — Так ты нас видел?

Он ведь прав... Руку в действительности было жалко, и я поняла, что выставила себя полной дурой, поддавшись на провокацию. Желание бежать отпало, осталось только легкое смятение, непонимание и интерес. Пришлось выпрямиться, и гордо вздернув подбородок, сделать вид, что ничего не произошло.

— Какой с тебя прок, Бес, если ты не знаешь, что это единственная комната с потайным обзором на общий зал? Вы разыграли отличный спектакль, профессионально привлекли к себе всеобщее внимание. — Он отвернулся, потирая виски, будто ситуация вызвала у него сильнейший приступ мигрени, — Ты прекрасно отыгрывала роль испуганной пташки, прижимаясь к Сиду. Наверное, хорошо повеселилась, но я не могу сказать спасибо за сорванные планы.

Карающий хлестал словами, не хуже всяких пощечин. Я вспыхнула, но не от стыда, а от злости. Мой безрассудный поступок, по крайней мере, был продиктован благими намерениями!

— Мне бы не пришлось лезть в твои планы, если бы ты счел нужным в них посвящать, — он не желал на меня смотреть, так что слова врезались в обтянутую формой спину. — По-твоему, когда Сид сказал, что здесь произошло убийство, и ты отправился во всем разбираться, я должна была спокойно принять это к сведению и продолжить сидеть на месте как послушная собака?! Может он прав, и я действительно только и делаю, что прячусь? Ты обещал, что твоё отношение ко мне не изменится после того, как узнал правду, и солгал! Думаешь, моих никчемных женских мозгов не хватит на то, чтобы тебя понять?! Что дальше, заставишь вышивкой заниматься?

Я с шумом втянула в легкие воздух, и, когда выдохнула, теплое дыхание вырвалось изо

рта облаком молочного пара. Черт... Карающий медленно развернулся, схватив меня за отворот рубашки.

— Ах, Сид... Значит с него и буду спрашивать. Ведь ты и правда спесивая избалованная девка, если не можешь набраться терпения и сделать, что тебе велено. Возомнила себя незаменимой? Думаешь, я в тебе нуждаюсь? Пока ты не научилась контролировать дар, от тебя столько же пользы, — он притянул меня так близко, что я кожей почувствовала его хриплый шёпот, — как и от этих шлюх за стеной, которых ты презираешь.

Я вцепилась в его руку, и не будь на мне перчаток, наверняка бы разодрала кожу до крови. Желание впиться в его холеное лицо ногтями вспыхнуло алым, будто перед глазами взорвался салют.

— Отпусти меня. — Прошипела, не узнавая собственный голос.

Ярость затмевала разум, кипела. Наверное, это была и его ярость тоже. Он забыл сдерживать свои эмоции, и они ринулись ко мне, как сорвавшиеся с цепи псы, одержимые единственным желанием — растерзать. Их острые зубы погрузились в самое сердце, заражая бешенством.

— После того, как ты пообещаешь выполнять все мои приказы, — процедил Кайрин, сильнее сжав пальцы.

Я почувствовала, как ткань на шее натягивается, почти трещит. Он был выше, и мне пришлось встать на цыпочки, чтобы ослабить давление.

— Я тебе не собака...

— Но, если скажу, будешь лаять.

Вывернувшись, я попыталась его ударить и сама поразилась удаче. Хоть и слабо, но я двинула ему локтем в грудь, сразу отскочив на пару шагов подальше. Ваза с белоснежными цветами, оставленная кем-то на миниатюрном столике, с грохотом полетела на пол, задетая неосторожным движением. Керамические осколки разлетелись по комнате вместе с мелкими лепестками, вода начала капать со столешницы, впитываясь в короткий ворс ковра. Учитывая температуру, резко ушедшую в минус, скоро здесь все обрастет сосульками.

Кайрин смотрел на меня пораженно, удар стал для него неожиданностью, хотя и не нанес никакого урона. Он выпрямился и раздраженно повел плечами.

Я не могла отдышаться.

— Иршад джан, откройте пожалуйста, это я виновата! Я не знала, что он там! — Воскликнул кто-то за дверью, заставив нас обоих отвлечься.

— Лейсан, пора бы тебе прекратить совать нос в чужие дела. Слишком жалостливая. Ты хоть понимаешь, что означает его звание? Он может делать все, что хочет и где захочет. — Прозвучал сдержанный ответ.

— Но вы же всегда пресекали беспорядки! — Голос девушки срывался, — А вам все равно?! Вы же её привели!

— Мне? — В удивленных интонациях третьего я безошибочно узнала Сиду, — Да я могу поделиться, в принципе.

— Ах ты ж, паскуда... — Пробормотала я, взглядом отыскивая свою паранджу.

Карающий сразу понял, в каком направлении текут мои мысли, и злорадно оскалился, наступив на спасительное одеяние.

— Ну уж нет, Бес. Я не собираюсь тебе подыгрывать. Если ты сюда проникла, наверняка продумала и свои дальнейшие действия. Ты либо будешь моим учеником, либо можешь выметаться отсюда. Выбирай. — Полушепотом заявил он и, не получив ответа, продолжил

уже более громко: — Проходите, мы уже закончили!

Скрипя зубами, я оправила одежду и зачесала назад падающую на глаза челку. Решив отправиться сюда, я думала, что удастся повернуть все тихо. Если бы не скандал в общем зале, Сид мог организовать нам встречу, не привлекая к себе лишнего внимания.

Я могла бы кого-то "прочесть" не открывая лица.

Но как? Устало потерев глаза, я поняла, что и правда плохо осознавала последствия. У меня не было плана, только его наброски и примитивное желание быть в центре событий. Будто собирая однотонный пазл, я упорно соединяла неподходящие частицы и заметила это, только когда меня ткнули в них носом.

Растерянность явственно отразилась на моем лице, а может Кайрин просто её почувствовал, потому что его злость наконец схлынула, и он спросил, пока ключ ещё не до конца провернулся в замке:

— Ещё раз ответь мне — зачем пришла?

"Хотела увидеть тебя" — застряло в горле, и я при всем желании не смогла бы сказать это вслух.

Дверь распахнулась, и в проеме показался хозяин заведения, за спиной которого пряталась взволнованная Лейсан. Рядом маячил угрюмый Сид, который не проявлял никакого беспокойства, потому что в отличие от девушки был свято уверен, что ничего плохого со мной произойти не могло.

Увидев нас посреди беспорядка, заведующий борделем даже слова не проронил, лишь многозначительно посмотрел на разом побледневшую девушку, которой хватило секунды, чтобы сопоставить все факты. Её миндалевидные глаза, прикованные ко мне, удивленно расширились.

— Знакомьтесь, Иршад, это мой ученик, а вон тот, — Карающий кивнул на Сиду, — мой подчиненный.

"Оба не могут похвастаться умом" — так и повисло в воздухе.

— Бесман, — Невозмутимо представилась я, — приятно познакомиться. Наслышан о вас, Иршад джан.

— А вот я о вас слышу впервые, Бесман джан... — Удивительно, но мужчина обратился ко мне уважительно.

— Значит, все ещё впереди.

— Простите, господин, я вам такого наговорила! — Не сдержалась Лейсан, поняв, что раздавала советы по обращению с мужчинами не по адресу.

— Ничего страшного, — я поспешила её успокоить, — не важно, о чем говорит женщина, если она так красива...

Комплимент из моих уст наверняка выглядел смешно, и девушка порозовела, едва сдерживая улыбку.

Должно быть, нечасто ей говорят что-то подобное от чистого сердца, да ещё и такие интересные личности как я.

— Лейсан, убери здесь и возвращайся в зал, — прервал хозяин обмен любезностями, и девушка засуетилась, убирая с пола осколки. Мне захотелось ей помочь, но это выглядело бы глупо и не по статусу, — Карающий, позвольте спросить, что происходит?

— Что? Вы ошиблись, и впустили не тех. Впрочем, не думаю, что есть ещё смысл ждать.

Кайрин не стал больше распространяться, заставляя меня мучиться от неведения, и хоть воздух был уже не таким холодным, в нем ощутимо начало потрескивать напряжение.

При Лейсан никто не хотел говорить. Иршад джан нетерпеливо махнул рукой, и девушку как ветром сдуло вместе с останками разбитой вазы, но не успела дверь захлопнуться за её спиной, как в комнату влетел Рад, а с ним долговязый парень, имени которого я не знала. А вот он, похоже, моё отлично знал...

Рад поприветствовал меня лишь кивком, хотя приподнятые брови говорили, что он удивлен, а второй открыто улыбнулся и даже протянул широкую ладонь для рукопожатия. Я как-то рассеянно ответила, припоминая, где могла его видеть, и не находя ответа.

— Бес, и ты здесь. Решил развеяться?

— Эээээ... Да? — Проблеяла я, думая, что для склероза ещё достаточно молода.

Парень подмигнул, и довольно склонил голову, наслаждаясь моей неоднозначной реакцией. В его правом ухе блеснула рубиновая серёжка, а до меня наконец дошло.

— Амин?! — Чтоб мне сквозь землю провалиться, он же полностью внешность сменил! Острые скулы, тонкий нос с горбинкой и угольно черные глаза сменило что-то невыразительное и размытое. Лицо приобрело одутловатые черты, узкий подбородок покрывала трехдневная щетина, а радужки будто выгорели до болотно-карего.

Сид закатил глаза.

— Любишь ты производить впечатление...

— Не завидуй, — пафосно вздернул голову парень.

Сид наклонился к моему уху и пояснил:

— Полезный дар, любую внешность копирует. Вот Карающий и засылает его разведчиком.

— Могу и твою скопировать, — все-таки расслышал Амин, и его заговорщицкий шепот раздался с другой стороны. Вот два змея искусителя нашлись.

— Ни за что! — Возмутилась я чересчур громко, представляя, что будет, когда парень обнаружит у себя наличие груди и отсутствие кое чего другого.

— Ну и ладно, — не обиделся он, — ты все равно мелкий, а менять массу тела и рост довольно болезненно. Знал бы как это мерзко: каждый раз будто наизнанку выворачивает. Это тебе не какая-то там иллюзия, а практически полная идентичность.

— Парни, а расскажите, что случилось? — Мученически взмолилась я, пока хозяин борделя отвлекся, а они не пустились в новое препирательство.

Ответить воинам не дал Рад, который решил выступить с докладом и полностью завладел всеобщим вниманием.

— Карающий, мы их поймали. Мальчишка пытался сбежать вместе с караваном в Фадон. У него даже была с собой неплохая сумма денег.

— Успели спонсировать убийцу? — обратился Кайрин к Иршаду, который под его взглядом превратился из полного сил мужчины в бескровное привидение.

Его руки повисли вдоль тела безвольными плетями, как у висельника, которому уже успели затянуть петлю на шее, и готовились выбить табурет из-под ног.

— Он не убийца, — простонал мужчина, будто это было его последними словами, — он просто запутался. А Сайдамир сам не был чист на руку, и вы это прекрасно знаете, Карающий. Я предоставил вам своё содействие, я практически передал вам в руки и собственную жизнь. Вы обещали организовать для моего мальчика смягчающее обстоятельство!

— Наше соглашение только что было расторгнуто, Иршад, никто так и не явился, и вы не смеете просить меня о помиловании. За убийство императорского подданного положена

смерть; не рассчитываете на меньшую меру наказания, если вам нечего предложить взамен. — Кайрин и без того раздраженный, а теперь и вовсе готов был испепелить взглядом.

— Это какое-то недоразумение, он не мог... — не хотел сдаваться хозяин.

— Свидетели говорят иначе. Впрочем, узнаем лучше после допроса.

— С вашими допросами сознается даже святой! Немой запоет, а слепой прозреет. — Сквозь зубы прошипел Иршад джан.

— Бес? — Позвал меня Карающий. — Хотел поработать? Вперед, будешь допрашивать подозреваемого, — последнее слово он произнес с издевкой, на зло разгневанному мужчине, — Сид, с тобой позже разберусь, а пока присмотришь за безутешным отцом.

— Я хочу присутствовать.

Иршад джан окинул меня быстрым взглядом, будто пытался определить, искусна ли я в пытках. Готова поспорить, его мнение обо мне заведомо сместилось в худшую сторону.

Я наконец начала понимать, что здесь происходит...

— Нет. — Без лишних объяснений ответил Кайрин.

Он подошел ближе, и недовольно скривившись, поправил ворот рубашки на моей шее, который сам же и растрепал. Жест явно был неосознанным, потому что спустя секунду он опомнился и убрал руки.

Вместе с Радом мы вышли из комнаты и направились вниз по лестнице, в подсобные помещения. На пути нам ещё никто не попался, что было для меня облегчением, хотя, Карающего похоже уже не сильно волновало, что меня могут узнать.

— Что с трупом? — Неловко спросила я, чтобы прервать молчание.

— Коченеет. — Кайрин посмотрел сверху вниз.

— Амин был здесь, когда всё произошло, — Рад первым смилостивился надо мной, поспешив дать объяснения, — Он вообще в последнее время часто присматривает за этим местом. По большому счету нас интересуют люди из дворца, поэтому Сайдамир был взят под особый контроль. Поздней ночью он явился сюда, и планировал задержаться надолго. Хозяину сказал, что ближе к утру ждет какого-то гостя, а потом пожелал уединиться с одной из девочек. Он у нас был любителем, кхм... самых юных, поэтому заплатил тройную стоимость за одну рабыню.

Поперек горла встал ком. В Оазисе проживала только одна девочка, которая была моложе всех остальных. Лиина. Всеобщая любимица с глазами лани.

— А дальше?

— Никто понятия не имел, что его могут убить, — Продолжил Кайрин, — шум подняла одна из служанок, когда обнаружила тело. Она увидела, что сын хозяина выбегает из комнаты гостя вместе с рабыней, и решила проверить его, только Сайдамир уже лежал на полу с окровавленным ножом под ребрами. От остальных гостей удалось скрыть происшествие, но Амин был поблизости, и послал весть мне. Оказалось, что это простое убийство из ревности, ведь многие знали, что сын Иршада, тепло относится к девчонке. И ты это тоже, Бес...

Конечно, знала. Нехорошее предчувствие глодало меня с тех пор, как Иршад джан начал унижаться, выпрашивая у Карающего милости. Это был Мика. Мика, подаривший мои серёжки малявке, в которую по уши был влюблён.

Подумать больно, что паренек, который спас меня от стражи в первый же день, мог запросто убить человека. Образ безобидного мальчишки с всклокоченными волосами тут же

всплыл в памяти, и мне захотелось ответить Кайрину то же, что и его отец: "Не мог он никого зарезать! Не верю!" Но было ли это правдой? Ведь я понимала, что в конце концов и не знала его толком. При нашей первой встрече он проявил жалость и только, а потом мы и виделись то не часто. Я была занята работой, а он... он всегда был со странностями.

— Когда мы приехали, Микаэш успел улизнуть. Я с Амином отправился по его следу, а Карающий остался здесь, чтобы узнать с кем должен был встретиться Сайдамир. То, что он умер, было решено на время скрыть. — Закончил Рад.

— Иршад согласился сотрудничать, — нехотя добавил Кайрин, — когда дело касается детей, управлять людьми достаточно просто. Тем более, это его единственный наследник.

А я заявила с Сидом совсем не вовремя... Черт!

— Но кто те люди, которые сейчас развлекаются в общем зале?

— Охрана убитого. Новички. Вам повезло, что они не узнали Сида. Пришлось на какое-то время занять их, чтобы меньше задумывались, почему хозяин так долго не выходит из покоев.

Учитель замолчал, а потом остановился, преградив дорогу. Рад нахмурился, внимательно наблюдая за нами. Этот парень вообще тонко чувствовал напряжение в общении, а мы с Карающим вели себя так натянуто, словно между нами выстроили невидимую стену.

— Не делай такое лицо, Бес.

— Какое это? — Удивленно вскинув брови, спросила я.

— Мученическое, — он поджал уголок рта, — смотреть тошно. Сейчас ты встретишься со своим приятелем, и выжмешь из него все до последней капли. Не вздумай показать свою слабость, только посмей свалиться в припадке, истерике, или что ты там ещё умеешь, иначе я решу, что все твои слова о желании помочь — не более, чем пустая болтовня.

Сохранить спокойствие было сложно, тем более что Кайрин нашел во мне брешь, и не упустил момента, чтобы по ней ударить. Он решил устроить мне испытание, выбрав самого неудачного подопытного из тех, кого только можно было представить на данный момент. Мне было жаль Мику, и эта жалость черным по белому высветилась у меня на лбу. Я не могла просто взять и выкинуть её из головы; запрятать в долгий ящик, запереть на замок и забыть.

Но, ответила я совершенно не то, что думала...

— Постараюсь вас не разочаровать.

Карающий в это, естественно, не поверил, но все-таки пропустил меня вперед.

Мику на время разместили в подсобке без окон, чтобы он и думать забыл о побеге. Обычно там хранили метла, швабры и прочий инвентарь, предназначенный для уборки. Рад сказал, что их с Ли разделили, чтобы допросить по отдельности, но в связи с моим приходом, это уже не имело особого значения. Впрочем, я понимала, что и моя проверка являлась лишь формальностью, потому что и мотив, и доказательства были железными.

Страж с сочувствием смотрел как я вцепилась в металлическую ручку двери, не решаясь её отпереть, пока учитель, скрестив руки на груди, транслировал вокруг себя волны недовольства. То, что у меня коленки трясутся от волнения, можно было понять и без всякой связи, но если он думает, что я пойду на попятную, то жестоко ошибается. Ещё размышляя над тем, с чего начать разговор, решительно провернула ключ в замке, и приоткрыла дверь.

Того, что произошло дальше, я совершенно точно не ожидала. Представляла, естественно, что Мика не встретит нас с распростертыми объятьями, но и того, что на меня

налетит всклокоченный вихрь с деревянной палкой наперевес, предугадать не смогла. От удара по голове спасла исключительно молниеносная реакция. Не моя. Кайрина. Выругавшись сквозь зубы, он поймал черенок от швабры, выброшенный вперед, вырвал его из рук взбешенного мальчишки и откинул в сторону.

Я смогла только потрясенно выдохнуть, пока Рад, схватив Мику за шиворот, уже волочил его внутрь подсобки. Очевидно, он ещё не оставил надежд выбраться отсюда, и сдаваться без боя не планировал.

— Отпусти меня! Отпусти меня, мерзавец! Что вы с ней сделали?! Если вы хоть пальцем к ней прикоснулись, я вас убью! — Угрожающий рык Мики срывался, и в нем то и дело проскальзывали визжащие нотки.

Он не узнал меня. Желая поскорее вырваться, мальчишка извивался всем телом, и молотил по воздуху сжатыми кулаками, в безуспешных попытках задеть Рада, державшего его на вытянутой руке, будто рассерженного котенка. Тот серьёзного вреда тоже не причинит, но поцарапать может знатно.

— Когда вы его сюда вели, было так же? — Сухо поинтересовался Кайрин.

— Почти, при девчонке он вел себя более смирно...

— Может стоит её пригласить?

Пару секунд мальчишка смотрел на меня так, будто впервые видел, и мне начало казаться, что он все же успел слегка тронуться умом. Его тело безвольно обмякло, руки опустились, но в глазах быстро разгорались искры узнавания и злобы... Они плясали на глянцевой поверхности расширенных зрачков огненными бликами, и, хотя я знала, что такой эффект давал свет, лившийся из дверного проема, стало слегка не по себе.

Рад, видимо решивший, что Мика уже успокоился, ослабил хватку и тут же об этом пожалел. Мелькнула ослепительная вспышка, будто подсобку на мгновение озарило сияние шаровой молнии, затем раздался треск, который может принадлежать только разряду электричества, и стража отбросило в сторону. Рад застонал, ударившись спиной о полки, приколоченные к стене, и на него посыпались керамические горшки, стоявшие на краю.

Мика рванулся вперед, но Кайрин быстро сориентировался, заслонив меня своим телом. — Одаренный значит? Бес, планы меняются, не приближайся к нему. Рад, ты в порядке? — Бешеный шакал... — послышалось от стены.

В дерганных движениях мальчишки таилась растерянность, он будто сам испугался того, что натворил, но теперь не видел смысла отнекиваться, просто запрятал ладони в свои безразмерные рукава.

— Ты... — Мика кивнул в мою сторону, его ощутимо трясло, — Я думал, что ты сдох, а оно вон как. Жив, здоров, да ещё и работаешь на императора. Я тебе поверил, а ты все это время разнюхивал, что здесь происходит, да?!

Я сжала зубы. Кайрин все ещё внимательно следил за мальчишкой, пока Рад с трудом начал подниматься. Страж прислушивался к разговору, он, как и Сид, похоже не знал полной истории о моем появлении во дворце, но сейчас меня это не очень волновало. К тому же, парень не из тех, кто будет вытягивать информацию клещами просто ради интереса.

— На императора я начал работать после того, как меня выгнали отсюда пинком под зад. Не тебе решать куда мне следовало податься!

— За какие это заслуги тебя приняли в стражу? Может, все же что-то удалось раскопать, а? Анрем пропала, помнишь её, да? Пооомнишь, — протянул Мика, наслаждаясь замешательством на моем лице, — сестра Ли. Говорят, она видела что-то важное, а потом пропала сразу после тебя! Перед этим вас заметили вместе, я думал, вы оба пострадали, а ты просто сдал её!

— Что? Нариян-эде сказала, что Анрем перевелась на кухню... Дело не в этом, я бы никогда не навредил ей.

Однако я не удержалась от того, чтобы не перевести взгляд на Карающего. Я же рассказала ему обо всем. Мог ли он быть причастен к исчезновению подавальщицы, в голове которой я успела покопаться? Нет, Кайрин не стал бы скрывать это, и уж тем более убивать или похищать бедную девушку.

— Не строй из себя святошу, прячься за чужой спиной! Думаешь, я не знаю кто он?! — Выкрикнул Мика. Инстинкт самосохранения у него как отрезали, а в воздухе снова будто начали собираться искры. Волосы у меня на затылке наэлектризовались и встали дыбом.

— Бес, выйди, — прошипел Карающий, — если он не хочет говорить по-хорошему, придется применить другой метод. Рад, проводи его.

— Нет!

— Катись я сказал, на меня его дар не действует!

— А я и не за тебя беспокоюсь!

Мика вжался в угол, а Рад уже подхватил меня под локоть и, морщась, потащил прочь.

— Вот зараза, — не часто приходилось слышать от этого парня ругательства, даже довольно скромные, — не переживай, Бес, потренируешься на его подружке. И не обижайся, Карающий сделал верно, мальчишка нестабилен, и, если у него случится выплеск энергии — ты первый, кто попадет под раздачу.

— Понятия не имел, что он так умеет, — я приложила ладонь ко взмокшему лбу. Дверь за нами захлопнулась, и Кайрин остался один на один с Микой. — С ним все будет в порядке?

— С Карающим?

Естественно, он просто хочет понаблюдать, насколько его хватит, — Рад что-то прошептал себе под нос, но заметив, что я не поняла, перефразировал: — Дитя грозы, люди с подобным даром редко рождаются в пустыне. Думаю, ты успел понять, почему их так называют.

— Да, но я вообще-то хотел спросить насчет Мики...

— Отделается истощением. С неопытными магами часто такое случается, особенно если дар относится к разряду боевых. Будем разбираться с ним уже во дворце.

За спиной опять послышался жуткий треск и какой-то рокот. Я вздрогнула и обернулась. Кажется, в том, что меня беспокоит только мальчишка, соврать не получится даже себе. Невосприимчивость Кайрина же распространяется не на все виды магии. Я прекрасно помню, что от атак Дисмаля, который силой мысли разжигал пламя, ему приходилось уклоняться, а тут физически не получится это сделать, потому что пространство было слишком тесным для маневров. Не удержавшись, я задала интересующий вопрос Раду, который, судя по спокойствию, на этот счет не волновался.

— Ты видишь на мне обугленную одежду, Бес? Нет. Воздействие такого рода практически не распространяется на неодушевленные предметы, а на подобное у Карающего иммунитет. К тому же, пока парень недостаточно опытен, чтобы кого-то убить. Но потенциал хороший, до сих пор мышцы сводит...

Страж с хрустом размял шею, и стрельнул хитрым взглядом из-под опущенных ресниц. Зря я спросила, теперь чувствовала себя пойманной на крючок рыбой.

От душевных переживаний отвлекло появление Сиды и Амина, которые решили спуститься за нами. Парни казались обеспокоенными, и, хотя по внешнему виду это было довольно сложно понять, я уже научилась различать изменения в их поведении.

— Выглядишь потрепанным, — Сид как всегда не удержал язык за зубами, отметив состояние Рада.

— Пацан оказался не из простых. Как только Карающий его успокоит, отведем во дворец. — Тот пропустил сарказм мимо ушей.

— Надо бы поспешить, — вклинился Амин, — люди Сайдамира начали подозревать, что хозяин не в порядке. Их там всей толпой пытаются ублажить, но это не помогает.

— Хорошо, вы выводите девочку, а я подожду Карающего. Бес, пойдешь с ними, и в этот раз без возмущений.

Ощетинилась, задетая недоверием. Они меня что, век этой вылазкой попрекать будут? Но потом я вспомнила об одном деле, и чуть не застонала от того, что снова придется возразить, а точнее, выставить одно условие.

— Без проблем, но сначала я хочу забрать отсюда свою вещь. Она очень важна для меня и это не займет много времени.

Сид закатил глаза, и, кажется, даже отпустил наигранно-горестный вздох.

— Ладно, я провожу его...

Дело зашло в тупик, и теперь его наверняка придется придать огласке. Вряд ли после всего случившегося мне в скором времени удастся вернуться в бордель, так что я хотела вернуть фотоаппарат, спрятанный в моей бывшей комнате — то небольшое, что осталось в напоминание о доме.

Получив милостивое дозволение, я метнулась в направлении служебного крыла, надеясь, что на пути не встречу никого из персонала.

Слуги были ещё заняты, переполошённые беспокойными клиентами, и это должно было облегчить мне задачу. Две знакомые девушки прошмыгнули в общий зал прямо перед нами, и мне пришлось отвернуться, чтобы они не заметили моего лица.

— Ну ты и дурень... — Прокомментировал Сид, наблюдая за дешевыми попытками конспирации.

— Сам такой! Втянул меня непонятно во что, а теперь потешаешься! Пойдем.

Служанки не обратили на нас внимания, приняв за гостей, так что можно было продолжать путь. Я все равно низко опустила голову. А черт с ним, если кто-то узнает, могу сделать вид, что обознались. Порой даже самая четкая уверенность гаснет, не находя подтверждения. Так бывает, когда смотришь на человека, которого какое-то время не видел, но он мажет по тебе безразличным взглядом, и вот ты уже сомневаешься, был ли это на самом деле он, или воображение сыграло с тобой дурную шутку. Ведь поговорить ты с ним не успел, да и выглядит он не так как прежде.

Одежда на мне уже ничем не напоминала о статусе слуги, и лишний раз отвлекала на себя внимание.

К счастью, мне повезло. Припоминая планировку, я умудрилась прошмыгнуть незамеченной мимо коридора ведущего на кухню, и с облегчением поняла, что моя бывшая комната пуста.

Сид не мешал, дежуря у двери, пока я сноровисто доставала из тайника сумку со своим сокровищем.

— И что это? — Спросил парень, когда я уже была готова идти обратно.

— Скажу, когда поведаешь, зачем на самом деле устроил это смехотворное пари.

Сид потерянно отвел глаза, и только после паузы вымолвил:

— Хотел тебя расшевелить. Мы уже говорили об этом, и я рассчитывал, ты поймешь — когда-то придется брать на себя ответственность, а не переваливать её на чужие плечи. Я предоставил тебе выбор, и ты его сделал.

— Завуалированно предлагаешь не слушать приказы Карающего?

— Нет, — парень неопределенно покрутил в воздухе ладонью, — предлагаю иметь свою голову на плечах. Он просто не всегда бывает прав, и ты не сможешь слепо идти по его следам. В последнее время, когда дело начало касаться тебя, Карающий проявляет чрезмерную осторожность.

— Не замечал. — Я пожала плечами, припоминая сколько раз Кайрин успел довести меня до белого каления своими выходками.

— Зато это видно мне. Он старается не впутывать тебя в неприятности, держит в изоляции. Наверное, все ещё воспринимает тебя как ребенка. У него ведь никогда не было

ученика, и теперь он боится его потерять, разве не очевидно?

— У тебя страсть все преувеличивать, Сид.

— Самую малость, — он улыбнулся, — так что за вещица?

Я повесила запыленный ремешок сумки на здоровое плечо, и мы поспешили прочь. Скорее всего, меня снова отправят во дворец вместе с Микой и Ли, а Кайрин останется здесь, чтобы разобраться с трупом. Не самое радостное известие сегодня доложат императору. Смерть казначея накануне праздника в честь помолвки... Интересно, по такому случаю его могут перенести?

— Это... — я замялась, теребя язычок от молнии на чехле.

Господи, ну как объяснить Сиду, что такое обычный фотоаппарат, и его значение для меня? Пальцы дрожали, я никогда ещё не пробовала это сделать здесь, но мне хотелось попытаться включить его. Техника дорогая, почти не намокла, даже объектив не разбился, и я знала, что батарея долго держит заряд в выключенном состоянии... Если все получится, я смогу посмотреть на лица родных, которые уже начали вымываться из памяти.

— Это? — Повторил парень. Захотелось треснуть ему за то, что вероломно вторгся в мои мысли, но я сдержалась, отвлекшись на беспокойство, кольнувшее душу.

Я жестом попросила стража замолчать, старательно прислушиваясь к себе и окружающему. На периферии сознания бродили посторонние чувства, сухой воздух подземного этажа неуловимо изменился.

— Слушай, Сид, а тебе не кажется, что здесь начинает пахнуть гарью?

Страж нахмурился, шумно вдохнул и дернул меня за рукав.

— Действительно. Бежим!

Стоило нам свернуть в другой коридор, запах стал ощутимее, а по лестнице, ведущей наверх, начали спускаться клубы дыма. Тяжелые, сизые, они напоздали на нас сплошной туманной пеленой и зависали над потолком, затрудняя дыхание. Даже отсюда был слышен треск пожираемого пламенем дерева и крики людей, находившихся в общем зале.

Выругавшись, Сид сорвал с себя дорогой халат и накрыл меня с головой. Я не стала возмущаться, тем более что мера предосторожности была очень своевременной.

— Быстрее, быстрее! — Грозный возглас раздался позади, и мимо нас промчались слуги с котелками воды. Видимо, их тащили с кухни или из купальни, но судя по количеству дыма, так просто возгорание не потушить.

— Господин, что вы тут делаете?! — Я вздрогнула, узнав голос главной кухарки, заметившей незнакомцев на своей территории, — Бегите по лестнице и направо, запасной вход не затронуло, скорее!

— Что случилось? — Сид повысил голос, перебивая гомон взволнованных людей.

— Не знаю, господин, в одной из гостевых спален пожар! Огонь перебирается на первый этаж, спасайтесь же!

Больше не слушая мольбы женщины, парень выхватил у одного из слуг кастрюлю с водой, а затем вылил все содержимое мне на макушку. Это было уже слишком! Вода оказалась ледяной, она тут же проникла под повязку, и потекла по спине, заставляя тело покрыться мурашками. В голове зашумело от резкого перепада температуры, я зарычала от негодования.

— Только не надышись, — приглушенно вымолвил Сид, прикрывая рот сгибом локтя.

— Да без тебя знаю!

Мы скачками преодолели лестницу. Обвалиться ничего не должно, в основном фасад

здания каменный, но ковров, тканей, мебели и прочих предметов декора, которые легко поддаются пламени, здесь не счесть.

Из главного зала уже не доносилось голосов, и я решила, что все, находившиеся там, выбрались через главный вход. Но... почему запах столь невыносимо-приторный? Меня замутило. Сладкую до тошноты вонь горелого мяса невозможно было спутать с чем-нибудь ещё, он забивался в нос и вызывал в горле спазмы, от которых язык прилипал к небу.

— На улицу, всем на улицу, — Командовала Нариян-эде своим подопечным, — нам не справиться!

— Где наши?! — Прокаркала я.

Внутренности скрутило от чувства нарастающей тревоги.

— Наверняка уже снаружи, пойдем, пойдем! — Ответ прозвучал слишком быстро, и в нем не было уверенности.

Кайрин где-то здесь, это невозможно было объяснить, но я знала; он остался в другой части здания и не успел выбраться. Несмотря на то, что до выхода оставалось рукой подать, я захотела рвануть в противоположном направлении. Качнувшись на пятках, я отшатнулась от Сида, но он удержал, не дав сделать и шага.

Даже обливание водой не помогло, без того душный воздух, подогретый огнем, жег кожу своим смрадным дыханием. В груди пекло...

— О, Рахшар, он прикончит меня, если с тобой что-то случится! — Воскликнул Сид, закидывая меня на плечо. С тактичностью у него точно были проблемы.

От неожиданности я не нашла, что сказать, да и не зря, иначе бы точно прикусила себе язык. Ещё минута и я смогла полной грудью вдохнуть чистый воздух, но парень не спешил спускать меня на землю, и сделал это только тогда, когда отошел на несколько десятков шагов от дома. Он осторожно снял меня с плеча, но руки так и не разжал.

— Отпусти меня извращенец, своих девиц будешь так нежно обнимать!

— А ты точно не сбежишь обратно? — С сомнением спросил Сид.

— Нет.

Я не стала упоминать, что хотелось, иначе парень счел бы меня невменяемой. Меня тянуло туда как бабочку, рвущуюся на свет, и подавлять это желание было сложно до ломоты в костях.

Стараясь отвлечься, я с маниакальностью начала оглядываться по сторонам. Из окон особняка валил едкий дым, и светлый камень в некоторых местах уже почернел от копоти. Люди сновали туда-сюда не обращая на нас с Сидом внимания. Их оказалось куда больше, чем я ожидала, и многие были мне совершенно незнакомы. Скорее всего соседи и прохожие, решившие помочь в тушении пожара. Также в толпе я заметила городскую стражу, но среди них не было ни одного лица, которое меня бы заинтересовало.

Где Мика и Ли? Амин должен был успеть вывести маленькую рабыню, но мальчишка оставался с Кайрином, который до сих пор находился в пекле. Возможно, учитель перепоручил его Раду, но сам-то он что забыл в горящем здании?! Я была уверена, что Карающий не пострадал, не мог маг его уровня сгореть в пожаре, просто не мог, да и если бы с ним случилось что-то серьёзное, связь немедленно дала бы об этом знать.

В попытках успокоить себя, я придумывала самые благоприятные варианты событий, но трясоти от этого не переставало.

— Уйми панику, Бес, пора уходить. Стоять среди людей — не самая лучшая идея для нас.

Я отрицательно замотала головой, не веря в то, что Сид собирается оставить все как есть.

— Нужно найти остальных!

— Нет, — жестко отчеканил парень, — сначала я отведу тебя в безопасное место, а уж потом займусь этим.

— Что? Ты действительно тот человек, который пару минут назад говорил мне про собственный выбор? Там же дети!

— У тебя мозги успели расплавиться? — Сид легонько встряхнул меня и наклонился к самому лицу, заглядывая в глаза, которые едва виднелись из-под нахлобученного на голову халата, — С ними лучшие воины, которые справятся и без твоей помощи. Таких случайностей не бывает, это не простое возгорание, кто-то решил замести следы, и мы на это не рассчитывали. Лучшее, что я могу сделать — увести тебя подальше отсюда, потому что жизнь видящего в приоритете. Если пожаром не ограничится и поблизости случится новый прорыв, ты превратишься в балласт, который будет только отвлекать нас. Умей отступать.

Его торопливый шепот обжег не хуже пощечины. В какой-то степени я понимала, что страж прав; он наверняка решил помочь мне набраться опыта в рядовом расследовании, не ожидая, что оно превратится в нечто опасное, но как же больно было принять тот факт, что не смотря на все слова, на деле я оставалась лишь грузом, который в экстренной ситуации потянет на дно всю команду.

Решив больше не спорить, я понуро кивнула, и Сид, удовлетворившись безмолвным согласием, повел меня прочь от борделя.

— Проклятье, тут пол города собралось! — Прошипел он сквозь зубы, — Не оглядывайся!

Если бы это было так просто. Сбегая, я чувствовала себя трусливой предательницей, и никакие аргументы парня не помогли заглушить вину.

Крепко вцепившись в рукав Сида, я проталкивалась сквозь массу копошащихся тел, и терпеливо вглядывалась в чужие лица. Теперь, находясь среди толпы незнакомцев, я впервые поняла, что мне неуютно. Дар постепенно начал отторгать все, что связано с шумными сборищами, вызывая состояние близкое к отвращению. Я будто попала в центр пчелиного улья, всем существом ощущая исходящую от него опасность.

Были ведь времена, когда я не испытывала подобных проблем, а теперь подумалось, что если вернусь домой, обязательно переберусь куда-нибудь подальше от Москвы...

Мы выбрались из толчеи, и Сид свернул в тесный переулок, где несмотря на ироничность ситуации даже дышалось легче. А может дело было в том, что я наконец ощутила — Кайрин покинул горящий дом, и теперь был чертовски зол, что в принципе являлось не таким уж и редким для него состоянием. Черт побери, я оказывается могу чувствовать его даже на расстоянии, это успокаивало и пугало одновременно.

— Не беспокойся парни не пропадут, я уверен, что они уже вывели детей.

— Мика и Ли ведь не виноваты? Многие факты не сходятся в убийстве. Не могла маленькая девочка зарезать взрослого мужчину, да и видел я её, не способна она на подобное. Если же Мика полез её защищать, то зачем взял нож, когда мог оглушить Сайдамира даром? Сид, что с ними будет?

— Кто и на что способен выяснять придется тебе. Если они никого не убивали, то казнить их не будут. Скорее всего мальчишке предложат пройти обучение на службу, а

благополучие его маленькой подружки, станет неплохой мотивацией для сотрудничества.

Проще говоря, его заставят, как это сделали со мной, хотя, мне уже начинало казаться, что место императорского подданного — благо. Если бы не Кайрин, свалившийся как снег на голову, я бы и на шаг не приблизилась к возвращению домой, в лучшем случае продолжая работать в какой-нибудь шарашке мальчишкой на побегушках, а в худшем — загнивая в ней же, но уже с рабским клеймом на теле.

Больше я со стражем не заговаривала, некогда было. Нам предстояло выбраться на другую улицу, подальше от происшествия и поймать повозку.

Припустив за Сидом, я старалась не обращать внимания на боль в плече, которому пришлось не по нраву мои приключения. Ничего, пройдет. Напьюсь лечебных настоек, как только окажусь у себя... Стоило мне подумать об обезболивающих, как правый бок опалило огнем, ощущения были такие, будто его прошило плохо заточенное лезвие. Что за черт?!

Вскрикнув, я споткнулась на ровном месте, едва удержавшись на ногах.

— Бес, ты в порядке?

— Я... Я не знаю. Кажется меня ранили...

— Что ты несешь? Где болит? Дай посмотрю.

Сид обеспокоенно подлетел ко мне, стремясь помочь, но я уже понимала, что это бессмысленно. Без особого стеснения я оттянула вверх куртку, и дрожащими пальцами прошлась по гладкой поверхности кожи. Ни следа крови. Да и боль начала утихать, унося за собой и ощущение чужого сознания в голове. Ранили не меня...

На лбу выступила холодная испарина.

— Бес, ты меня слышишь? Бес! — Кажется, парень что-то говорил до этого, но я действительно не слушала, развернулась и как пришпоренная бросилась обратно. У меня даже мысли не возникло, что можно поступить иначе.

Грязно выругавшись, страж побежал за мной, пока я, руководствуясь лишь чутьем, завернула за угол одного из обшарпанных домов, и с размаху врезалась в прохожего.

— Извините! — Придушенно пискнула, собираясь продолжить путь, но мне не дали, сграбастав в охапку.

Халат Сида упал с плеч; я подняла голову всматриваясь в лицо незнакомого мужчины, и понимая, как влипла. Дернулась, пытаюсь вырваться из медвежьих объятий, но по лицу бугая расплылась лишь довольная улыбка.

— Этот что ли? — Обратился он к кому-то позади себя.

— Этот. Надо же, и искать не пришлось! — Ответил грубый голос его подельника.

Наемники... Я окинула взглядом ещё трех вооруженных до зубов мужчин в пыльной одежде, мигом оценив безвыходность ситуации, затем набрала в грудь побольше воздуха и заорала:

— Сиийид!

Возглас заглушила жесткая ладонь, в которую я незамедлительно впилась зубами. Привкус крови и пота наполнил рот, а голову — эхо чужих воспоминаний, до краев переполненных болью и страхом, нет, не этого ублюдка, а тех, кого он успел убить. Щит, который я так старательно выстраивала, абстрагируясь от видений, треснул и осыпался воображаемым пеплом.

Лишь отстраненно я понимала, что мой верный охранник пришел на помощь, но перевес сил был не в его пользу. Пока страж дрался с остальными, первый огрел меня чем-то по голове, пресекая все попытки к сопротивлению, а дальше я уже ничего не видела.

К счастью или нет, но сознания я лишилась не на долго. Пришла в себя от тряски и обнаружила, что лежу вниз лицом на полу движущейся повозки, ибо тело регулярно подбрасывало на ухабах. Соломки мне, естественно, не подстелили... Затылок раскалывался от ноющей боли, я с трудом разлепила глаза, но не различила ничего кроме темноты...

Мне на голову надели грязный мешок, пахнувший землёй и сухой плесенью, через который даже солнечному свету сложно проникнуть. Его грубая ткань впечаталась в кожу, а завязки натирали шею, почти перекрывая доступ к свежему воздуху. Во рту пересохло настолько, что я не смогла даже застонать.

Впрочем, то, что мне не стоит подавать признаков жизни, стало ясно уже через пару секунд, потому что, судя по звукам, ехала я не одна. Похитители тихо переговаривались, и привлекать внимание к своей персоне, не хотелось от слова "совсем".

Руки мне связали за спиной, веревка резала запястье, но шевелиться, проверяя её на прочность, я не решилась. Все равно не верила, что мне удастся самостоятельно освободиться, а давать наемникам повод поиздеваться над безвольной жертвой нельзя, к тому же, надежда подслушать их разговор, подсказывала, что лучше и дальше изображать труп. Это было не так уж и сложно, учитывая, что проявлять резвость после удара по голове я была физически не способна.

Меня мутило; хотелось верить, что в этом виновата лишь тряска, недостаток кислорода и гнилостный вкус крови на языке, а не сотрясение мозга. Убивать меня не собирались, поэтому удар был не сильным, но и церемониться с пленником наемники тоже не желали.

— Падаль, чтоб он сгнил, — один из мужчин демонстративно сплюнул, и я подумала, что столь ласковые эпитеты предназначены мне, но нет, похоже бандиты перемывали кости своего нанимателя, — все из-за какого-то сопляка! "Плевое дело, возьмете мальчишку и свободны!" Ха, а то, что с этим мальчишкой телохранитель из отряда зачистки, так это он запомнил. Гнида, без оружия Борга положил!

Я застыла, пытаюсь дышать через раз, но наемники так и не сказали имени заказчика, ограничиваясь лаконичным: "он"

Ясно было одно — Сид, который полез меня защищать, сократил количество головорезов, но остальным все-таки удалось скрыться, успешно прихватив добычу с собой.

— Дело сделано, поделим золотишко, нам же больше достанется.

— Как бы из города валить не пришлось!

— Тебе впервой?

Проклятье, никакого конструктива! Только не паникуй, Сашка! Все-таки до чего же обидно, что старания, которые я прикладывала на тренировках, пошли насмарку. Столкнувшись с реальным противником в бою, я не смогла оказать никакого сопротивления. Более того, не получилось даже выяснить, куда меня везут и зачем, хотя шанс покопаться в мозгах у одного из уродов был, я считала лишь поверхностные воспоминания, которые никак не относились к делу.

Если включить логику, поводов меня похищать было не так уж много. Во дворце я засветиться не успела, и дорогу перешла разве что Дисмалю, но в то, что это именно он меня заказал, от чего-то не верилось. Уж очень спонтанно все произошло; принц не мог знать где именно я буду, да и организация бандитов была не на высоте.

Думай, думай, думай... Следует выбирать, но как? Я до боли прикусила губу, пытаюсь очистить голову от посторонних мыслей, и вновь почувствовать Кайрина, но там, где всегда был он, зияла пустота.

Не оставляй меня одну...

Повозка дернулась и остановилась.

— Приехали, малец, кончай притворяться и развешивать уши.

Кто-то из похитителей дернул меня, поднимая на ноги, и выволок на улицу. Зябкий вечерний воздух колот тело мелкими иголками.

— Шагай, — грубый тычок в спину должен был придать ускорения, но я чуть не упала, запутавшись в ногах.

— Послушайте, — я обернулась на голос бандита, и прохрипела, стараясь чтобы слова звучало уверенно, — сколько бы вам не заплатили, мои друзья смогут предложить больше.

— Больше?! — в ответ расхохотались, — Слыхали? Место на плахе что ли? Оно для нас и так, считай, завсегда отыщется.

— Обещаю, что гарантирую вам неприкосновенность, если откажетесь от выполнения заказа. В противном случае никакой побег из города не поможет, если я пострадаю, вас даже из-под земли выкопают.

Острые лезвия царапнуло шею, красноречиво намекая, что неумелые попытки шантажа похитителям не понравились. Я облизала потрескавшиеся губы, ощущая, как железо холодит кожу рядом с сонной артерией. Одно неосторожное движение и можно прощаться с жизнью.

Наемник подошел вплотную и встал позади. От мужчины разило опасностью почти так же сильно, как запахом пота и дешевого алкоголя; захотелось отодвинуться, но я знала, что он на это и рассчитывал.

— Угрожать вздумал?

— Нет... — Прошептала на одном дыхании. — Но и вам заплатили не за убийство, так что отодвиньте железку.

— Угадал, малец, тебя приказано доставить живым, но... — бандит многозначительно ухмыльнулся, скопировав мою интонацию, — никто не говорил в каком состоянии. Так что заткнись, пока я не вырезал твой поганый язык.

Нож медленно убрали от горла и велели пошевеливаться, что было достаточно трудно в связи с отсутствием зрения. Я ступала максимально осторожно, практически шаркая ногами по земле, опасаясь невзначай угодить в какую-нибудь яму или споткнуться о камень.

Мешок с меня снимать так и не пожелали, хотя я была уверена, что и без него в жизни не определила бы свое местоположение. Опираясь лишь на осязание и слух, удалось понять, что меня вели по каменному гроту или шахте, но где она могла находиться в пределах Дарнаса — неизвестно. Дорога медленно, но уверенно уходила вниз, а эхо шагов гулом отражалось от стен, нагоняя неприятные ассоциации со змеиной норой.

После справочников и легенд империи, которые мне подсовывал Кайрин, теория, что где-то поблизости вполне могло обитать нечто похожее на огромную гадюку, способную заживо сожрать человека, казалась не такой уж невероятной.

Помню, как листала потрепанные страницы огромной энциклопедии, изучая обитателей местной флоры и фауны, и постоянно переспрашивала у учителя значение непонятных слов. Благо, книга была с наглядными иллюстрациями, так что я быстро вовлеклась в процесс, не заметив, как за окном погас последний луч солнца, а масляная лампа, отбрасывающая на стол танцующие блики, стала чадить ещё больше. В такой

атмосфере чудовища, схематически нарисованные тушью на пожелтевшей от времени бумаге, казались чем-то из разряда несбыточных страшных сказок. Я разглядывала их со спокойным интересом исследователя, но даже представить не могла вживую. Тем более, что напротив многих видов стояли пометки, которые добавляли ощущение нереальности: "вымерли", "истреблены".

Сейчас ситуация изменилась, в молчаливой тиши пещер каждый шорох воспринимался как знак приближения неминуемой гибели. Мне казалось, будто за нами что-то движется... Воображение быстро выудило из памяти и облачило в плоть образ валиары — огромного змееподобного чудовища, обитающего под землей. Длинное тело, покрытое толстой зеленоватой чешуёй, могло достигать двадцати метров в длину, а в объёме многократно превосходить срез векового дуба.

Сосредоточившись на своих страхах, легко поверить, что это плотные костяные пластины на её шкуре трутся о камень, издавая противный шелест, и, если обернуться, можно нос к носу встретиться с черными провалами пустых глазниц.

Пресекая на корню все фантазии, я принялась считать количество шагов, мысленно повторяя направление, в котором меня вели.

Сто двадцать пять — налево, восемьдесят один — направо, триста сорок четыре — направо... То, что это бесполезное занятие, я поняла после того, как мы свернули пятнадцатый раз по счету. Даже если мне подвернется возможность бежать, вспомнить точную последовательность и воспроизвести её в обратном порядке я не смогу, такое только на страницах детективных романов хорошо работает.

Дальше я прекратила попытки отследить дорогу, полностью погрузившись в себя. Из пучины самобичевания и угрызений совести вывели голоса похитителей, к которым прибавились новые. Один показался подозрительно знакомым, но я уже почти перестала что-либо соображать и лишь обреченно слушала как бандиты торгуются с заказчиком, пытаюсь набить стоимость за потерянного товарища.

— Довольно. Двенадцать золотых и проваливайте на все четыре стороны. — Раздраженно бросили им в ответ, и с меня наконец сорвали мешок.

Зрение мутилось, да и голова шла кругом, но в свете тускло горящих факелов, я разглядела перед собой хозяина борделя. Окруженный ещё несколькими наемниками, он взирал на моих похитителей с плохо скрываемым пренебрежением, но, нужно отдать им должное, бандитов это не смущало. Поймав на лету кошель с деньгами, главный взвесил содержимое на руке, потом заглянул внутрь и довольно осклабился.

— Пацан ваш.

— Вы знаете где выход, — сквозь зубы прошипел Иршад джан, после чего моментально сменил гнев на милость, — а ты, юный принц, погостишь пока у меня. Надеюсь, поездка не доставила тебе неудобств.

Не почувствовать иронию мог разве что слепо-глухо-немой. От удивления у меня отнялся язык, так что несколько секунд я провела в полнейшем ступоре.

— Спасибо, все было чудесно, обожаю, когда банда немых головорезов отлавливает в переулке, бьет по голове и увозит в неизвестном направлении. Однако боюсь разочаровать, но вы явно что-то перепутали, оказав мне такую честь. Я не принц.

Хорошо, что к тому времени как я вновь обрела способность говорить, "немые головорезы" уже скрылись из поля зрения, тихо растворившись во мраке подземелья, будто их и не было вовсе. Я осталась один на один с мужчиной и его людьми, которые не считали

нужным вмешиваться в разговор. Охрана?

— Я прекрасно знаю кто ты такой, Бес, — от ноток самодовольства, проскользнувших в его голосе, меня перекосило, — во дворце и у стен есть уши. Можешь не притворяться, что это не тебя на празднике император собирается признать своим сыном. Принц, не принц? Без разницы, он плодит новых отпрысков как щенят. Развяжите ему руки, все равно он отсюда не сбежит.

— Вы так уверены? — Потерев затекшие запястья, веревку на которых быстро срезал безмолвный охранник, я исподлобья взглянула на мужчину. Черт, сумку с фотоаппаратом с меня сняли уже давно, единственный кинжал, который я прятала в голенище ботинка нашли и забрали.

— Ты же умный мальчик, верно? Тогда поймешь, что единственный выход отсюда — сговорчивость твоего наставника. Знаешь, что это за место? Давным-давно здесь были рудники по добыче адамантина. Сейчас камень уже не в ходу, но раньше он имел хороший спрос. Из него делали украшения, его ограняли, но после череды смертей горожан и эпидемии среди рабов, которые здесь работали, поняли, что минерал ядовит. Добычу быстро остановили, основной вход в шахты завалили камнями и вскоре забыли о её существовании. Однако целый подземный лабиринт на окраине Дарнаса сохранился до сих пор, и выбраться из него, не зная дороги, у тебя не получится, а задерживаться здесь на долго я бы не советовал...

— Что с учителем? — Сжав кулаки, в ответ на напыщенную речь я смогла задать лишь один единственный вопрос.

— А что с ним может быть? Живуч как песчаный кот, — раздраженно выплюнул Иршад джан, — решил поставить мне условия, но теперь я сам буду их диктовать, и ты послужишь для этого хорошим залогом. Мне нужен мой сын, я обменяю его на тебя и навсегда покину империю.

— Вы устроили пожар? — Догадалась я.

— Верно. От тела нужно было избавиться и отвлечь внимание Карающего, но к тому времени он уже успел отправить Мику во дворец с одним из цепных псов. Я не сумел его перехватить, но с тобой повезло больше. Спорю, ты куда интереснее, чем кажешься на первый взгляд... — мужчина довольно сощурился, — даже не будь ты важен для императора, этот ублюдок точно захочет тебя спасти. Покровительство во взгляде... Надо же, кажется я нашел слабость камня.

— Вы несете бред, — я не сдержалась.

— Правда? — собеседник выгнул бровь. Сейчас он вел себя так, будто мы вели разговор о погоде за чашкой горячего чая, — "Карающий", ты хоть понимаешь, ребенок, что значит это звание? Полагаешь, он рыцарь в сверкающих доспехах, который доблестно охраняет сон правителя, а утром поправляет за ним подушки? Нет, он не просто находит врагов империи и отправляет их под суд, он расправляется с ними без всякой жалости, будь уверен, встань на его пути хоть сам подземный властелин, он прикончит его не задумываясь. Такому учат с детства. Но вот что я вижу, меч императора, смотрит на ученика как на собственное дитя, а ты, первым делом спрашиваешь у меня: "Что с учителем?" Симпатия обоюдна, или я не прав?

— Я так спросил, потому что моя жизнь полностью от него зависит, — огрызнулась, понимая, что оправдание выглядит жалко, и мой прокол уже стал очевидным. Чтобы скрыть его, пошла в наступление, — Что вы знаете об убийстве Сайдамира? Это ведь сделал не ваш

сын и не Лиина. Помогаете предателям?

— Довольно, мальчик, — мужчина тут же преобразился, выйдя из образа благосклонного господина, — не думай, что я выболтаю тебе правду. И не смей называть меня предателем, это император изнутри разрушает нашу землю, не я.

Опустив голову, я незаметно провернула кольцо на пальце, как если бы делала это в волнении. Никто даже не подумал изъять у меня побрякушку, не придав ей никакого значения, а между тем она оставалась единственным шансом на спасение, путь даже вероятность удачного исхода и равнялась одному проценту из ста. Осознание, что подарок Кайрина все ещё со мной, придало уверенности, которую я успела практически растерять.

Иршад джан предпочел прекратить откровения, и сухо отдавая приказания своему подчиненному, перестал обращать на меня всякое внимание.

Неприметный мужчина с широким лицом и спутанными кучерявыми волосами должен был передать требования об освобождении Мики, в числе которых был не только обмен заложниками, но и выплата значительной суммы денег. В случае промедления, моя участь окажется незавидной.

— Начнете отрезать мне пальцы, Иршад джан? — Скупо поинтересовалась я, безучастно наблюдая за спокойным лицом своего тюремщика.

Сил на эмоции уже не осталось, что было весьма кстати в этой ситуации.

— Как пойдет... — Так же безразлично ответил мужчина, а затем быстро сунул что-то в руки гонцу, — А это отправишь сам знаешь кому, когда выберешься из шахт. Помнишь, как работает?

Предмет я разглядеть не успела, он исчез в кармане наемника так же быстро, как и появился в поле зрения.

Время потянулось мучительно. Напрасно оставшиеся наемники старались приглядывать за мной, стоять было невыносимо и вскоре я села у стены, не обращая внимание на холод.

Иршад джан мельтешил перед глазами, нервозно расхаживая из стороны в сторону, чем невольно вызвал у меня приступ мигрени. А может виной тому послужила очередная шишка, украсившая затылок? Запустив пальцы в волосы, с отвращением обнаружила, что они слиплись из-за подсыхающей крови.

Поведение мужчины настораживало.

— План не безупречен, — протянула я, старательно пряча глаза, — как собираетесь его проверить? Даже если обмен состоится, у вас не будет гарантии, что Карающий, получив меня обратно, не бросится за вами по свежим следам.

— Хочешь сбить меня с толку? Поверь, пути отступления я обдумал. Но даже если бы их не было, он не в том состоянии, чтобы кого-то преследовать.

— О чем вы?

— Работа опасная, — усмехнулся мужчина, — скажем так, он не избежал травм. При этом большинство его людей сейчас направлены на охрану дворца, и тратить силы на меня — не самая лучшая идея.

Сукин сын! Наверное, на моем лице все-таки отразился гнев, потому что мужчина тут же это заметил.

— Сколько эмоций! — Иршад джан присел передо мной на корточки. — Забавный ты парень, Бес. Знаешь, специфика моей деятельности волей-неволей учит замечать кое-какие особенности в поведении людей.

— Ага, вы занимаетесь содержанием шлюх, непередаваемый опыт, бесспорно.

Мужчина хрипло рассмеялся, и его рука мягко опустилась на мое колено. От этого жеста моментально бросило в холодный пот, ощущения были такие, будто головой в грязную лужу макнули. Я вжалась в стену, лопатками упираясь в неровную поверхность.

— У тебя смазливая мордашка. Даже потрепанный вид её не портит, — ладонь скользнула выше по бедру, заставляя меня бросить панический взгляд на охранников, стоявших неподалёку. Те насторожились, в любой момент готовясь вмешаться, если я попробую навредить их господину, — и ты не столь наивен, чтобы не понять моих намеков. Так может у вас и не родственные чувства вовсе?

— Уберите. Свою. Руку. — Чеканя каждое слово, выдавила я.

— А иначе что?

— Иначе я вас убью.

Угрозы мужчину развеселили, он шутливо поднял обе ладони вверх, словно показывая мне, что пасует перед лицом опасности. В то, что я способна выполнить обещание Иршад джан не поверил, полностью рассчитывая на своих людей. Очевидно, что они прикончат меня быстрее, чем успею сказать "Ах", но в тот момент я готова была рискнуть.

— Если у меня не получится вернуть своего сына, я, пожалуй, оставлю тебя себе в качестве компенсации. Посмотрю на что ты способен.

Скатиться в банальные оскорбления, обозвав похитителя большим извращенцем, что было самым приемлемым в списке моих ругательств, помешал шум в глубине туннеля. К нам приближались, и судя по звукам, это был отнюдь не гонец Иршада, вернувшийся с новостями.

Мужчина отвернулся от меня и выпрямился, подозрительно всматриваясь в темноту. Избавиться от навязчивого внимания к собственной персоне было приятно, а злорадство, вызванное обеспокоенностью Иршада, грело душу. Надежда, что могли прийти за мной, загорелась и тут же погасла, как спичка, которую пытались зажечь на ветру.

Трое... Люди, вышедшие из тени, подобно призракам, были облачены в черные плащи, наглухо закрывающие фигуру. Лица невозможно разглядеть из-за идентичных масок, напоминающих венецианские, за тем лишь исключением, что они были абсолютно белыми. Безэмоциональные, словно гипсовые, они, виднелись из-за надвинутых на голову капюшонов, и мне было бы куда проще видеть на их месте звериные оскалы. Поведение хищников легче предсказать.

Пришедшие застыли, мне показалось это зловещим знаком, но вопреки ожиданиям Иршад джан расслабился.

— Не думал, что вы прибудете так скоро. Все пошло не по плану. Сайдамир, эта ничтожная крыса, хотел выдать нас. Но я успел вовремя, я все предотвратил...

— Предотвратил? — В голосе одного из гостей, приглушенном из-за маски, проскользнула ирония, — Так ты это называешь? Позволил шпиону проникнуть в Оазис, не смог замести следы, когда стражи императора заявили к тебе на порог, а теперь смеешь просить помощи?

— Я делал все для вас! Шпионил, укрывал ваших людей! То, что я успел сделать не может перечеркнуть одна единственная ошибка! Я никого не выдал! Лишь себя. Поэтому, вы поможете мне и моему сыну скрыться. Справедливая сделка.

Я молчала, пытаюсь слиться со стеной. Господи, это его покровители? Дело дрянь, и, судя по всему, мужчина ещё не понимал насколько. Они не собирались торговаться.

— Все ошибки свершаются из-за любви... Нам не нужен твой сын, а теперь не нужен и

ты.

— Так зачем вы вообще сюда пришли, если не собираетесь помогать? Это в ваших интересах. Будьте уверены, во дворце обо всем узнают...

— Это он? — Перебил сбивчивую речь Иршада мужчина. — Мальчик, которого ты прячешь за спиной будет полезнее чем твой сын.

Я поняла, что владелец борделем и правда пытался загородить меня так, чтобы люди в масках не разглядели моего лица. Не помогло.

— Мы получили твое послание, Иршад, — спокойно продолжил "безликий", — можно сказать перехватили. Ты хотел обмануть нас. Велел передать, что взял в заложники сына одного богатенького чиновника, когда на самом деле схватил птичку поважнее. Решил воспользоваться нашими услугами после того как обмен состоится? Знал ведь, что никто больше не спрячет тебя от Карающего. Но вот незадача, ты не единственный наш информатор в Дарнасе. Обмена не будет, твой наемник уже мертв и требования сообщить не успел. Парня забираем с собой.

Все произошло так внезапно, что я не успела обдумать дальнейшие действия, уяснив лишь одно — никакая помощь за мной не явится. Владелец борделя вздумал начать собственную игру, и когда попробовал, его тут же решили устранить.

Один из людей в масках вынул меч, который прятал под своим плащом, и охрана Иршада тут же отреагировала, ошестинившись оружием в ответ.

— Решили избавиться от меня? Нужно было подготовиться лучше! Мальчишка мой!

— Отойди с дороги, Иршад, может получишь шанс на быструю смерть.

В полумраке туннеля замерцали электрические разряды, и вместе с этим в руках незнакомца вспыхнул огненный шар. Факелы, установленные в ниши на стенах, моргнули и погасли, их зыбкое пламя метнулось в центр, подчиняясь воле огневика. До боли знакомая картина...

В одну секунду все смешалось, превратившись в смертельный ураган из звона железа, всполохов огня и треска молний. С каждым разом у меня появлялось все больше поводов ненавидеть магию. Теперь ясно от кого Мика унаследовал свой дар. Иршад джан наверняка был хорош в умении убивать, и опытен, в отличии от своего сына.

Его наемники тоже оказались не из простых, и хоть сражались в основном при помощи холодного оружия, умудрялись не попадать под огненные атаки противника. Двое прочих "безликих", кажется не были столь сильны как их главный, поэтому полагались больше на мечи, уравновешивая силы с обеих сторон.

Совсем рядом пролетел сгусток пламени, и растекся по каменной стене прямо у меня над головой. Проклятье! Да они прикончат меня и не заметят даже! Не заметят... А это мысль. Сейчас или никогда.

Встав на четвереньки, я поползла вдоль прохода, пока банда заговорщиков, решивших устроить междоусобные разборки, полностью сосредоточилась на убийстве друг друга.

Тело ломило, будто по нему проехал асфальтоукладчик, но преодолевая боль, я поднялась на ноги как только обогнула место бойни, и стремглав рванула вперед. Не разбирая дороги, не видя перед собой ничего кроме чернильно-густого мрака, спотыкаясь, я совершенно не представляла куда бегу, но мне было не до того. В конечном итоге какая-то из сторон победит, сделав меня своим трофеем, и лучше я погибну в подземельях, чем смиренно приму участь безвольной игрушки.

Если переговоров не будет, неизвестно, что со мной сделает Иршад джан, а о его

"приятелях" и думать было страшно. Уж они точно не были расположены к обмену заложниками.

— Сбежал! За ним, быстро!

Крики, раздавшиеся за спиной, подстегнули плетью, придав ускорения.

Далеко впереди замаячил свет — мягкий, теплый, солнечный, он казался видением, пока не начал приближаться. Выход! Скользя по шершавой стене фалангами пальцев, я как обезумевшая устремилась к нему, и через минуту упала на колени, зажав ладонями рот, чтобы не закричать от разочарования.

Тоннель обрывался, уходя вниз бездонным провалом. Свод подземелья так же был открыт и где-то вверху виднелся кусок манящего звездного неба. На улице царила глухая ночь. Я могла об этом догадаться, если бы сопоставила время, но меня сбил с толку свет, который источали камни, усеявшие стенки пещеры как живые светлячки. Дотронься до такого — и он выпорхнет из-под пальцев, взвиваясь в воздух вместе со своими собратьями фейерверком белых искр.

Наверное, это какое-то подобие фосфора. За день они накапливают солнечный свет, проникающий вглубь пещеры из расщелины в потолке, а ночью излучают люминесцентное сияние. Красиво. Только вот фосфор ядовит.

Иршад джан не соврал, когда рассказывал об этом месте. Не знаю верна ли догадка, и действительно ли я обнаружила тот минерал, о котором он говорил, но, если это не единственная ловушка, можно днями бродить по подземельям, время от времени натываясь на ложные выходы.

Воздух уже не отдавал затхлостью, прохладный сквозняк лизал разгоряченную кожу, но дышать здесь было труднее. А может это и не камень виноват? Я поймала себя на том, что сижу у самого края пропасти и бездумно раскачиваюсь взад-вперед, давя подкатывающие горлу слезы.

— Теперь медленно встань и отойди от края на несколько шагов. Ни одного лишнего движения, не люблю избивать детей.

Хриплый голос с нотками усталости раздался позади. В какой-то степени я ожидала чего-то подобного, но надежда, давшая мне силы на бегство, вдруг иссякла, как топливо, в бензобаке старого автомобиля. Ржавяющая, полуразвалившаяся машина заглохла на пустыре, и теперь годилась исключительно на металлолом. За ней уже пришли, чтобы разобрать на части.

Пользуясь тем, что пришедший не видит моего лица, утерла слезы запачканным рукавом. Глаза тут же защипало с новой силой, но я стоически молчала, подчиняясь приказу.

Плавно поднялась с колен, нарочно показывая мужчине раскрытые ладони, будто он приставил к моему затылку дуло пистолета. Чувство опасности учащенным пульсом билось в висках, но я растянула губы в фальшивой полуулыбке. Пусть думает, что мне не страшно...

Бросив последний взгляд на бездонный провал, я развернулась, и глумливо перекатываясь с пятки на носок, вздернула подбородок. Человек в маске, один из тех, что пришел за Иршадом, покачал головой, наблюдая за этим ребячеством. Он ждал. Спокойно, уверенно. Ждал, что я сдамся, так что мне было даже весело не оправдать его надежд.

— Я так сильно вам нужен? Тогда желаю приятно отскрести останки со дна.

Леденя от ужаса, глубоко вздохнула, делая шаг назад. Безликий сорвался с места, осознав, что добыча ускользает, и в долю секунды преодолел разделяющие нас несколько метров. Ухватившись за горловину куртки, мужчина рванул меня на себя, утаскивая

подальше от края. Ткань загрещала, оголяя шею. Я навалилась на “спасителя” всем весом, в попытке повалить его на землю, и вряд бы ли она увенчалась успехом, если бы не сыгравший на руки эффект неожиданности. Он потерял равновесие.

Глаза застелила кровавая пелена. Противник упал, и я с размаху ударила его ногой в живот. Стон боли только подогрел охватившее меня бешенство. Сильнее, надо бить сильнее! Честная игра? Шла бы она к чертям собачьим, здесь никто не играет по правилам!

— “Не люблю бить детей” — передразнила я, — Скотина.

Рука мужчины потянулась к ножнам на поясе, но я его опередила, ухватившись за рукоять клинка раньше. Куда тяжелее, чем то, что подбирали мне на тренировках, чужое оружие растревожило вывихнутое плечо. Металл холодом обжег пальцы, призывая воспользоваться им. “Убей его, Бес, убей и беги! Только не медли, пока он ещё не успел опомниться!” — промелькнула безумная мысль. В отличии от своего командира, этот, похоже, не был силен в магии. “Прикончи его, пока есть шанс!” Но я не могла. Стояла, держа в руках жизнь незнакомого человека и не могла её оборвать. “Слабачка! Он бы тебя не пощадил! Или ты думаешь он чем-то лучше прочих?! Убей, убей!”

В ярости я отбросила клинок. Он со звоном ударился о камни, проскользил несколько метров и беззвучно канул в прожорливую пасть обрыва.

Мужчина расхохотался. Я не видела его глаз в прорезях маски, но мне казалось, что в них должно быть презрение.

— А ты не совсем безнадежен, сынок.

Ненавижу... Другая мысль — более разумная и трезвая, охладила рассудок. Он наверняка знает как выбраться из этого лабиринта, и, если как следует покопаться в его мозгах, можно найти выход.

Нужно оглушить его кольцом, чтобы не дергался, а потом вытянуть память из неподвижного тела. Вот только одна проблема — он, как и я, носил наглухо закрытую одежду, а для исполнения плана требовался оголенный участок кожи. Быстрее и проще всего будет сорвать с него маску. Ну чтож, посмотрим, что за лицо прячется под этим убожеством.

Я прыгнула на мужчину, коленями придавливая его грудь. Ещё не отошедший от ударов в живот, он застонал, потому что я расчетливо целилась в солнечное сплетение. Убить у меня сил все равно не хватит, но выбить воздух из легких — отличный способ дезориентировать.

Капюшон слетел с головы противника; его жесткие черные волосы были острижены довольно коротко, давая понять, что он не из благородных. Урод. Я потянулась к белой как полотно маске, но поздно поняла, что слишком близко наклонилась. Дернувшись, мужчина ударил меня в лоб головой, от чего перед глазами вспыхнули белые мушки, а он получил время, чтобы перекатиться, подмяв меня под себя. Мы поменялись местами.

С рыком я пыталась от него отбиться, но время безнадежно было утеряно, а отравленная игла кольца, которой я решила его достать, увязла в ткани рукава, так и не достав до кожи. Мужчина выкрутил мне запястье, заметив единственное оружие, на которое я рассчитывала.

— Какая забавная у тебя игрушка, — с интересом протянул он, — много ещё таких припрятал? Люди Иршада плохо тебя досмотрели. А это что?

Шнурок со вторым кольцом вылез из-под одежды в пылу драки, и противник его заметил. Нет, нет, нет!

— Не трогай, сволочь! Это моё! — Закричала я, но мужчина уже сорвал талисман, оставшийся от дома, и молча рассматривал, как играют блики света на его поверхности.

— Врешь! — Вдруг прошипел он, ещё сильнее придавливая меня к земле, — Откуда ты его взял?!

— Не твоё собачье дело!

Вывернув вторую руку из чужого захвата, я дотянулась до шеи мужчины, и скользнула пальмами под маску. Его подбородок был покрыт колючей щетиной, и это единственное, что я заметила прежде, чем меня захватило видение.

Вокруг было тихо, я стояла на коленях, обхватив руками худую фигуру. Уткнувшись лицом в плотную ткань чужой одежды в где-то районе талии, вдыхала едва ощутимый запах раскаленного песка, палящего солнца и вольного ветра. Запах пустыни. Он уже успел вьестся намертво, полностью сроднившись с человеком. Это было неправильно, по-другому, не так как я хотела, точнее, как он хотел.

— Прости меня. Прости меня, прости. — Бессвязный шепот утопал в пустоте, мольбы не получали никакого ответа.

Тот, кого я просила, не делал попыток обнять в ответ, даже не шевелился. Женщина? Ребенок? Я не могла понять. Видение ускользало из головы, тлело как обрывки бумаги, брошенные в угасающий камин.

— Не молчи, пожалуйста. Ты сможешь меня простить?

— Я не знаю... — Слышу собственный голос.

Подняв глаза, вижу себя. Настоящую себя. Острые скулы, короткие волосы, и застывшее выражение лица. Кажется, я схожу с ума...

Большого я увидеть не успела. Что-то отбросило мужчину от меня; прикосновение прервалось, а вместе с ним исчезла и тяжесть тела, давившего на ребра.

Сфокусировав зрение на реальности, я с ужасом увидела, что моего противника уже терзает огромное черное животное. Тварь, похожая на пантеру, только в два раза больше, вцепилась ему в плечо у самого края обрыва.

Шиа? Нет. Наверное... От страха я не смогла с точностью определить вид, тем более сзади раздался рык, который оповещал, что оно привело сородичей!

— Стоять. Он нужен живым. — Спокойный голос Кайрина показался слуховой галлюцинацией на фоне творившегося безумия, и только когда его руки помогли подняться с земли, я полностью осознала, что мне не почудилось. Он здесь, живой, осязаемый, потрогать можно! Это я и сделала, вцепившись в учителя мертвой хваткой. Он поморщился, но стерпел, неловко запустив руку мне в волосы. — Все хорошо, Бес?

Какой формальный вопрос. Отвратительно! Ужасно! Сумасшествие какое-то! Меня трясло, я чуть не сдохла несколько раз за один проклятый день.

Естественно, я так не сказала. Возможность говорить у меня вообще временно перестала функционировать. Глядя на кошек, которые загнали в угол человека, я только и могла, что жаться к Карающему. Похоже, животные его слушались.

Зверь, напавший на мужчину, прекратил терзать его. Подчинившись приказу учителя, хищник медленно обходил свою жертву по кругу, нетерпеливо дожидаясь команды: “Фас”

Безликий же сидел на земле, зажимал рукой кровоточащую рану, и, склонив голову набок, выглядел так, будто совершенно не боялся окружающей его стаи. И где только Кайрин достал этих тварей?

— Хорошо же тебя покромсали, если ты решил натравить на нас дворцовый зверинец. — пророкотал мужчина, — В следующий раз приведешь с за собой целую армию, а, палач? Или нет? Проблема в том, что ты уже не знаешь кому доверять, правда?

Карающий не ответил, хотя я почувствовала, как он напрягся. Действительно не знал. Я не могла влезть ему в голову, но и без этого было ясно — предателем мог оказаться каждый.

— Следующего раза не будет, по крайней мере для тебя, — наконец обронил учитель.

Он не угрожал открыто, но за одной единственной фразой скрывалось больше, чем просто угроза. Обещание. Мысленно он уже вынес мужчине смертный приговор, и перед тем, как его приведут в исполнение, пленника будут долго пытаться, вытягивая правду... Наверное, мне придется присутствовать.

Стоило только представить это, как на душе стало паршиво. Не смогу на это смотреть. Ещё пару минут назад я почти готова была убить противника, но сейчас, когда ярость отступила подобно холодному отливу, во мне ни осталось и капли решительности.

— Лучше бы ты прикончил меня, парень, — словно читая мысли, проговорил мужчина, — вскоре ты и сам это поймешь.

— Взять!

Карающий понял, что он что-то задумал раньше, чем я. Стены завибрировали, на голову посыпалась песчаная крошка, а воздух пошел мутной рябью.

— Беги, быстро! — Кайрин избавился от моей хватки и ринулся к безликому, но было поздно.

Даже кошки не успели отреагировать. Нет, мужчине некуда было бежать, и покончить жизнь самоубийством, шагнув за край пропасти, он тоже не спешил. Он не пользовался боевой магией, не был отличным воином, иначе смог бы разделаться со мной без особого труда, у него был другой талант.

Под маской скрывался мастер порталов — единственный человек, способный открыть проход в другой мир, и только что мы его упустили...

Я вновь проигнорировала приказ.

Стояла как вкопанная, кожей чувствуя остаточную вибрацию, которая сопровождала схлопнувшийся портал, и смотрела в пустоту, на месте которой только что был враг.

Розовые мечты о том, что я смогу вернуться домой, как только найду нужного человека, осыпались прахом. Я взращивала их как цветы, а сейчас поняла, что труд был напрасным. Вот он — находился перед самым носом, одержимый непонятной идеей и желанием уничтожить то, к чему я сейчас была причастна.

Звери, дезориентированные и взбешенные внезапным исчезновением добычи, скребли когтями землю, принюхивались, рычали... Как странно, по виду из семейства кошачьих, а ведут себя как собаки. Один из хищников плавно подобрался ко мне и ткнулся мокрым носом в раскрытую ладонь, заставив окаменеть от паники. Лизнул, оставив на коже алые разводы. Господи!

— Кайрин, пожалуйста, убери его... — на одном дыхании прошелестела я.

Окровавленная пасть зверя, находившаяся в непосредственной близости от руки, которую ему не составило бы труда откусить, вывела меня из шокового состояния.

Карающий, сгорбившийся и неподвижный, все ещё находился у края пропасти. Напряженная спина, сжатые кулаки, он хотел перехватить беглеца, но так и не успел. Вздвогнув от звука моего голоса, учитель повернулся, окатив холодом безразличия во взгляде.

— Они не тронут тебя. Специально выведенный гибрид и, на данный момент, лучшее создание Лиса. Беспрекословно слушаются хозяина, неплохие ищейки. Я дал им понюхать твои вещи перед тем, как отправился сюда, — ответил он, но все же отдал приказал твари убраться от меня подальше.

Как только хищник нехотя отошёл в сторону, я судорожно вытерла изгвазданную в крови ладонь об одежду. Кайрин с каменным лицом проследил за этим жестом, и от его деланного спокойствия стало вдвое больше.

— Чего ты молчишь? — Я шмыгнула носом, пытаюсь уловить эхо его эмоций, но ничего не почувствовала и могла только догадываться, как он сейчас зол. — Ну? Давай же, скажи какая я идиотка! Ходячая катастрофа, неудачница, спутала тебе все планы, сломала все, что возможно было сломать. Скажи, что, если бы не я, виновные давно были бы пойманы! Или что мне действительно надо было задавить свою слабохарактерность и прикончить этого гада! Я ведь могла! Скажи, черт побери, ведь это правда...

Последние слова я практически прошептала. Умом понимая, что веду себя не вполне адекватно, а по правде говоря, вообще неменяемо, я не смогла остановить поток практически бессвязной речи. Молчание Карающего, его невозмутимость, послужили причиной для начала истерики. Разочарование — вот, что он скрывал, и сейчас мне казалось, что я смогу стерпеть все, кроме этого. Ведь, по сути, кто я для него? Вещь. Полезный, многофункциональный инструмент, который помогает в работе, но иногда вот подводит в самый нужный момент.

— Ты действительно идиотка. — Карающий покачал головой, и продолжил, сказав совсем не то, что я ожидала, — Портал мог спровоцировать обвал, а ты осталась здесь, когда я приказал бежать.

— Это, что... Все? — опешила я, чувствуя, как тело начинает колотить мелкая дрожь, — Стой... Ты понимал, что тоннель может рухнуть и все равно полз за той скотиной?! Нет, это не я ненормальная, это ты ненормальный! Да я весь день думала, что тебя смертельно ранили!

— Бес, успокойся...

Нет, успокоиться я уже не могла. Слабость отступила на второй план, я подлетела нему с единственной мыслью, что сейчас съезжу кулаком по этой холодной роже, и плевать, что он скорее всего блокирует удар, а если и нет, то вероятнее больше наврежу себе. Но... Руки подвели, и вместо того, чтобы вцепиться Карающему хотя бы пощечину, они предательски обвили его за талию. Я обнимала его не потому, что боялась, как это было несколькими минутами ранее, а потому что хотела обнять.

— Я ведь почувствовала, как тебя ранили, а потом ничего. Словно ножом отрезали. Мне такие мысли в голову лезли, а ты все не откликнулся!

Слезы катились по щекам, за всю жизнь, наверное, столько не проливала... И останавливать их на этот раз не хотелось, потому что Кайрин не стал препятствовать, прижав меня к себе в ответ.

— Вообще-то так и должно быть, я ведь специально тебя заблокировал. — Его дыхание запуталась в волосах, — моя боль помешала бы тебе нормально соображать. А сейчас, признаться, я и сам почти ничего не чувствую. Эффект обезболивающего, плюс, лекарь не смог быстро залатать рану, так что ему пришлось наложить стазис. Долго на нем не протянешь, но на какое-то время хватает. Он уже начинает ослабевать, так что будь добра, не сжимай меня так крепко. Не скажу, что мне неприятно, конечно, но в какой-то мере это доставляет некоторые неудобства...

Слышать от Кайрина что-то подобное было непривычно... Он не отчитывал меня, не отталкивал, и, судя по всему, действительно обрадовался, что со мной все в порядке. Стало стыдно за свою несдержанность, и то, что я совершенно не подумала о его состоянии.

— Получается, когда меня избивают, ты это тоже ощущаешь? — Просипела я, уткнувшись носом в его куртку.

— Да, — тихо ответил он, — если боль достаточно сильная. Не думал, что привязка так подействует, но порой это выгодно — проще понять, что с тобой происходит.

— Отвратительно... Как ты это терпишь?

Я резко вспомнила, что у меня болит практически все. Черт...

— Привычка. Жаль, что сейчас не помогло. — Между тем меланхолично продолжил Кайрин, — После обезболивающего связь притупилась; я с трудом определил твое местоположение, и мог с уверенностью сказать лишь то, что ты жива. Пришлось взять ищек, чтобы упростить поиски.

Медленно отстранившись, я заглянула в его лицо. Карающий невольно поморщился, и мне вдруг показалось, что он держится исключительно на одном упрямстве. Белые пряди прилипли ко лбу, губы поджаты. Его поведение, которое я изначально списала на злость и разочарование, на самом деле могло иметь совсем другие причины. Он старательно делал вид, что с ним все в порядке, но это было не так.

Даже попросив, чтобы я его отпустила, он неосознанно на меня опирался, и, похоже не полностью отдавал себе отчет в том, что говорил. Экстренная ситуация помешала мне сразу разглядеть его глаза, но вблизи я обратила внимание на расширенные зрачки, почти вытеснившие серебристую радужку. Взгляд был неестественным, стеклянным, такой

невозможно списать на причудливую игру освещения.

Я уже видела что-то подобное, давно, когда в компании Димки отмечала день рождения нашего общего знакомого. Ближе к ночи шашлыки за городом переросли в глобальную пьянку.

С улицы мы переместились в частный дом, принадлежавший имениннику, где народ и продолжил веселиться. К тому времени я успела устать и всеобщего настояния не разделяла, забившись в угол гостиной, подальше от грохочущих колонок. Музыка била по мозгам, так что я развалилась на раскладном диване и от скуки листала ленту новостей в телефоне. Друг куда-то отошел, оставив меня наедине с мечтами о тишине и покое, которым так и не довелось сбыться.

— Леди скучает? — Отвлек голос Макса. — Могу развлечь.

Белобрысый парень, с которым я была знакома лишь шапочно, навис надо мной, сверкая белозубой улыбкой. Впечатление о нем у меня сразу сложилось не самое приятное, и мысленно я уже успела окрестить знакомого мажором. Он ходил в брендовых вещах даже выбравшись на природу и вел себя так, будто был хозяином вечеринки.

— Леди отдыхает, — угрюмо бросила я, но поняв, что так просто от меня не отстанут, разъяснила, — не пью, не танцую, в разврате не участвую.

Парень хохотнул, оценив несмешную шутку, и, ни капли не обидевшись, подо двинулся ещё ближе.

— Я могу предложить кое-что получше... — Загадочно протянул он, и выудив из кармана маленький пакетик, покрутил его в пальцах. Глаза у мажора маслянисто блестели, — скажем, это допинг.

Узнать, что за допинг такой, к счастью, я так и не успела, потому что вовремя вернувшийся Димка, застал парня врасплох.

Помню, как друг с презрительной гримасой отобрал у него пакетик с веществом и под возмущенные крики высыпал содержимое в окно.

— Ты хоть знаешь, сколько денег сейчас выбросил?! — Шипел Макс.

— Мне плевать. Если надо, можешь с земли слизывать, — Парировал Димка, — Собирайся, Саш, едем домой.

Связываться со спортсменом мажор не решился, так что вскоре мы благополучно уехали на такси. Взбешенный друг всю дорогу ненавязчиво и в красках рассказывал мне о вреде наркотиков, благополучно играя роль мамы, папы и старшего брата в одном флаконе.

Тогда я закатывала глаза, тихо посмеиваясь над чрезмерной опекой, но сейчас, когда этот эпизод всплыл на поверхность памяти, мне было уже не смешно.

Кайрин выглядел так, будто находился под кайфом. На данный момент он растерял последнюю собранность и рассеянно гладил меня вдоль позвоночника. Холодный пот прошиб тело. Это он обычно уравновешенный, но кто знает, что придет ему в голову, если догадка верна.

— Что ты принял? — Спросила с замирающим сердцем, — Я ваши настойки каждый день бутылками пью, ни одно из того, что ты приносил так не действует.

— О чем ты?

Карающий сделал озадаченный вид, чем только подтвердил опасения. Все-таки лжец из него отличный, но на данный момент соображал он медленнее, чем обычно.

— Ты под дурью, дурманом, наркотой! Или как это у вас называется?!

— Неплохая осведомленность... — Протянул Кайрин, в конце концов перестав

отрицать, — расскажешь откуда?

Я попыталась отодвинуться, но на этот раз он не позволил. Дыхание участилось, будто легкие зажали в железные тиски.

— Боги, только попробуй... — Выпала я с перепугу, точно не зная, как закончить предложение.

— Что? — Поинтересовался Карающий. Он наклонился совсем близко, сгорбился, уронив голову мне на плечо, — Не бойся, я просто устал...

Оно и видно! Перебирая в уме все доступные варианты действий, я так и не смогла найти что-то подходящее, а между тем, ситуация отчетливо переставала мне нравиться. Не то, чтобы Кайрин вел себя совсем уж неприемлемо, но я уже привыкла ожидать лишь худшее. Ударить? Нет. Во-первых: сопротивление могло его спровоцировать, а даже находясь не в форме, он был сильнее меня. Во-вторых: я не хотела сделать ему больно.

Однако это получилось само собой.

Почувствовав холодные губы на своей шее, я вздрогнула, впившись в его тело ногтями. Карающий застонал и начал медленно оседать на землю, увлекая за собой и меня.

Сдавленно пискнув, я упала на колени, понимая, что нечаянно задела его рану. Он истекал кровью, а я даже не заметила...

— Проклятье, за что мне такое наказание?! — Взвыла, тут же позабыв о всем на свете, — Кретин, я же ни разу не врач!

Восклицание не повело за собой никакой реакции. Он был почти в бессознательном состоянии.

— Не отключайся, только не отключайся!

Взяв в руки его лицо, я попыталась отыскать там хоть искру понимания.

— Мы не сможем выбраться, я не знаю, куда идти! Пожалуйста, господи!

Да о чем я только думала?! Ему нужна была помощь, причем срочно, и я не могла её оказать.

— Где остальной отряд? Ты не мог прийти сюда один! Кайрин, ради всего святого, отвечай!

Я практически рыдала.

— Отряд был занят поимкой Иршада и остальных, когда я отправился за тобой. — едва слышно ответил он, — Возьми ищеек, они подчинятся, а потом проваливай. Не оборачиваясь.

— Ты бредишь...

— Сделай хоть раз в жизни, как я прошу!

Карающий поднял взгляд, и его чувства вновь начали передаваться мне. С неохотой, они просачивались сквозь трещины в его самообладании как вода. Раздражение, физические боль и нечто неясное, то, что он все ещё пытался скрыть.

— Приведу ребят...

— Они не успеют.

Кайрин пошатнулся. Я подхватила его, чтобы уберечь от падения навзничь, и сама чуть не захрипела от тяжести мужского тела. Рядом взволнованно зарычали кошки, но я не обратила на них никакого внимания, пока не услышала позади чужие шаги.

Волосы на затылке встали дыбом, я затравленно обернулась, и я крикнула, прежде чем успела понять кто передо мной:

— Стой на месте, иначе я скомандую разорвать тебя в клочья!

— Я тоже рад тебя видеть, Бес, но, прежде чем исполнить своё обещание, дай мне ему помочь.

Сид... Это был всего лишь Сид. Захотелось раствориться в облегчении, которое накатило на меня при появлении стража. Если он действительно поможет, я ему даже свечку за здравие в городском храме поставлю, или что там местные святоши делают? Намаз совершу.

Порыв был кратковременным.

Проигнорировав хищников, которые уже распознали в парне своего, Сид решительно оттеснил меня от Кайрина, давая понять, что шутки кончились. Ни грамма прежнего веселья в его глазах, ничего знакомого, позволяющего понять, что все будет хорошо.

— Так и знал, что этим закончится, — пробормотал парень, присаживаясь рядом со мной на колени, — самоубийца. Посмотрим, что можно сделать...

— Сид, что с ним? — Голос дрожал как натянутая струна.

Меня то бил озноб, то будто кидало в адское жерло... Страж не отвечал, он сосредоточенно срезал с Карающего одежду, оголяя торс, перемотанный бинтами. Красное на белом...

— Я успею, успею...

Эластичная ткань, стягивающая рану, затрещала под лезвием. От месива, которое открылось глазам, у меня пошла кругом голова. На белоснежной поверхности кожи адели розы... Это был не просто удар ножом, в него будто воткнули штук десять разом и провернули, не давая возможность нормально зашить. Лекарь и не смог, хотя пытался, должно быть. Узор складывался в лепестки цветка, увитого стежками, подобно лозе терновника. Человеку, который пытался залатать это, прямая дорога в мясники.

— Успеешь? — Я уставилась на Сида, как на умалишенного, в то, что он сможет что-то сделать в данной ситуации уже не верилось. Спускать на него собак было не самым лучшим решением, но меня было уже не остановить, — Какого чета ты вообще позволил ему отправиться сюда в таком состоянии! Знал, говоришь?! Знал и подумал, что наглотаться какой-то дряни, чтобы заглушить боль и лезть в пекло это нормально?! Отвечай!

Парень не слышал меня, он вообще остолбенел, не предпринимая больше никаких действий. Я толкнула его в плечо, выводя из состояния транса.

— Бес, — огрызнулся он, — я ему не начальник, заруби себе на носу. Его решение было обдуманным и соответствовало ситуации. Иного выхода не было! Я бы не смог ничего изменить, и ты, окажись вдруг на моем месте, тоже.

Я ведь понимала, что он прав, сотню раз, может тысячу. Мне стоило злиться на Иршада, сделавшего это, но желание растерзать виновного здесь и сейчас, сподвигло искать крайнего в том, кто на данный момент был ближе всего.

— Решение угробить себя?!

— Нет, спасти тебя! Мог бы хоть каплю благодарности проявить!

Не выдержав, я замахнулась и врезала парню по лицу, быстро, чтобы не спровоцировать очередное видение. Костяшки пальцев защемило. Больно, но ему больнее. У Сида хрустнула переносица, по губам побежала тонкая струя крови; он смотрел на меня не своими глазами, до конца не веря, что я это сделала. Красиво получилось.

— Ты мне нос сломал! — Он поднял руку, раздумывая врезать ли в ответ, но не смог, раздосадовано сплевывая на землю.

— Только посмей заикнуться о благодарности, — Зашипела я, — Лучше сдохнуть в

канаве, чем ещё раз допустить, чтобы люди которых я люблю, умирали ради моего спасения!

Парень изогнул бровь и прищурился, в черных глазах промелькнула жалость, смешанная с пренебрежением. Язык я прикусила как всегда поздно, сообразив к какому выводу его мог привести мой выпад.

— Вот как. Можешь не волноваться, не помрет, — процедил Сид сквозь зубы и отвернулся, гипнотизируя взглядом учителя.

Он наверняка думал, что раскрыл мой секрет: ничтожный, мелкий, грязный, не достойный мужчины. Мнит меня геем? Извращенцем? Ничто не мешало ему шутить на эту тему, выпытывая у меня о работе в борделе, но получив подтверждение своим домыслам, он разочаровался. А я ведь не то хотела сказать, совсем не то! Да, я уже не смогу солгать даже себе в том, что Кайрин не стал мне дорог, что я не привыкла к нему, что не впустила в зону комфорта...

Но стоит ли оправдываться? Объяснять человеку то, что он не готов принять в данный момент? Выставляя себя в ещё более худшем свете? На это не было времени. У меня кости плавилась, спину ломило так, будто каждый позвонок дробился на части, бок кололо нещадно и дыхание от этого перехватывало... А ведь это не полный спектр ощущений, учитывая, что связь работает не на полную катушку.

— А знаешь что? Клал я на твое мнение, Сид! Помоги мне вытащить его отсюда, потому что ты ни хрена не помогаешь! Ему нужен нормальный целитель!

— Правда? — Издевательски ответил парень, — Подожди немного, и узнаешь кое-что занимательное. А лучше поддержи за плечи, когда начнет дергаться. Прижми к земле и не отпускай, мне нужно будет его напоить.

Страж достал из кармана мутную склянку из зеленоватого стекла, откупорил её зубами и скривился.

— Чем?! Что ты хочешь сделать? У меня ваши снадобья в печенках уже сидят!

— Нужно подождать окончания первой стадии и прервать вторую. На первой регенерация... Держи я сказал, начинается!

А что на второй?! Спросить не успела, тело на земле выгнуло дугой. И мне бы тоже корчиться рядом с ним, но я не могла, не должна была этому поддаваться. Не сейчас. Забыть о боли, действовать. Руки сами легли на мужские плечи и надавили.

Кайрин открыл глаза, зрачок полностью вытеснил радужку, сделав их безжизненными. В черном глянце я нашла свое отражение, но он ничего не видел, не различал лиц, даже не кричал, потому что не мог. Глухой хрип, как от недостатка воздуха, вырывался из горла. Я прикусила губу, чтобы вновь не зарыдать.

Но это было не главным. Рана действительно затягивалась на глазах, рубцевалась, оставляя на коже лишь неровные швы.

— Они мешают, — отстраненно заметила я.

— Что?

— Нитки...

— Мать твою, да какая разница, идиот?! Сам потом с этим разберется. Крепче держи!

Сид предусмотрительно уселся Карающему на ноги, но так просто с ним было не совладать. Бесконтрольно он выбрал самого слабого из нас двоих и легко отбросил в сторону. Прокатившись по земле, я ткнулась во что-то мягкое и подозрительно рычащее. Монструозная киса, по какому-то недоразумению называемая ищейкой, придала мне стимул кинуться обратно. В этот раз я навалилась на Карина всем телом, поперек груди, и

очень вовремя, потому что Сид, оставшись без помощи, чуть не выронил свою склянку. Не знаю, что в ней, но пусть поит чем хочет, ибо если он сейчас такой, я не хочу знать, что будет дальше!

Я уже не видела, что делает страж, зажмурилась уткнувшись Карающему в ключицу, разгоряченной щекой чувствуя исходящий от него аномальный холод. И в тот момент мне казалось, что в нем жила целая буря — ледяная, безумная.

Не помню в какой момент это закончилось. Он внезапно расслабился, затих, а я так и осталась лежать, замороженно слушая мерный стук чужого сердца. Выдохлась, иссякла....

Как я до этого вообще могла ходить, дышать, разговаривать? Единственное чего хотелось — закрыть глаза и провалиться в беспмятство, уснуть на сутки, неделю, тысячу лет, а проснуться уже дома, в собственной постели. Пусть шум машин как прежде доносится из приоткрытой форточки, а Кирилл собирается в школу что-то недовольно бурча себе под нос и попутно играясь с повизгивающим от восторга щенком. Пусть с кухни доносится аромат яичницы с беконом, про которую мама опять забудет, отчитывая брата за мятый пиджак, который она только что выгладила.

Пусть все будет как прежде — понятно и привычно. Пусть мне все это приснится.

— Ненавижу тебя, — выдохнул Сид, а потом разразился потоком таких ругательств, что я не смогла отделить их от редких цензурных слов и вычленить общий смысл. А может его и не было?

Что он пытается донести, когда мне так все равно? Но парень разговаривал не со мной.

— Я знаю... Спасибо за помощь, — Спокойно ответил Кайрин. Его низкий голос отдался kloкочущей вибрацией в ушах, и это оказалось на удивление приятным. Прижаться бы теснее и слушать, слушать... Может так я смогу не сойти с ума?

— Спасибо? Все, что ты можешь сказать? Снова и снова я переживаю это, а ты ведешь себя так, будто ничего не произошло! Не стоит благодарности, всегда к твоим услугам! — Едко процедил страж, а затем уже мне: — А ты чего разлегся?! Слезь с него!

— Не могу.... — “Не хочу” — но это уже в мыслях.

Однако здравый смысл, подсказавший, что липнуть к человеку, когда он, мягко говоря, не здоров — немного по-свински. Неуклюже я сползла с чужой груди, стараясь при этом не смотреть на Карающего. Стыдно то как, а ещё страшно выдать свои эмоции и почувствовать его. Возможно, если не буду встречаться с ним взглядом, он не узнает, как нужен мне? Потом, когда совершенно успокоюсь, я смогу спрятать этот никчемный груз куда подальше. Не сдалась ему моя привязанность! Что она может вызвать в ответ? Жалость разве что. Я ей отравлюсь.

Сид сидел рядом, склонив голову на бок и при взгляде на него стало ещё хуже. Разбитый нос парня точно не красил, кровь застыла в уголке его губ и оставила размазанный след на подбородке, напоминая глупой выходке. Зря я его ударила. Говорила ведь, что не собака, а так ли оно в действительности? Броситься на него лишь из-за какой-то фразы! Да меня на цепь посадить нужно!

— Сид, я...

— Поглоти меня пески, убери с рожи это виноватое выражение! Даже так я покрасивее тебя буду!

— Хватит. Потом расскажете мне что между вами случилось, а пока пора убираться.

Я наконец нашла в себе силы посмотреть на Кайрина. Он пружинисто поднялся, повел широкими плечами, разминая шею и подал мне руку таким естественным жестом, будто

пару минут назад не умирал у нас с Сидом на глазах. Не стань я свидетелем этого, ни за что бы не догадалась, что с ним что-то не так. О ране напоминали лишь бледные шрамы и в клочья разодранная куртка, которую теперь можно было разве что сжечь. Кто же ты такой?

Какая закономерность — стоит только подумать, что я начинаю разбираться в этом мире, как он подбрасывает мне новую порцию загадок. Потом, все потом... Не могу больше.

На лоб легло что-то влажное и холодное. Застонав от неприятных ощущений, я зажмурилась и перекатилась на другой бок, натянув одеяло на голову. Было так тепло и уютно, что выныривать из этого состояния совершенно не хотелось. Кровать, родная... Пахнет только как-то странно, не стиральным порошком, а горькими травами.

— Проснулась? Значит, жить будешь.

— Мама?

Журчащий женский голос показался таким ласковым и знакомым, что я выбралась из своего укрытия. Дневной свет резанул по глазам, не позволяя разглядеть чья темная фигура сидит передо мной, но затем я привыкла к освещению и узнала Рахиль. Умопившись на краю постели, не стесняясь помять своё изумрудного цвета платье, она держала в руках мокрую тряпку и, кажется, пыталась сбить у меня жар.

Тупо пялясь на сдержанную улыбку женщины, я ещё секунду пыталась понять, что происходит, а потом резко встала, вызвав приступ головокружения.

— Лежи, — недовольно буркнула Рахиль, мягко укладывая меня на место, — хочешь воды? Может чего-нибудь ещё? В пределах разумного, конечно.

Рассеянно кивнула, позволяя женщине поухаживать за мной.

Память возвращалась урывками. Я помнила, как приняла руку Карающего в подземельях, а потом перед глазами все поплыло, став мешаниной из слов и действий. Мир вокруг то становился ясным, то вновь угасал. Кажется, меня взяли на руки, потом куда-то везли, укутав в мягкий шерстяной плащ, под который все равно пробирался холодный пустынный ветер.

Сид что-то докладывал, Карающий отвечал. Так же я помнила голос Рада и остальных ребят. Смысл разговора иногда терялся, но я уловила, что Иршада поймали, а вместе с ним и человека в маске, которого я приняла за главного. Их схватили во время драки, как раз после того, как я улизнула оттуда, и пока большинство стражей занималось транспортировкой пленников во дворец, Кайрин отправился на мои поиски.

Дорога до города стерлась из воспоминаний, остался только её конец, когда я ненадолго пришла в себя. Это было уже во дворце, нас обступила толпа из слуг, рабов и прочего люда. Кажется, там даже была принцесса... Вездесущая особа, уже раздражающая до зубовного скрежета. Все охали, ахали, причитали, а потом тишина...

— Хочу правды, Рахиль, это в пределах разумного? Сколько времени я уже без сознания? Что произошло? Где Кайрин? Вы... Вы, вообще, как здесь оказались? Разве Вам не запрещено покидать гарем?

— Сколько вопросов... Запрещено естественно, но пока об этом знает только император и Кай. Он попросил присмотреть за тобой в своё отсутствие. Посторонних ведь допустить нельзя. Думаю, повелитель не будет ревновать меня к больному мальчику.

Женщина рассмеялась, но вышло это совсем невесело. Улыбка не тронула её глаз, и я терпеливо ждала, когда она продолжит говорить. Сил оценить иронию у меня уже не было.

Сейчас я рассматривала все отстраненно. Меня переодели? Перебинтовали? Вымыли? Она или Кайрин? Собственно, пока мне было все рано.

— Бедная девочка... Мне жаль, что тебе пришлось все это пережить. Ты не приходила в себя пару дней, я так волновалась.

— Что? — новость огорошила, — Но как же помолвка принцессы? Она была назначена на ближайшие дни! Я все пропустила? Или ещё есть время?

Судорожно попыталась сопоставить дату своего похищения с сегодняшним числом, но женщина меня прервала.

— Её перенести в связи с судом. Назначили сразу после казни изменников. К сожалению, тебе придется поприсутствовать на паре допросов, извини, большего не знаю. Даже Кай старается не посвящать меня в политические подробности.

— Он в порядке?

Женщина изящно соскользнула с постели и подошла к маленькому столику в центре комнаты, чтобы накапать мне лекарств. Я скривилась при надвигающейся перспективе принять новую порцию.

— Лучше чем ты, Бес. В физическом плане, по крайней мере. Мы давно с ним близко не общались, чтобы можно было судить об остальном.

— И все же, вы знаете его лучше прочих, — заметила я, принимая бокал из заботливых рук, — к примеру, кто он на самом деле.

— Так сложилось, — Рахиль вздохнула, — ему самому следовало тебе рассказать, но раз уж вы оба настолько упрямы...

Шпилька, адресованная в мою сторону. Устыдившись, я отвела глаза. Эта женщина предупреждала, что, если не расскажу Кайрину правду по собственной воле, добиться от него доверия будет сложнее, а я не послушала.

— Покажите.

Рахиль взглянула на исцарапанную руку, которую я протянула, желая узнать все подробности и отрицательно покачала головой.

— Нет. Если позволишь, сегодня я обойдусь лишь словами. Это для твоего же блага, поверь мне.

С её утверждением я была не согласна. Все вокруг делали что-то для моего блага, и пока я ещё не заметила, чтобы это обернулось чем-то хорошим. Но не смотря на все, женщине хотелось верить, не было в ней затаенного коварства или хитрости, хотя я знала, насколько продуманной она может быть.

Получив в ответ утвердительный кивок, Рахиль снова присела рядом, и поправила подушку у меня в изголовье.

— Стоит начать с истоков, чтобы понять суть. Не думаю, что тебе будет интересно узнать то, как я попала в гарем, а значит не стану вдаваться в подробности. Главное, мне посчастливилось очутиться там в тот момент, когда наш прошлый правитель умер и на престол взошёл его сын. Ты видела императора и можешь представить, насколько он был хорош в молодости. Возможно, тебе будет сложно принять это, но я никогда не тяготела к свободе и считала честью стать одной из его наложниц. Родить ему сына, стать официальной женой — мечта, которая оказалась недостижимой для меня. К тому времени у императора уже была одна жена и двое маленьких ребятишек, в которых он души не чаял.

И даже когда он отбирал фавориток из наложниц, выбор никогда не касался меня. Это обыденность, многим женщинам не выпадает шанса провести ночь с повелителем, даже если они считаются его собственностью. А потом появилась она. Иметри... Дитя неба. Кай говорил, что ты изучала нашу географию и знаешь, что это за народ.

— Да, но он не вдавался в подробности, когда я о нем спросила...

Подложив ладони под голову, я повернулась к женщине, замороженно слушая её мерный

голос.

— Не удивительно, — Рахиль пождала уголок губ, — хотя он, должно быть, осведомлен лучше некоторых. Никто не знает как появилась эта девушка в наших краях, но её нашли у побережья империи и дали ей имя Зианев — осколок звезд. Береговая охрана тут же отправила пленницу в одну из близлежащих провинций, а её заведующий решил, что находка станет лучшим подарком для молодого правителя. Одни боги знают, что Зианев пришлось пережить за время пути, она попала к нам дикой и совсем обессиленной, но даже несмотря на это, казалась самым прекрасным созданием на земле. Хрупкая, с жемчужными волосами и белоснежной кожей — экзотика в наших краях. Даже принцесса не смогла бы с ней сравниться. Не удивительно, что император потерял голову и задался целью приручить её. Все вокруг твердили, что это невозможно, а она сама не питала к нему никаких чувств, кроме презрения. Они же все гордые до безумия, презирающие нас и сильные...

Не пересказать, сколько она успела натворить, прежде чем он добился своего. Спустя какое-то время Зианев родила императору сына, и он настолько помешался, что решил сделать её своей женой.

— Что же помешало?

— На какое-то время советникам удалось его отговорить. Иметри с давних пор считаются нашими врагами, и, если поставить одного из них во главу государства, мог подняться бунт. Народ и без того был недоволен увлечением своего правителя, но пока Зианев оставалась лишь им, это принимали как данность. По сути, в лице общественности она была даже не наложницей, а рабыней. А потом.... — Рахиль замаялась, — потом она умерла. Вот и вся история, ты же умная девочка, сумеешь расставить все по местам?

— Получается, Кайрин её сын... Он полукровка...

— Почти. Дети неба сильнее нас по крови, он перенял способности от отца, но от матери унаследовал все. Как понимаешь, поэтому и не смог стать прямым наследником. В глазах людей он навсегда останется чужаком и это не исправить. Единственное на что Кай может рассчитывать — хорошая должность при отце.

— И как только лишится его — станет первым в очереди на плаху.

Глаза Рахиль смотрели в одну точку, сглотнув она перешла на другую тему.

— Я не рассказала, как мы познакомились. Осталось совсем немного, а потом ты должна отдохнуть. Как сын наложницы, часть детства Кай провел в гареме... Зианев не любили, но он был столь очаровательным ребенком, что некоторые женщины невольно к нему прониклись. А я... я так хотела детей, что решила взяться за воспитание мальчика, как только он лишился матери. К тому же Кай был не только сыном этой женщины, но и частичкой Амирхана, который обожал его больше, чем первого принца. И о чудо, вскоре император заметил, как я привязалась к его ребенку и наконец обратил внимание на меня. Забылся мной... Но вскоре выяснилось, Бес, что я годна быть лишь лекарством от скуки, потому что оказалась неспособна иметь собственных детей. Император не бросил меня, не перестал любить и баловать, навсегда даровав свое покровительство, но на этом все. В итоге я пришла к тому, что Кай — единственное, что у меня осталось.

Рахиль выглядела отрешенно. В задумчивости она теребила золотые украшения на запястьях, будто совсем забыла про мое присутствие. А я не знала, что ей сказать. Все слова поддержки в одно мгновение потеряли смысл. “Мне жаль”, “сочувствую” — кому это вообще помогает?

— Ты, верно не понимаешь, зачем я все это тебе говорю? — Женщина встрепенулась, —

Рассказываю сказки двадцатилетней давности. Ведь, по сути, ты не этого от меня хотела, правда? — Она изящно наклонила голову. Угольные ресницы бросали тени на её матовое лицо, от чего мне на секунду показалось, что Рахиль плачет. — Мне достаточно было сказать тебе, Бес, что он тоже уязвим, что иметри имеют две ипостаси и это дарует столько же преимуществ, сколько и проблем. Но мне бы хотелось, чтобы ты усвоила одну вещь, которую не помогут понять сухие факты, девочка. Не смей его предавать.

Угроза соскользнула с губ спокойно и естественно. Она не кричала, не обещала мне жестокой расправы, но в одном коротком предложении оставила столько холода, что я невольно поёжилась.

— И в мыслях не было...

Соврала. Думала об этом когда-то давно, как только попала сюда, а теперь даже не знала, что собираюсь делать.

— Прости, не хотела тебя пугать, когда живешь среди змей, волей не волей учишься шипеть, — женщина растянула губы в дружелюбной улыбке, которая не смогла скрыть её мыслей. Мед не разбавил горечь в дегтярно-черных глазах. Она заслуженно винила меня в том, что я уже доставляю Кайрину массу проблем. — Оставлю тебя одну ненадолго, советую поспать, если что-то понадобится, звони в колокольчик, я буду в соседней комнате.

Какой сервис...

— Спасибо, я успела выспаться, — буркнула, глядя как Рахиль подходит к двери и замирает. Прислушивается? Боится попасться? Вряд-ли, Карающий наверняка перекрыл коридор, с него станется.

— Забыла сказать, — женщина обернулась, — Сид кое-что тебе передал. Ты выронила сумку в подворотне, а он подобрал. Я оставила её на окне.

Дверь хлопнула, я какое-то время тупо смотрела в след посетительнице, а потом решительно сбросила с себя одеяло. Тело слушалось неохотно, ныло. Ноги подгибались, и чтобы не упасть, мне пришлось идти, цепляясь за стену. Медленно-медленно.

Чехол с фотоаппаратом не вписывался в интерьер. Кусочек современного мира в старинной обстановке дворца теперь казался чем-то фантастически-ненормальным.

Дрожащими пальцами я дернула за язычок молнии, которая как на зло не хотела поддаваться. Должно быть её заело от пыли и грязи. Я уже прикидывала стоит ли пустить в дело кинжал, чтобы распороть ткань к чертям собачьим, когда бегунок наконец заскользил.

Тяжелая тушка зеркала легла в руки как в первый раз, неудобно, громоздко, странно. Усевшись на ковер, я повернула складной экран и щелкнула кнопкой включения. Сердце замерло.

Дисплей с настройками показывал две трети заряда, значение ISO и выдержки. Не пострадал. А вот светофильтр разбился, стоило снять кружку с объектива, как на пол посыпались мелкие осколки. Я открутила деталь, размышляя над тем, что придется покупать новую и нервно рассмеялась. Зачем? Будто когда-то может понадобится!

Сделай то, что хотела. Выйди из настроек, просмотри галерею.

Сейчас тебе недостаточно больно.

Фото открывались с конца. Я помнила последний сделанный кадр, но в моем воображении он не был таким ярким. Перелистнула. Один, второй, третий, несколько сотен снимков на половине из которых был он! Самые любимые фото я не удаляла, даже скинув на компьютер. Обожала их пересматривать, а теперь, кажется, возненавидела.

Нет, это было глупостью. Страшной глупостью!

Экран померк, я выключила фотоаппарат, вынула батарею.

Почему эта дрянь, машина, никчемный механизм, все ещё работает? Разбить его вдребезги, уничтожить! Так будет справедливо. Но рука не поднималась.

Я с трудом уgomонила порыв к разрушению, спрятала фотоаппарат обратно в чехол и запахнула его под кровать, чтобы не попадался на глаза.

Единственное я знала точно, если поддамся эмоциям — буду жалеть потом. Я обязана вернуться к фотографиям рано или поздно, чтобы не забыть лицо Димки. Самое страшное, если оно начнет вымываться из памяти, померкнет, бесследно растворившись в безумстве этого мира, и через несколько лет я уже не смогу вспомнить цвет его глаз. Образ друга вытеснит что-то блеклое как непроявленный негатив и так будет со всеми, кого я когда-то знала.

Так было с папой и не может повториться вновь.

Пока у меня есть возможность, я должна помнить.

Я должна стать сильнее.

Я должна отомстить.

Но нынешняя я была ни на что не способна. Свернувшись на постели калачиком, прикусывала костяшки пальцев, чтобы не закричать. Нельзя шуметь, нельзя плакать, нельзя выпускать отчаяние на волю. Теперь я даже себе полностью не принадлежала.

Как же невообразимо просто восхищаться смелостью героев в книгах, и как сложно быть храброй самой.

* * *

Здесь его звали странным именем, чужим. Какое-то время он и не думал на него откликаться. Дишкари — колючее и шипящее, как все здесь. Потом остальные рабы ему разъяснили, что так называют пустынных демонов, путешествующих вместе с ветром — необузданных созданий, которых практически невозможно поймать, но, если у отважного путника получится, дишкари обязательно выполнит заветное желание взамен на свободу.

Парень усмехнулся и ответил, вспомнив восточную мифологию: “Джинн, значит?”

Прозвище прижилось.

И вот он уже кто угодно, только не Димка.

Димка остался лишь в голове, и Джинн решил, что пусть так и будет. Настоящее имя теперь стало для него чем-то вроде драгоценности. Сашка всегда произносила его мягко, и парню не хотелось портить воспоминания чужими голосами, которые попытались бы его так назвать.

Правила он тоже усвоил быстро, хотя, если говорить по правде, то нечего там было усваивать. “Ты — вещь” — два слова которые должен был понять каждый, кому “посчастливилось” попасть в рабство.

Имран Гафур, державший в пухлых лапах свой зверинец, при встрече с новым товаром даже задвинул речь, в которой милостиво просветил Джинна, что тому перепала не худшая доля, а его заведение, самое что ни на есть элитное. И если он добьется успеха в боях, то сможет найти себе покровителя. Перспектива куда лучше, чем гнить в зловонных камерах, а потом выходить на песок, чтобы пролить кровь на потеху толпе. Не важно чью — свою или чужую, до конца жизни, снова и снова, за корку хлеба.

Подумать только! Элитное рабство!

За непокорность, проявленную при появлении в этой дыре, Джинн расплатился сломанными ребрами, а потом до него внезапно дошло, что так будет повторяться до бесконечности, потому что кости срослись уже на следующее утро. Мелкие раны и вовсе заживали почти на глазах.

Он вспомнил, что до того, как попал сюда его тоже избили.

“А ты — ценный товар” — слова Гафура обрели смысл.

Джинн не хотел быть товаром.

Не мог побороть в себе отвращение, когда другие, выскребая из мисок водянистую кашу, которую давали рабам обед, рассуждали, что неплохо было бы завести себе хозяина.

Мол, будь они приставлены к какому-нибудь знатному хрычу, который непременно поставит на их шкуру своё клеймо, каша стала бы слаще, а мир проще. Никто даже думать не смел о бунте, рабская татуировка не позволяла и руку поднять на своего господина. Зато какие привлекательные перспективы она открывала! Самые умелые, самые кровожадные могли стать телохранителями, наемниками, преданными псами, а у такой службы были свои плюсы.

— Слыхал? Уж если хозяин расщедритя, даст тебе бабу, Крест, — Джинн краем уха уловил разговор двух бойцов, сидящих за соседним столом, — ты бабы теперь отродясь не мял.

Здоровенный бугай с налысо обритой головой и бычьей шеей, по которой струился липкий пот, стекая прямо за шиворот его кожаного жилета, подначивал более хилого соседа.

— Кончай байки травить. Какой господин свою наложницу нам отдаст?

— Наложницу, — передразнил лысый, — сколько раз тебе по башке сегодня дали, что она у тебя варить перестала? Думаешь у богатеев рабынь мало? Молоденьких, сладеньких дворняжек, я бы такую...

Мужик встал со скамьи, уперся грязными руками в край столешницы, и закатив глаза, ритмично толкнулся бедрами вперед.

— Размечтался. Тебе не даст даже одноглазая и хромая, на рожу свою глянь... — Хилый начал зубоскалить в ответ.

— А кто её спрашива...

Договорить бугай не успел, сзади на него налетели. Грузное тело, оглушенное ударом в темя, завалилось вперед, окунувшись мордой прямо в чашку с недоеденной кашей.

— Жри, урод, жри! Иначе я тебе её вместе с ложкой в задницу засуну и твоего мнения не спрошу! Жри, сука, нравится?! — Джинн сам не понял, как оказался рядом с ними, а в слушающую секунду уже макал голову бугая в тарелку. И не мог остановиться...

Никто не ожидал от новенького такой прыти, так что оттащить его от бойца успели уже после того, как последний лишился передних зубов.

Лежа в одиночке, харкая кровью на каменный пол, Джинн думал лишь о том, что беззащитную девушку в империи, могла ждать одна участь — быть отданной в качестве забавы говнюку наподобие этого.

Он боялся закрыть глаза, боялся представить, что на месте воображаемой девушки, которую громила “разложил” на столе, могла быть его Сашка.

“А кто её будет спрашивать?”

Это могло происходить прямо сейчас, пока Джинн, заточенный в четырех стенах, ничего не мог сделать. Тогда он и понял, что ему действительно нужен хозяин.

Не ради лучшей жизни или поблажек, а чтобы выбраться отсюда, даже если горло будет сдавливать цепь. Желательно найти человека из высшей знати, служба которому поможет получить доступ во дворец. Ведь если он туда попал, значит оттуда и нужно начинать поиски.

Для осуществления плана Джину нужно было стать лучшим, и он постарался, чтобы это организовать. Когда к Гафуру начал периодически заявляться принц, парень уже знал как себя подать.

Первым делом он навел справки, и хоть большинство рабов не спешили делиться с Дишкари информацией, были и некоторые, которые искали в его обществе защиты. Даже среди бойцов сложилась своеобразная иерархия.

Совсем ещё зеленые тянулись к нему и рассказывали положение дел более охотно.

Назир, с которым он участвовал в спаррингах, был довольно общительным парнем и поведал, что средний принц слыл эксцентричной личностью, любившей укрощать пустынных хищников. Заинтересовать такого не составит труда при славе, которую Джинн уже себе создал, так что сложностей возникнуть не должно.

Но была ещё одна проблема, которая могла помешать. Кто-то его ведь поймал, пытал, и более того, отправил сюда, поддавшись чему? Жадности? Убить бы эту тварь.

— Кто занимается пленниками во дворце, Назир?

Парень почесал шею, на которой только начала пробиваться черная щетина. Совсем бесхитростный, долго здесь не продержится, хотя потенциал в силе имел неплохой. Но взгляд... Смотрел так, будто и муху боялся обидеть.

— Ты из глуши что ли? Спрашиваешь кто сейчас на должности Карающего? Так это уже лет шесть как неизменно. Кайрин Эллер, бастард его величества.

— Ясно...

— А тебе зачем? — Не унимался молодой боец.

— Посмотреть на эту грандиозную личность хочу. Как только выберусь.

Неопределенности нет границ,

В толще воды застыв одна,

Ты не знаешь:

То ли выплыть и дальше жить,

То ли достигнуть

Дна. (с)

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ